

НОВАЯ ПОЛЬША 3/2010

Содержание

1. ИЗ ОПЫТА МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ
2. РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ...
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. БЕЛЫЕ ПЯТНА — ЧЕРНЫЕ ПЯТНА
5. ПОЛЬША — РОССИЯ: ОППОЗИЦИЯ — ДИССИДЕНТСТВО
6. СТИХОТВОРЕНИЯ
7. БУНТАРЬ
8. СУП ИЗ РАКОШИ
9. НЕИЗВЕСТНЫЙ ТЕКСТ ЕЖИ ГЕДРОЙЦА?
10. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
11. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
12. В 1987 ГОДУ Я ПОЕХАЛ НА ВЕЛОСИПЕДЕ В КАТЫНЬ
13. «ОГЛЯНИСЬ В РАСКАЯНЬИ»

ИЗ ОПЫТА МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Сразу же сделаю оговорку: я не могу назвать себя полноценным участником польского движения протеста 1968-го, потому что уже на второй день тех событий была арестована и оказалась в тюрьме, а вышла на волю, когда движение было полностью задушено. Тем не менее 1968 год наложил отпечаток на всю мою жизнь и на жизнь моих товарищей и ровесников настолько, что по сей день мы узнаём друг друга и ощущаем связь, скрепляющую нас как членов «поколения 68-го».

Мы ощущаем взаимное сходство в подходе ко многим вопросам, а также априорное понимание и симпатию у представителей того же поколения в других странах Востока, равно как и Запада. При этом мы сознаём, что нас различает, и знаем, что эти различия разделяли нас и в прошлом. Некоторые из них появились с течением времени, тогда как другие — со временем стерлись.

С перспективы целой жизни, по прошествии сорока лет, мы можем сказать о себе — как всего лишь несколько поколений в европейской истории, — что мы выпорхнули из одного гнезда или, по крайней мере, что наши гнёзда были соседними на одной ветке того же дерева. Так могло сказать о себе поколение 1812-го — года великой наполеоновской эпопеи, которая для молодежи из таких стран как Польша, лишенных государственного суверенитета, выглядела поначалу большим освободительным приключением. Про этот год говорил Адам Мицкевич: «И в жизни только раз я знал весну такую» (пер. С.Мар). Мы тоже, невзирая на богатый последующий опыт, можем так сказать про 1968 год.

Иосиф Бродский, *anima naturaliter* индивидуалистическая, метче всех определил элемент, характеризующий следующее — наше — поколение всемирного движения протеста, поколение 68-го. Родившийся в 1940 г. в коммунистическом Ленинграде, поэт взрастал в СССР, но не кто другой, как он, описал — на своем примере — тот порыв к свободе, который был определяющим для нашего поколения на Востоке и на Западе.

Бродский говорил только от своего имени, он старался интеллектуально «оторваться от противника», создать собственный духовный мир, полностью суверенный, в котором не было бы зависимости ни от коммунистов, ни от

антикоммунистов, ни от диссидентов, ни от аппаратчиков, людей власти или конформистов, а в искусстве — от эстетов, антиэстетов и от преходящей ангажированности, будь то художественной или внехудожественной.

В нашем (польском) случае это проявилось рано. Это была *жажда свободы*. Мы не в состоянии объяснить, откуда она взялась. Уже в школе мы анализировали каждое политическое событие в мире и в Польше, безотчетно и инстинктивно задаваясь вопросом: а каким образом оно соотносится с нашей жаждой свободы? Удастся ли этот опыт перевести и усвоить, а затем и использовать здесь, в Польше, в нашем стремлении выбраться из тяжелого положения. Так мы обсуждали книги и политические события. У человека, созревающего в те времена, первой подавала голос «генетическая жажда свободы».

Это название принадлежит как раз Иосифу Бродскому.

Эта воля к свободе выразилась в неприязни к любым строгим правилам, дисциплине, приказам. Мы не любили школу, сбегали с уроков, нас злила и раздражала необходимость носить школьную нашивку, форму, белые воротнички. Мы не думали о карьере, о так называемой малой стабилизации, т.е. той жизненной модели 60–70-х, что была предложена правительством и официально пропагандировалась. Нас отталкивали образцы мелкобуржуазной жизни, ее чаяния, в том числе — и, пожалуй, прежде всего — в ее коммунистическом варианте. Мы не хотели обогащаться, нагромождать мебель и картины, не мечтали о телевизоре и автомобиле, у нас вызывала отвращение так называемая борьба за кресла, посты, престиж. Нам не нравилось думать о будущем, планировать его, так как мы не хотели отречься от свободы, вступая на заранее проложенный жизненный путь: школа — учеба — семья — карьера — благосостояние — безопасность. Мы предпочитали автостоп, свободную любовь. Нам хотелось полной свободы. Жизнь должна была стать приключением, поисками всё новых и новых впечатлений.

В этом смысле бросается в глаза сходство польской молодежи и того же поколения на Западе, породившего политических мятежников и хиппи. Различия, естественно, тоже существовали. На Западе бунт 68-го был больше всего бытовым бунтом: он ввел в обиход новый стиль жизни, новые моды, а главное, распространил новые нравы и стандарты в сексуальной жизни, в жизни женщин, в семейной жизни, в отношении к молодежи и молодости, вообще в положении молодежи, придав ей особое значение и приковав к ней внимание. С той поры никто уже не хотел быть старым, а

молодежь не собиралась отказываться от своего центрального места в обществе. Движение за освобождение женщин привело на Западе к прочному изменению их роли, социального и профессионального статуса, а также личной ситуации. Стали требовать равноправия гомосексуалисты и во многих странах достигли его. В США, особенно в Сан-Франциско и Нью-Йорке, они изменили лицо городов. Их демонстрации превратились в красочные карнавалы, прибавляя им сочувствующих. Перелом в движении гомосексуалистов произошел вместе с распространением СПИДа в 80-е годы. В обществе параллельно распространению болезни возрастало понимание и сочувствие к ее жертвам, укрепляя тенденцию к равноправию так называемых сексуальных меньшинств. Иначе происходило в Польше. Равноправие женщин и признание их свободы, особенно в интеллигентской среде с помещичьими традициями, было свершившимся фактом, который вытекал из истории страны, лишенной свободы, причем трагические последствия этого зачастую понесли главным образом женщины, возлагая на себя бремя обязанностей главы дома и семьи ввиду недостаточной заботы мужчин и опоры на них — сражающихся, бросаемых в тюрьмы или же деклассированных и лишенных имущества. Та модель освобождения от нравственных запретов, а также от бытовых норм и обычаев, которая распространилась в нерелигиозных интеллигентских кругах Польши, особенно среди тех, кто протестовал в 1968 г., заметно отклонялась от западной.

Почему движение протеста 1968 г. приобрело в разных странах столь несхожую направленность? Эта проблема заслуживает анализа. Ограничусь здесь указанием только одной причины: в Польше точно так же, как и в США, бунт студенчества был выражением недовольства существующим политическим порядком, который вызывал моральное отвращение (в США он характеризовался серией убийств — сначала президента США, а затем в одном только 1968 г. Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди — или, скажем, призывом в армию, воюющую во Вьетнаме; в Польше — известно чем, а если кому-то неизвестно, то я стараюсь многое объяснить в данном тексте). Однако польской спецификой было то, что в 1968 г. наша жажда свободы, в противоположность французскому, итальянскому и американскому движению протеста, не сочеталась с политической мечтой о перевороте, восстании или революции.

Что я хочу этим сказать? Прежде всего я стараюсь пояснить, что у нас отнюдь не преобладал элемент неразумного и запальчивого бунта — в противоположность тому, как это изображали пропагандисты, а также тогдашние режимные

вузовские клерки, которые верили, будто свободу в науке и образовании можно спасти ценой повиновения в политическом преподавании, что привело к студенческому митингу 8 марта 1968 г., а затем и к карательным действиям в польских вузах, особенно в Варшавском университете.

Наша позиция начала выстраиваться намного раньше. В сущности, интеллектуально и политически нас сформировал октябрь 56-го.

Нам было тогда по десять лет. Но тот глоток октябрьских свобод оказал решающее воздействие на наше развитие. В какой-то момент, еще в школе, мы ощутили почти физически, что начинаем задыхаться. Грянули суды над писателями. В прессе их атаковали чрезвычайно грубо, зачастую анонимно, так как авторы этих текстов чувствовали, что не вызывают симпатий. Стали репрессировать и журналистов. Отец нашей подруги Агнешки Холланд выпрыгнул в окно, когда гэбэшники явились к нему домой с обыском. Пятнадцатилетний Адам Михник присутствовал на похоронах, которые превратились в антипартийную демонстрацию друзей Генрика Холланда, «людей октября», так называемых ревизионистов. Естественно, эта смерть воспринималась как политическое убийство. Я говорю об этом потому, что чувство удушения свобод тогда испытывали не только мы; оно наблюдалось и у наших родителей и тех членов ПОРП, кого именовали ревизионистами, — иногда это были высокопоставленные представители партаппарата, принадлежавшие к поколению 56 го года; они были идейными коммунистами и питали благие политические намерения. Эти партийцы верили, что благодаря им Польша стала в 1956 г. самой открытой и либеральной из социалистических стран. То были люди, которые провели преобразования октября 56 го и сознавали, что в Польше реформирование коммунизма зашло очень далеко. Мощным было влияние Церкви. Землю коллективизировали лишь в незначительной части, и в довольно крупных масштабах существовала мелкая частная собственность, мелкое ремесло и производство. В стране выдавались заграничные паспорта, люди путешествовали на Запад, были доступны иностранная пресса и книги. Тогда говорились: «Польша — самый веселый барак в лагере». Но эта ситуация начинала близиться к завершению. Когда я сдавала экзамены на аттестат зрелости, возникло дело о письме 34-х. Мы знали, что письмо направлено против цензуры. Знали, что имеют в виду эти писатели на самом деле, когда пишут премьер-министру о нехватке бумаги. Газеты и журналы периода «польского Октября», читавшиеся в городских библиотеках «задним числом», когда эти издания

уже не существовали, были той литературой, которая нас формировала.

Когда мы учились только-только на первом курсе Варшавского университета, в самом начале второго семестра, Куронь и Модзелевский попали в тюрьму. В первый раз оказались тогда под следствием и попали за решетку также Адам Михник и Северин Блюмштайн. Им не исполнилось еще и 19 лет.

До 1968 г. мы успели убедиться, что политический курс партии и правительства неуклонно заостряется. Тенденция шла только в одном направлении — уничтожить ту свободу слова и убеждений, которую общество получило в 1956 м. В 1966 г. власть объявила гротескную войну Церкви, устроив охоту на чудотворную икону Божией Матери Ченстоховской, Черной Мадонны, Царицы Польши, которую паломники несли через всю страну на плечах, чтобы тем самым почтить и ознаменовать тысячелетие польского государства. Параллельно с этим была организована настоящая облава на епископов, которые по тому же поводу обратились с посланием к немецкому народу через немецких епископов с памятной многим просьбой взаимно забыть и простить все обиды, нанесенные в прошлом. Гомулка, который в тот период стремился к утверждению мирного договора с Западной Германией, санкционирующего границу Польши по Одре и Нисе, выбрал — вместо жеста забвения и прощения — шовинистические нападки на западногерманские политические центры. Тем самым первый секретарь ЦК ПОРП, получив гарантии западной границы Польши, установленной после II Мировой войны, демонстрировал Советскому Союзу свою готовность к поддержке ялтинской системы. В 1967–1968 гг. та же самая власть выступила против интеллигенции. В той войне она использовала пропаганду мракобесия и ненависти. Антисемитизм широко распространялся официально — путем проведения расовых чисток в аппарате власти и в армии с того момента, как в июне 1967 г. разразилась Шестидневная война. Одновременно клеймили идейных коммунистов, лиц еврейского происхождения и тех ценимых в стране представителей культуры и искусства, которые критически относились к режиму. Для тех исключительно ограниченных людей, что стояли тогда у власти в партии и правительстве, польская интеллигенция — с ее высокими принципами, дворянской родословной и такими рыцарскими нравственными ценностями, как благородство, мужество, служение обществу, а главное, привязанность к свободе — стала последним препятствием на пути к восстановлению полной диктатуры над духовной жизнью общества. Последние

анклавы октябрьских свобод находились тогда в Варшавском университете или у литераторов, в их творческих объединениях (Союзе польских писателей и ПЕН-клубе). Мы не питали и тени сомнения в том, что партия и органы ГБ объявили решительный бой интеллигенции, сочетая эту войну с собственной внутренней фракционной борьбой.

Нам тогда лозунг революции нравился. О революции открыто говорили на Западе, где она принадлежала к традиционным требованиям левых. А левые в Европе вышли из II Мировой войны укрепившимися благодаря компрометации правых и надежде на обновление жизни и европейской цивилизации. Левые обещали мир. Они выдвинули лозунги социальных перемен. Западная интеллигенция была восхищена силой СССР, и, несмотря на то что после войны они подсыпали зерно голубям мира, утрамбовывая почву под ялтинские границы восточной империи, ее развитие действовало на эмоции этих людей — китайским Великим походом и переворотом Фиделя Кастро; потом их очаровал Че Гевара. Они с восторгом говорили о «культурной революции» в Китае, и она тоже нравилась западным левым, уже немножко разочаровавшимся тогда в Советском Союзе, особенно после откровений Хрущева о сталинизме и кровавого подавления восстания в Будапеште.

Итак, революция нравилась нам естественно, в силу повсеместных тогда миазмов левой идеологии, которым поддавались и мы. Нас воспитывали в культе борцов за свободу в Испании 1936–1939 гг., польских национально-освободительных восстаний, антиколониальных войн. В США убили молодого президента вместе с молодой надеждой, во Вьетнаме со времен наших выпускных школьных экзаменов продолжалась война. Во всем мире и у нас тоже вместе с разочарованием в существующем политическом порядке нарастала тоска по радикальным переменам.

Но мы жили и возрастали в Варшаве, а в Варшаве того времени нельзя было не видеть, что такое восстание и какую за него платишь цену. Варшавское восстание сделалось для нас вторым после октября 56 го формирующим мифом, а нашим наставником и идеалом стал Ян Юзеф Липский, повстанец из полка Армии Крайовой «Башня», друг Януша Шпотанского^[1], антикоммунист, в оппозиции со студенческих времен, т.е. с самого начала сталинизма в Польше (читай: извечно), без иллюзий насчет возможной либерализации коммунизма, исповедник принципа активного и бескомпромиссного противостояния режиму. Как говорил Яцек Куронь, каждый политик действует под влиянием тех выводов, которые он

извлек из главного для него опыта. Для Липского таковым было Варшавское восстание. По этим соображениям он остужал наш радикализм, уговаривал действовать прагматически, продуманно и перспективно, отговаривал от губительных акций. Под его воздействием и благодаря страстной увлеченности Адама Михника историей мы начали открывать для себя политические традиции независимой Польши. Кроме того, и личный пример этих людей из варшавской интеллигенции, повстанцев, вставших на самоубийственную борьбу, а затем — политзаключенных, неустрашимых и нестигаемых, тоже оказался для нас важным.

С этикой революции мы порвали еще раньше. Решающую роль сыграла в этом другая характерная черта нашей юношеской политической психологии: у нас было продуманное отношение к революции, войне, бунту — неприязнь к уничтожению и разрушительству. Нас озаменовал польский исторический опыт, который в принципе был в тогдашние времена личным опытом каждой интеллигентской семьи, вынесенным из войны, Катастрофы, варшавских восстаний 1943 и 1944 гг., из октября 56-го. Убеждение, что мятеж представляет собой само крайнее и всегда самоубийственное средство, хотя иногда неизбежное и единственное, а также постоянное *memento* в виде руин разрушенной Варшавы, развалин гетто, память о советских танках в Будапеште — всё это отличало польское движение от настроений молодежных бунтов на Западе в 1968 г., особенно парижского мая. У нас об упоении бунтом, о настроениях «карнавала свободы» заговорили только в период так называемый первой «Солидарности» 1980–1981 гг.

На Западе крайне левые и террористы сильно скомпрометировали само понятие левизны. Традиционную программу левых в области минимизации социальных различий и опеки государства над бедными слоями населения, а также их охвата образованием, услугами здравоохранения и т.д. взяло на себя государство.

Сегодня, не обладая смелостью и умением создать в Польше левую политическую программу, сфокусированную на проблематике социального равновесия и выравнивания социальных шансов, не умея произвести анализ изменившейся социальной действительности, адекватный произошедшим преобразованиям, молодые левые обращаются к лозунгу бытовой терпимости. Тем самым они укрепляют тенденцию, типичную для стандартов современной массовой культуры, и стремятся к расширенному вмешательству политики в сферу права на частную жизнь, содействуя разрушению

традиционного индивидуалистического понимания личной свободы как территории, охраняемой от любого вмешательства общества и государства.

Иным был путь поколения 1968 года: уважая сферу частной жизни, оно в нее не вникало, и это представляется единственным способом, каким можно создавать общество, гарантирующее свободу нравов, веры, убеждений, стиля жизни. Сегодняшние польские левые, подчеркивая в своей программе свободу нравов, остаются верными традиционным левым (которые всегда воспринимали личные свободы как коллективные) и тем самым обретают шанс на свое возрождение в массовом обществе СМИ и медиальной популярности. При этом они обостряют — и тоже способом, типичным для исторических левых, — межгрупповой антагонизм: организуя демонстративную поддержку одним, они враждебно настраивают группы, придерживающиеся более традиционных взглядов. И содействуют построению геттообразных сообществ со стилем ведения политики и гражданской жизни, характерным для людей, запертых в осажденной крепости.

Гораздо более приемлемой выглядит — по крайней мере, для построения основ здорового и лишённого предубеждений общественного сосуществования — позиция уважения к сфере частной жизни. В этом-то вопросе и надлежит проявлять неуступчивость.

В сегодняшнем польском обществе — в обществе с двумя разными темпами развития, принадлежащем к двум разным эпохам и раздираемом между теми, кто живет в современности и кто держится за анахроническое, в обществе, где социальные круги с традиционным подходом, не втянутые в процесс цивилизационных перемен, терзаемые горечью и самыми разными предубеждениями, составляют огромную часть общества, — левые могли бы оказаться полезными и желательными, составляя перечень социальных и гражданских требований меньшинств всяческого типа и помогая им словесно выражать их платформу. Однако без реабилитации в обществе левого мышления и левой восприимчивости к социальной несправедливости, а также без переопределения самого понятия этой несправедливости, равно как и без создания соответствующей программы трудно представить себе в Польше следующий шаг влево.

Неясный облик сегодняшних новых левых выражается и в том, что они не строят собственных традиций и не ищут в прошлом

ярких и недвусмысленных образов своих покровителей. Фигура Лехослава Гоздзика^[2]

не возбудила заинтересованности, а ведь контакт с этим героем октября 56-го не требовал искусства общения с потусторонним миром. Признаюсь с огорчением, что у меня даже сложилось такое впечатление, будто прежнее безразличие новых левых по отношению к атакам современных демагогов на Яцека Куроня или Адама Михника в последнее время окрасилось удовлетворением. Во всяком случае михникофобия — это уже не какая-то интимная патология нескольких закомплексованных правых публицистов. Я вижу здесь скорее другую причину: современные движения характеризует откат от прошлого и атрофия умения или даже потребности его разумного анализа. А без таких склонностей левых до сих пор не существовало.

На полях этой проблемы можно констатировать принципиальное различие между чаяниями движения протеста 1968 г. и позицией сегодняшних молодых левых в Польше. Оно состоит в отношении к индивидуализму: жажда личной свободы была в нашем случае первичной и инстинктивной, тогда как сегодня ей противостоит и прямо с ней борется коллективистски и революционно настроенная молодежь. Это предвещает в Польше разрыв непрерывности в традициях и стиле проявлений протеста.

Чтобы сдвинуться с места, нужно порою взглянуть назад. Нынешний кризис понятия левизны приобрел остроту и проявился вместе с протестом 1968 г. и его дальнейшей историей. Лешек Колаковский уловил эту метаморфозу левых и других традиционных политических течений в своей знаменитой статье «Как быть консервативно-либеральным социалистом?» (1978) и поставленном в заглавие вопросе, который определяет политическую позицию, возникшую на развалинах этого понятия.

Статья представляет собой отрывок из текста, полностью доступного в Интернете. См. «Зешиты литерацке», www.projectshelf.com

---

Барбара Торунчик (1946 г.р.), публицист, с 1980 находилась в эмиграции, с 1983 г. основатель и главный редактор ежеквартального журнала «Зешиты литерацке» («Литературные тетради»), в состав редколлегии которого входил Иосиф Бродский и до сих пор входит Томас Венцлова (об

этом журнале и его создательнице см., в частности, статью Яна Зелинского «До чего же меткое название!» // Новая Польша, 2008, № 1). Сейчас и она, и журнал перебрались в Польшу. Награждена офицерским (2002) и командорским (2005) крестами ордена Возрождения Польши.

1. О Януше Шпотанском см.: Ян Стренковский. Неподцензурная культура // Новая Польша, 2006, №1. — Ред.
2. Лехослав Гоздзик (1931–2008), в 1956 первый секретарь парткома Варшавского автозавода; в период октябрьского политического кризиса лидер стихийного движения рабочих и интеллигенции. В последующие годы его травили, в 1959 исключили из ПОРП, затем выгнали с работы; он поселился в Поморье (работал рыбаком), а позднее был бургомистром Свиноустья, где жил, и президентом Общества морских рыбаков. — Пер.

РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ...

Стратегия по отношению к «ближнему зарубежью» направлена на то, чтобы эти государства обладали формальной независимостью, но были послушными России, полузависимыми. И не связывали себя с «противником», то есть с НАТО.

— Господин профессор, непросто, наверное, говорить с русскими, если их президент заявил, что самой большой геополитической катастрофой XX века был распад Советского Союза.

— Это сказал президент Владимир Путин в апреле 2005 года. Я, помню, был тогда в Брюсселе. Ко мне обратился журналист с вопросом, что я думаю по этому поводу. Я ответил, что президент, безусловно, оговорился. Он имел в виду, наверное, что именно большевистская революция и образование СССР были катастрофой и нарушили нормальный исторический процесс. Крушение Советского Союза было возвращением к норме. Оно открыло большие возможности и самой России, и всему миру.

Когда пала империя

— В Кремле, похоже, видят Россию империей...

— Так получилось, что еще совсем молодым, после университета, я переводил открытые советскими архивами документы Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций. И обратил внимание, что на этих встречах на высшем уровне Сталин, среди представителей Советского Союза, был единственным, кто редко пользовался названием «СССР», а, как правило, использовал термин «Россия»: «Россия согласится на то, на это...». Я тогда подумал, что только он мог себе это позволить. Он говорил так, обращаясь к Черчиллю и Рузвельту. Сталин считал, что Советский Союз — это идеологическая декорация, а в действительности ощущал, что представляет империю, и чувствовал себя ее продолжателем.

— И был прав...

— Когда жизнь СССР завершалась, среди его руководителей проявилось два типа мышления. Первый, представляемый Горбачевым, состоял в том, что «Советский Союз можно было сохранить». Я несколько раз говорил с Горбачевым на эту тему.

Спросил, какие ошибки своего правления он видит с 10-летней дистанции. И он довольно простодушно сказал, что допустил три ошибки. Первая: надо было дать землю крестьянам — это было бы продолжением ленинского декрета о земле. Вторая: надо было провести радикальную смену руководящих кадров в республиках, так как высшие посты там часто занимали люди с ментальностью директоров колхозов или совхозов. Наконец, в-третьих, сказал он с грустью, ему казалось, что между народами СССР существует настоящая дружба. Он не отдавал себе отчета, какие таились — под прикрытием фраз о нерушимом союзе — мощные дезинтегрирующие силы, ведя к распаду СССР. В конце этой беседы он подарил мне изданную им Белую книгу под названием «Союз можно было сохранить». Горбачев по-прежнему в это верил. Нет, этот Союз нельзя было удержать!

— Это была наивность?

— Наивность состояла в том, что Горбачев не осознал, что стал своего рода исполнителем приговора истории. Так получилось, что в 1999 г. у меня был почти часовой разговор с Папой. Иоанн Павел II с большим уважением говорил о Михаиле Горбачеве. Он сказал: «Ведь этот человек так много сделал, чтобы освободить страну от бесчеловечного режима». А я позволил себе замечание: «Это правда. Но правда и то, что его намерением было спасти этот режим. Его, скорее, просто вела рука Провидения». Папа же ответил: «Горбачев хотел этот режим цивилизовать — построить “социализм с человеческим лицом”». Однако с того времени, как такую цель ставил Дубчек, прошло 20 лет. Тогда, в 1968 г., для этого еще были какие-то основания. Но с тех пор в России и во всей Центральной и Восточной Европе выросло целое поколение, которое в полной мере понимало, что большевистская система не работает. Пришло время перемен. Великая историческая заслуга Горбачева состоит в том, что он не применил силы в защиту рушащейся системы (если всё-таки применял, то изредка и непоследовательно — как в Вильнюсе). Как он сам говорил, он этого не сделал, потому что был принципиальным противником применения силы. Добавлю: он не сделал этого и в силу своего характера. Он был человеком мятущимся.

— То есть слабым?

— Бывают моменты в истории, которые выдвигают фигуры сильные, категоричные, решительные. Например, война требует, чтобы во главе государства становились сильные люди. Но есть в истории и такие моменты, когда возникает потребность, чтобы народами руководили люди соглашательского толка. Достоинством Горбачева было то, что

Политбюро его принимало. Когда я во второй половине 90-х был директором Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), Горбачев, который тогда уже не занимал никаких государственных или партийных постов, пригласил меня на торжественную конференцию, посвященную столетию со дня рождения Никиты Хрущева. В перерыве, когда он пригласил меня в свой кабинет на кофе, я его спросил, чем он руководствовался, организуя это мероприятие. На что он ответил: «Без Хрущева не было бы Горбачева». Я тоже считал так и задал следующий вопрос: «А как объяснить, почему Хрущев остановил начатый им процесс десталинизации?» На это Горбачев ответил: «Безусловно, потому что если бы Хрущев пошел дальше, то оказался бы под судом как ответственный за кровопролитие. Он сознавал свою долю ответственности. Его руки были в крови. А у меня — у меня чистые руки». И показал мне свои руки в доказательство...

Огромная заслуга Горбачева, что он не допустил кровопролития. Однако в процессе разрушения той машины насилия, которой был Советский Союз, сигналы времени лучше улавливал Борис Ельцин. Интуиция подсказывала ему, что система исчерпала себя. Он стремился вырвать корни зла.

— **Ельцин, таким образом, представлял второй тип мышления, считая, что систему не удастся сохранить.**

— И отбросил систему, как пустую скорлупу. В Беловежской пуще он принял решение о роспуске СССР. От России отпали республики. Мы были свидетелями необычайного процесса. Осуществлялась мирная деколонизация империи. Прошло почти 20 лет. Сегодняшняя постимперская Россия — это никак не прямое продолжение СССР или новое издание царской России, хотя в силу вещей несет в себе элементы обеих этих империалистических систем. Для российских руководителей вопрос номер один — избежать того, чтобы дезинтеграционные процессы в Российской Федерации взяли верх и Россия разделила судьбу Советского Союза. Поэтому сохранение территориальной целостности — это приоритет. А с другой стороны, создание вокруг России пояса вроде лесозащитной полосы...

Украинский вирус

— **«Ближнего зарубежья»?**

— Стратегия в отношении «ближнего зарубежья» направлена на то, чтобы эти государства, подчиненные российским интересам, обладали формальной независимостью, но были

послушны России. Говоря без обиняков, были бы полузависимыми. И не связывались бы с «противником», которым традиционно в России видится Североатлантический союз.

— Чтобы не связывались с Западом.

— В чем состоит специфика политики безопасности в наше время? Прежде безопасность опиралась на стабильность. Термины «стабилизация» и «безопасность» были почти синонимами. Перемены, начатые распадом СССР, нарушили понимаемую таким образом стабильность. После падения СССР главной задачей было обеспечить управляемость процесса перемен и при этом обеспечить безопасность. Стоял фундаментальный вопрос: каким образом подчинить перемены контролю и как ими управлять? Было несколько ответов, как, не поступаясь интересами безопасности участников системы, осуществить ее фундаментальное преобразование. Произошло расширение двух больших структур — Евросоюза и НАТО. В России это воспринимается как ослабление ее позиций в мире, как прорыв Запада в пространство, где Россия доминировала. Субъективно Россия опасается, что этот процесс — попытка столкнуть ее на обочину главного пути мирового процесса перемен.

— Итак, мы обозначили первый источник польско-российского конфликта — это политическое противостояние в пространстве так называемого ближнего зарубежья. Польша, еще когда министром иностранных дел был Кшиштоф Скубишевский, исповедовала концепцию продвижения демократии на Украине и в Белоруссии. А также в других постсоветских республиках.

— По сути это была реализация стратегии, разработанной Гедройцем и Меровским, которые 50 годами ранее выдвинули такую программу. Вовлеченность Польши в демократические перемены на постсоветском пространстве, в особенности на Украине, не вызвана тем, что Польша стремится оттолкнуть Россию и достичь влияния на этой территории. Перемены на Украине имели внутренний источник. Миллионы украинцев жаждали перемен. Роль Польши состояла в том, чтобы не лишить их этого права, дать возможность свободно выбирать, чтобы не допустить фальсификации выборов. Александр Квасневский не высказывался ни в пользу Виктора Ющенко, ни за Виктора Януковича или Юлию Тимошенко. Сила и эффективность его действий основывалась на том, что он дружил со всеми и получил приглашение ото всех, чтобы принять на себя роль

посредника, предоставляющего добросовестные услуги. Это привело к тому, что Александр Квасневский фактически помог Украине. У него было несколько хороших мыслей: так, его личная идея, чтобы в поиске формулы для возврата подлинных итогов выборов украинский Верховный суд заседал в свете юпитеров, а не при закрытых дверях. Процесс установления истины должен был проходить на глазах миллионов, чтобы общество видело: это не манипуляция.

— Тем самым мы обрели союзника...

— С украинскими политическими верхами есть определенная проблема. Они считают, что поддержка Польши им гарантирована. Что не надо ни о чем заботиться, потому что Польша всегда будет их поддерживать. Приведу пример. Когда президент Ющенко выбирал советника по европейским делам, казалось, что это будет поляк. Однако эту роль президент Украины поручил послу Германии. Было бы, конечно, правильнее назначить двух советников — немца и поляка. Когда я был назначен на должность министра иностранных дел, я добился первого совместного визита в Киев с немецким министром Йошкой Фишером.

— А в чем состояла роль Украины по отношению к России в это время?

— Если бы на Украине удался процесс демократизации, то он бы оказал воздействие на развитие ситуации в России значительно большее, чем перемены в Центральной Европе. Близкая ментальность, общие традиции — это естественная основа близких отношений между Киевом и Москвой.

— Москва опасалась, что Украина будет первой косточкой домино? Ведь раньше, когда Польша становилась демократической, страха в России не было?

— Для России Польша не пример. Наше историческое развитие другое. Мы уже тысячу лет связаны с западной цивилизацией. Мешко I принял христианство римского обряда, а не византийского. В результате в Польше свыше тысячи лет католичество, а не православие. В течение веков на это накладывались и другие элементы. Польша с российской точки зрения — представитель внешнего мира, в то время как Украина была частью того мира, который высказался за византийскую форму осуществления власти. И если бы на Украине в результате выборов в ноябре 2004 г. выиграл Янукович, то, весьма вероятно, польско-российские отношения не были бы отягощены значительными

препятствиями и предубеждениями, так как в Москве взяло бы верх мнение, что Польша не обладает силой воздействия, которая может грозить влиянию России в этой части Европы.

Концерт на российской ноте

— Это обоснованное опасение?

— Россия — самое большое в мире государство по территории, населенное весьма дифференцированными национальными группами. Для каждого властителя России задача номер один — сохранение целостности этой территории в рамках централизованного государства (президент Путин определил эту задачу как сохранение вертикали власти). Для эффективного решения этой задачи следующий элемент стратегии российской державы — окружить себя государствами, настолько зависимыми, чтобы в определении собственного национального интереса они придавали интересам России приоритетное значение. Это отношения, основанные на опасениях и страхе. Таким мышлением руководствовались европейские державы в XIX веке. Поэтому столь популярно в России убеждение, что лучшая формула безопасности Европы и мира — это поворот к меттерниховской концепции «концерта наций», приспособленной к требованиям XXI века.

— На Венском конгрессе были представлены самые сильные в то время государства, сегодня мировые державы были бы другие...

— В России модифицировали эту концепцию. Министр иностранных дел Сергей Лавров в своих инаугурационных лекциях в МГИМО (2007, 2008 и 2009) развил ее. Он объяснил, что означает возврат к «концерту наций в XXI веке». Этот новый концерт охватывал бы три силы — США, Евросоюз и Россию.

— А Китай?

— Вы затронули то, о чем в России вообще не говорят публично. Там существует осязаемое, осознанное, хотя прямо не высказываемое, опасение в отношении Китая, который сейчас — вторая мировая держава. А скоро будет первой. И не США граничат с Китаем, а Россия. Ускоренный рост значения Китая подталкивает Россию в направлении формирования прочных отношений с Западом. Утрачивают значение популярные еще несколько лет назад евразийские теории, описывающие азиатскую сущность России и ее исключительность.

Сегодняшняя Россия определенно выбрала проевропейскую и прозападную ориентацию. Хотя свои контакты с трансатлантическим сообществом Россия хочет строить на собственных условиях. Это иллюстрирует проект договора о безопасности, который 29 ноября прошлого года представил западным странам президент Медведев. Когда внимательно читаешь этот документ, видно, чт? руководит автором...

— **Что именно?**

— Два мотива определяют сущность этого проекта: принятие обязательств, определенных в этом документе, сделало бы периферийным, сомнительным значение ст.5 Вашингтонского договора, являющегося фундаментом Североатлантического союза — НАТО. Система безопасности, основанная на предлагаемом Россией договоре, перечеркивала бы значение НАТО, давала бы России *droit de regard*, то есть право полного участия в принятии решений НАТО — и без всякой взаимности. Во-вторых, каждый участник договора мог бы безоговорочно определять, что считать угрозой. В результате стало бы невозможным расширение НАТО. И если бы Украина или Грузия захотели вступить в НАТО, тогда, по этому договору, Россия или Белоруссия могли бы расценить это как угрозу и заблокировать вступление этих государств в НАТО. Это не значит, что не нужно искать новых решений в сфере безопасности. Их основой может служить начатый в рамках ОБСЕ «процесс Корфу» или Совет НАТО—Россия, механизмы и процедуры которого не используются. Новых решений в области безопасности не следует искать, как это делали в прошлом, на конфронтационной основе — то есть Запад не должен лишь отвечать контрпроектами на российские проекты. Более правильной в новой ситуации была бы совместная работа по преодолению взаимного недоверия. Нужны не столько новые институты и договоры, сколько использование уже существующих общих инструментов создания атмосферы доверия и сотрудничества для предотвращения распространения ядерного оружия и борьбы с международным терроризмом и организованной преступностью.

В поисках утраченного мифа

— Можно ли поэтому считать, что для России приоритетно установление хороших контактов с Западом для доступа к западным технологиям, капиталам и для такой модернизации страны, которая обеспечит возможность защиты империи или того, что от нее осталось? Но препятствием для таких контактов остается вопрос

«ближнего зарубежья», которое Россия считает сферой своего влияния. Вот в чем вопрос...

— Я убежден, что главная проблема России имеет не внешний, а внутренний характер. Россия стоит на распутье: какого типа модернизацию избрать (авторитарное государство или правовое и либеральное) и в каких формах. Россия находится в процессе формирования новой идентичности — и как нация, и как государство. Дело в том, что такого государства никогда еще не было. У царской империи были другие границы, другая правовая система, она строилась на других принципах. Большевистская Россия — тоже.

— Как ищет Россия эту идентичность?

— По-разному. Борис Ельцин призвал по телевидению сформулировать новую русскую идею. Как и следовало ожидать, многие ученые спешно представили свои предложения. Владимир Путин в свою очередь на практике показал, что Россия — преемница Советского Союза, но одновременно и что-то иное, новое. В результате основополагающим мифом сегодняшней России стала героизация Великой Отечественной войны и Сталина — как «эффективного менеджера». Дескать, принял Россию...

— ... деревянной, а оставил каменной?

— Что он для России был тем, чем для Польши Казимир Великий. Стоит отметить, что в последние месяцы постепенно корректируется такой стиль описания прошлого.

— Президент Медведев начал решительно критиковать Сталина.

— Я думаю, что оба руководителя России — Путин и Медведев — решили постепенно демонтировать такую упрощенную картину. Можно наблюдать начало процесса новой десталинизации и признания сталинского режима преступным. Причины этих изменений разные: во-первых, российское общество дозрело до перемен, — набирает силу новое поколение. Люди, которых выдвинула преступная система, уже ушли. Во-вторых, в политических верхах вызрело понимание того, что отсутствие морально-политического осуждения преступной системы может в новых условиях привести к своеобразному неосталинизму, то есть возврату к практике беззакония. Наконец, в-третьих, именно сталинские методы стали причиной структурного и исторического отставания России, ее изоляции, которая завела страну в тупик

и стала первопричиной экономической и социальной катастрофы.

Страна двух руководителей

— Создается впечатление, что президент Медведев весьма энергично вписывается в реформаторское течение, что он готов к решительным действиям... Он хочет действовать или только говорить?

— Медведев осознаёт проблемы. Он открыто говорит, что в России доминирует правовой нигилизм, что повсеместна коррупция, что государство неэффективно... Профессор Збигнев Бжезинский верно отметил в своей лекции в Центре стратегических и международных исследований (CSIS) в Вашингтоне 4 ноября 2009 г., что в России две противоборствующие школы мышления. Ностальгическая школа погружена в прошлое и сконцентрирована на обеспечении России позиций мировой державы. Другое видение России, нацеленной на реформы, развитие и модернизацию, у президента Медведева. В своих выступлениях он вновь и вновь говорит об общественном, экономическом, демографическом коллапсе... Я задумываюсь, что стоит за этими словами, ведь у него нет реальных рычагов власти.

— Рычаги у другого лидера...

— Представляется, что эти рычаги не вполне адекватны потребностям государства в процессе реформ и модернизации. Проблема имеет фундаментальный характер. Административно-государственная система сегодняшней России в основном опирается на спецслужбы. У этих служб есть специфические черты — они организованны, дисциплинированы, но они неспособны концептуально решать проблемы экзистенциального характера. Например, одна из проблем сегодняшней России — это около 450 так называемых моногородов, доставшихся в наследство от СССР. Они сконцентрированы вокруг одного из гигантских предприятия — памятников социалистической экономики. Крах такого предприятия — это крах всего города. И что тогда? Премьер Путин едет в этот город, требует от владельца не объявлять банкротство, чтобы не увольнять людей, и на глазах миллионов телезрителей заставляет подписаться под таким обязательством.

— Людям нравятся такие спектакли!

— Люди их охотно смотрят. Спектакли способствуют популярности политиков, но демонстрируют беспомощность государства.

— **Как Россия видит мир?**

— Российский взгляд на мир — это восприятие с позиции государства, которое было мировой империей и естественным образом претендует на то, чтобы восстановить прежние позиции. В то же время есть понимание, что сегодня глобальная держава не может опираться исключительно на сырье (газ и нефть) и ядерное оружие. Месторождения истощаются, а ядерное оружие...

— **...стареет, разрушается.**

— Требуется радикального сокращения. Темой номер один является и должна быть модернизация. А модернизация требует близких отношений с Западом. Китай не даст России современных технологий. Она получит их от государств Евросоюза и от США. Россия в этом нуждается. Но она хочет диктовать условия, на которых Запад должен их дать.

Стена

— **Тысячи российских граждан учатся на Западе, тысячи владеют недвижимостью, покупают фирмы, спортивные клубы...**

— Это свидетельствует, что поколение богатых («новых русских») чувствует себя в России неуверенно, плохо. Их богатство должно служить прежде всего России и российскому обществу. Тем временем нувориши в России отгораживаются от общества. Берлинская стена — это ничто по сравнению с заборами, которые можно увидеть в предместьях Москвы, где живут миллионеры. Они отделяются, создают оазисы чистоты, порядка и... страха. Среднему российскому гражданину Европа импонирует. Например, ремонт квартир в России, если он делается на высоком уровне, называется евроремонтом. Другими словами, стандарты должны быть как в Европе. Однако такие стандарты — это что-то редкое, исключительное.

— **А Запад — как он переварил сегодняшнюю Россию?**

— На Западе отношение к России в последние годы очень позитивное. Преобладает восхищение Россией — никогда не было такого доброжелательного подхода. Во влиятельных кругах преобладает мнение, что Россию следует включить в евро-атлантическую систему безопасности, что с Россией

нужно сотрудничать. Программу такого сотрудничества представил 18 сентября в Брюсселе новый генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен. Говорили об этом и президент Обама, и государственный секретарь Хиллари Клинтон. Появились десятки докладов о том, каким образом привлечь и включить Россию в систему международной безопасности, опирающуюся на сотрудничество.

— Если так, то почему же не получается?

— Мы лишь в начале пути. В России глубоко укоренено недоверие к Западу. Многие поколения жили с сознанием, что Россия окружена врагами, что мир настроен против России, что существует своеобразный международный заговор, цель которого — держать Россию под контролем, чтобы завладеть её богатствами. После смерти патриарха Алексия российское телевидение показало часовую беседу, из которой у меня в памяти осталось его убеждение, что «мы окружены врагами и должны как народ быть едины». Такие взгляды должны были сплотить общество вокруг власти.

— Это уже было...

— Но важно отметить, что у его преемника Кирилла уже другая позиция. Он осуждает сталинские преступления. Знает, что было в Катыни и Медном. Он хотел бы строить с внешним миром близкие отношения, основанные на сотрудничестве. Он ищет согласия с другими христианскими Церквями, в том числе с римско-католической.

С трудными вопросами проще

— А как выглядит диалог и поиски согласия между Польшей и Россией?

— В рамках Польско-российской группы по трудным вопросам мы поставили перед собой три цели. Во-первых, мы решили составить своего рода каталог всех серьезных проблем во взаимоотношениях между Польшей и Россией в XX веке и попробовать взглянуть на то, как к ним относятся поляки и как — русские. За сравнительно небольшой срок нам удалось определить 15 тематических блоков, включающих наиболее болезненные и сложные проблемы. В течение прошлого года российские и польские учёные представили свои собственные точки зрения — получилось 15 двойных разделов, написанных польскими и российскими авторами. И точки зрения, до того не согласовывавшиеся, часто оказывались близкими.

— Почему же?

— Мы договорились, что в этих 15 тематических блоках мы представим по принципу зеркального отражения два разных подхода. Но по особенно трудным вопросам они оказались похожими, а иногда и совпадали. Например, по вопросу вторжения Красной Армии 17 сентября российская специалистка написала, что это был четвертый раздел Польши. Другими словами, по наиболее спорным вопросам позиции ученых близки. Это касается катынского преступления и пакта Риббентропа—Молотова, репрессий в отношении поляков в СССР, «процесса шестнадцати»... Вот вкратце о нашей первой цели.

— А вопрос о российских военнопленных в войне 1920 года?

— Здесь мы с российскими историками уже в 2004 г. издали на двух языках (польском и русском) сборник документов, до сих пор, увы, не представленный в России. Он лежит на складах. А жаль, так как собранные там документы ясно опровергают сфабрикованные пропагандистские тезисы — так называемую анти-Катынь.

— А две другие цели?

— Вторая цель состоит в том, чтобы создать какой-то цивилизованный канал для постоянного диалога. Мы согласовали совместное письмо нашим министрам иностранных дел с просьбой передать премьер-министрам проект организации центров диалога, которые могут быть созданы, например, в Варшаве и в Москве или в Смоленске. Эти центры могли бы дать морально-политическую оценку сталинских преступлений, упростили бы доступ к архивам, привели в порядок места погребения жертв, особенно заброшенные, ведь люди часто не знают, что ходят по костям. Эти центры стали бы местом пропаганды терпимости и просвещения молодого поколения в вопросах, которые годами замалчивались, и предотвращали бы фальсификацию истории. 1 сентября это письмо, вместе с нашими рекомендациями, было принято к сведению обоими премьерами. Продолжается работа над совместным постановлением правительств Польши и России, которое позволило бы осуществить содержащиеся в письме предложения. И третья цель Польско-российской группы: мы пытаемся побудить РПЦ и польскую католическую Церковь к установлению контактов, которые способствовали бы польско-российскому согласию.

— Удалось?

— Как известно, в конце сентября в Польшу приезжала делегация одного из русских православных монастырей — места паломничества, расположенного вблизи Осташкова. Гости обратились с просьбой о выполнении копии иконы Матери Божией Ченстоховской для размещения в часовне, которую они хотят построить на месте казни польских офицеров. Это инициатива русских монахов.

— **Психологические барьеры начинают ломаться...**

— Во взаимоотношениях двух Церквей наблюдается существенная перемена.

— **А почему мы этого не видим?**

— Не понимаю. Вы, господа, наверное, спросите: что блокирует польско-российские отношения, если группа по трудным вопросам в состоянии найти общий язык?

— **Наверное, это украинский вопрос. И, наверное, после выборов ситуация изменится...**

— Это, безусловно, одна из проблем, если не важнейшая. Я могу говорить о сделанном нашей группой, которая за относительно короткий срок добилась большего, чем я ожидал. Но это не улучшило сколько-нибудь заметно польско-российских отношений. В конце августа — начале сентября российскую прессу заполнила антипольская пропаганда, приобретающая иногда карикатурные масштабы и формы. Писали, например, что Бек был немецким агентом; тогда непонятно, почему он первым из государственных деятелей Европы сказал Гитлеру решительное «нет». Или: «Польша была союзником Гитлера» и готовила совместное нападение на СССР, — тогда почему Гитлер напал на Польшу? Это тезисы, дословно заимствованные из сталинских брошюр!

— **Вернемся к вопросу: если всё так хорошо, почему так плохо?**

— Наша группа устраняет проблемы, связанные с историей. Оказывается, что не они были главным препятствием в наших отношениях. А если и они, то потому, что часто используются как пропагандистская дубинка. У меня, к сожалению, горькое чувство, что проблемы, заслуживающие размышлений, раздумья, серьезного обсуждения, используются для текущей политической борьбы, для того чтобы, попросту говоря, «врезать».

— **Экстремисты есть с обеих сторон. У нас тоже одна из видных партий сделала враждебность к России своим боевым**

знаменем. Но в России от власти зависит больше...

— Повторю ещё раз: никогда ещё не было такого благожелательного отношения к России со стороны западного сообщества демократических государств, как сейчас. Сложность, как мне кажется, в том, что Россия по-прежнему не доверяет своим партнерам на Западе, особенно ближайшим соседям. Считается, что новая стратегия НАТО и Евросоюза — это какая-то игра. Я убеждён, что это ошибочное понимание, уходящее корнями во времена «холодной войны». Западу нужна Россия — в связи с российским рынком, российским сырьём, в связи с ролью, которую Россия может сыграть в стабилизации ситуации в Афганистане, в Персидском заливе и на Корейском полуострове... Но скажем прямо: Россия еще больше нуждается в Западе — в инвестициях, в притоке капитала и современных технологий, а самое главное — ввиду необходимости ускоренной модернизации страны. Это станет определяющим для ее действий. У России есть шанс стать желанным и привлекательным партнёром для всей Европы и всех европейских государств. Страх внушает уважение врагам во время войны. В мирное же время отношения должны строиться не на подозрительности и страхе, а на доверии, уважении к интересам и ценностям друг друга. Такая позиция встретит полную взаимность со стороны демократической Европы.

Беседу вели Ян Ордынский и Роберт Валенцяк

Профессор Адам Даниэль Ротфельд — министр иностранных дел в правительстве Марека Бельки (2005), директор Стокгольмского международного института исследования проблем мира (1991–2002). В 2006 по выбору Генерального секретаря ООН был назначен членом коллегии его советников по вопросам разоружения. С января 2008 — сопредседатель Польско-российской группы по трудным вопросам истории. В августе 2009 Генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен включил его в число состоящей из 12 человек «Группы мудрецов», которая должна подготовить проект новой стратегической концепции НАТО. С декабря 2009 — член созданной в Вашингтоне международной комиссии по выработке евро-атлантической инициативы в области безопасности.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «Дональд Туск отказался от участия в президентских выборах». («Дзенник — Газета правна», 29 янв.)
- Президентский рейтинг до отказа Туска (согласно опросу ГфК «Полония»): Дональд Туск — 31%, Лех Качинский — 14%, Анджей Олеховский — 7%, Ежи Шмайдинский — 4%. («Жечпосполита», 27 янв.)
- “Решение объявить о своих политических планах премьер-министр объяснил тем, что в пятницу правительство обнародует долгожданный план развития и консолидации государственных финансов. «Чтобы претворить этот план в жизнь, нужна реальная власть. А эти инструменты в руках правительства», — заявил он (...) Туск добавил, что со дня на день начнет переговоры с ЕС об экономической политике и бюджете на 2014-2020 гг., которые станут ключевыми для модернизации страны. «Я хочу поехать в Брюссель как человек, который скажет: мы в Польше принимаем решения, и я приведу их в исполнение», — сказал он”. («Газета wyborcza», 29 янв.)
- Дональд Туск: “Именно Тадеуш Мазовецкий первый так четко, с необычайной силой и решительностью сказал мне: «Будьте премьером, у вас это хорошо получается». Я очень доверяю людям, о которых знаю на сто процентов, что они бескорыстны, и при этом обладают знаниями и мудростью. Большую ценность имел для меня телефонный звонок Мазовецкого в четверг. Что он сказал? Спросите его, а то я буду краснеть. Это был самый теплый политический телефонный разговор в моей жизни. Эти слова я сохраню в памяти до конца моих дней”. («Газета wyborcza», 30-31 янв.)
- “Согласно опросу ГфК «Полония», 64% поляков считают решение Дональда Туска об отказе участвовать в президентской кампании правильным. Противоположного мнения придерживаются 20% опрошенных”. («Жечпосполита», 29 янв.)
- “Дональд Туск получил чрезвычайно важную премию им. Карла Великого, которая с 1988 г. присуждается в Аахене за

«заслуги в деле европейского единства». Ее лауреатами были, в частности, Бронислав Геремек, Тони Блэр, Билл Клинтон, Дьёрдь Конрад, Валери Жискар д'Эстен, Пэт Кокс, Хавьер Солана, Ангела Меркель». («Газета выборча», 21 янв.)

• Президентский рейтинг в двух вариантах, согласно опросу Лаборатории социологических исследований от 5-7 февраля: I — если бы баллотировался Радослав Сикорский, II — если бы баллотировался Бронислав Коморовский. Вариант I, первый тур: Радослав Сикорский — 26%, Лех Качинский — 22%, Анджей Олеховский — 15%, Ежи Шмайдзинский — 9%. Второй тур: Радослав Сикорский — 66%, Лех Качинский — 34%. Вариант II, первый тур: Бронислав Коморовский — 21%, Лех Качинский — 21%, Анджей Олеховский — 13%, Ежи Шмайдзинский — 8%. Второй тур: Бронислав Коморовский — 63%, Лех Качинский — 37%. («Газета выборча», 10 февр.)

• Кшиштоф Скубишевский (1926-2010) был первым министром иностранных дел Третьей Речи Посполитой. В 1989-1993 гг. оставался на этом посту в пяти кабинетах подряд. «Он был архитектором перемен в польской внешней политике в переломный — с точки зрения построения нового порядка в посткоммунистической Европе — период», — написал о нем Дональд Туск. («Жечпосполита», 9 февр.)

• По мнению журнала «Экономист», «Польша еще никогда не была более безопасной, богатой и хорошо управляемой страной. Это — единственное государство Евросоюза, в котором в прошлом году был зафиксирован экономический рост (...) Польша сегодня — пятая по величине экономика Европы (...) Плюсом этой страны является и умелое политическое руководство. У Польши есть нечто редкое в ЕС, чего почти не встретишь на посткоммунистическом Востоке: толковое правоцентристское правительство, располагающее парламентским большинством (...) Оно провело трудную, хотя и частичную пенсионную реформу. С опозданием взялось за программу модернизации железных и автомобильных дорог (...) Осуществило некоторые неотложные изменения в неповоротливой бюрократии (...) Смогло улучшить отношения со всеми соседями (...) Сегодня Германия утверждает, что стремится к столь же близким отношениям с Польшей, как с Францией (...) Отношения с Россией, некогда напряженные с обеих сторон, успокоились». («Жечпосполита», 1 февр.)

• «Вчера Главное статистическое управление (ГСУ) объявило, что ВВП вырос в 2009 г. на 1,7%». («Жечпосполита», 29 янв.)

• Януш Левандовский, с недавнего времени европейский комиссар по вопросам бюджета: “Либерализм в Европе стал синонимом борьбы за права различных меньшинств, культур и субкультур. Польский либерализм, который задал темп и направление переменам в начале 90-х, был прежде всего наступательной экономической позицией, исповеданием веры в свободу и частную собственность (...) У меня есть здоровое, либеральное предубеждение против этатистских рецептов улучшения мира, а также уверенность, что ни одно «управление по делам...» не заменит идущей снизу энергии и творческой инициативы. В зарегулированном Евросоюзе перед нами вырисовываются интересные задачи на ближайшие годы”. («Газета wyborcza», 23-24 янв.)

• Проф. Анджей Романовский, Ягеллонский университет: “На самом ли деле право на свободу и обязанность солидарности с другими, о которых говорится в преамбуле принятой в 1997 г. конституции, стали фундаментом нашей страны? (...) Как партии, восходящие к «Солидарности», так и сам профсоюз «Солидарность» превратились в нашей публичной жизни в пустое понятие (...) В последние годы появилось много сигналов того, что мы отходим от идеи свободы (...) Но самое страшное — что мы не уважаем человеческое достоинство (...) Тестом на наше понимание демократии может быть отношение к первому президенту Третьей Речи Посполитой генералу Войцеху Ярузельскому (...) В результате деятельности Института национальной памяти (ИНП) к позорному столбу общественного мнения были пригвождены все президенты, возглавлявшие Польшу с 1989 г., в т.ч. Валенса и Квасневский (...) Всюду, где работу прокуратуры, Агентства внутренней безопасности и Центрального антикоррупционного бюро сопровождали СМИ и телекамеры, с личностью переставали считаться, торжествовали интересы коллектива, если не непосредственно интересы власти”. («Газета wyborcza», 16-17 янв.)

• Аркадий Рыбицкий, депутат от «Гражданской платформы» (ГП), бывший деятель антикоммунистической оппозиции: “Каждый индус, мексиканец и русский знает, что польский рабочий взбунтовался против коммунизма, и взбунтовался успешно. Знает и понимает историю этой невероятной победы, знает, что он получил за это Нобелевскую премию. А единственная книга, которую издал о нем ИНП, — это книга об агенте госбезопасности Лехе Валенсе. Комментарии излишни”. («Жечпосполита», 23-24 янв.)

- Профессор Варшавского университета Мартин Куля: “1 февраля по телеканалу ТВП-1 показали фильм «Товарищ генерал». Это фильм, дискредитирующий генерала Ярузельского (...) а непосредственно вслед за ним — Михника, Мазовецкого и всех авторов «круглого стола». Это абсолютно односторонний фильм, до тошноты натянутый под главный тезис (...) В фильме множество инсинуаций, которые зритель не может проверить (...) Создатели фильма, однако, добились того, что появляется желание защитить человека”. («Газета wyborcza», 3 февр.)

- “Генерал Войцех Ярузельский получил в январе половину прежней пенсии (...) Она была снижена с 8,5 до 4,5 тыс. злотых (...) 24 тыс. бывших офицеров спецслужб получили пониженные пенсии, в среднем — на 500 злотых. Это — следствие закона, вступившего в силу 1 января 2010 г. Сейм принял его в декабре 2008 г. (...) «Закон вводит принцип коллективной ответственности», — сказал Томаш Калита, пресс-секретарь Союза демократических левых сил (СДЛС). Его партия обжаловала этот закон в Конституционном суде. Суд начал рассмотрение дела 13 января”. («Жечпосполита», 12 янв.)

- “Министерство национальной обороны не продлило договор аренды помещения с генералом Войцехом Ярузельским. Офис бывшего президента находится в здании, принадлежащем армии”. («Дзенник — Газета правна», 4 февр.)

- “В 1944 г., по приказу Совета народных комиссаров от 24 июня 1941 г., на территории Тернопольского, Станиславовского и Львовского воеводств были созданы истребительные батальоны. Задачей этих военизированных частей, набравшихся из местного населения, была помощь регулярным отрядам НКВД в «зачистке» внефронтовых территорий от антисоветских элементов (...) К этим частям могло принадлежать до 30 тыс. поляков (...) В 1991 г. у членов этих формирований отобрали ветеранские права. Спустя пять лет (...) Верховный суд отменил это решение”. (Петр Зыхович, «Жечпосполита», 16-17 янв.)

- «Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, на вопрос о смысле жизни поляки отвечают так: семья — 73%, любовь — 27%, помощь другим — 13%, работа — 12%. (Можно было выбрать два ответа)». («Газета wyborcza», 25 янв.)

- Профессор Варшавского университета Януш Чапинский: “«Фамилизм» — это сосредоточенность на интересах семьи, даже если они противоречат интересам общества. А хороший

общественный капитал предполагает сосредоточенность на общих интересах, даже ценой ущерба интересам личным (...) Чем больше фамилизма — а Польша в этом смысле среди лидеров, — тем ниже общественный капитал. И если общественный капитал сильнейшим образом позитивно коррелирует с темпом экономического роста, то фамилизм коррелирует еще сильнее — но негативно (...) Шайка на шайку — вот неотъемлемая часть нашей культуры (...) 11-12% людей умеют сотрудничать, договариваться. Но этого недостаточно, чтобы достичь критической массы. Критическая масса находится где-то на уровне средневропейской: 30-35% открытых, готовых к сотрудничеству людей (...) Это основа (...) В избирательной кампании основным будет вопрос, к какому правительству мы движемся. К такому, которое не будет вмешиваться в нашу жизнь, или к такому, которое будет устраивать тряску, переставлять всё с места на место (...) Поляки остаются чертовски консервативными. Мы — самое консервативное общество в Европе”. («Пшеглэнд», 24 янв.)

• Проф. Павел Спевак: “Определяющими для польского синдрома консерватизма являются три плоскости. Первая — это нация. Вторая — Церковь. Третья — «наши» обычаи и навыки”. («Тыгодник повсехный», 7 февр.)

• “Попытки запретить Крест в публичных местах должны быть признаны нарушающими нашу традицию, память и национальную гордость, — постановил Сенат в резолюции, которая стала реакцией на приговор Европейского суда в Страсбурге”. («Жечпосполита», 5 февр.)

• Профессор Варшавского университета Мартин Круль: “Политики сосредотачиваются на прогнозировании результатов выборов, а желающих сделать что-нибудь малопопулярное, но дающее шанс на положительные результаты, нет (...) Ведь преобладает убеждение, что люди по натуре конформисты, что они предпочитают тех, кто не рискует и не вносит ничего нового”. («Дзенник — Газета правна», 13 янв.)

• “Согласно опросу ЦИОМа от 7-10 января, 65% поляков плохо оценивают действия правительства, 27% довольны кабинетом Дональда Туска”. («Жечпосполита», 28 янв.)

• “Опрос ЦИОМа показал, что 58% поляков отрицательно оценивают деятельность президента Леха Качинского, а 71% критически высказывается о Сейме. Наиболее положительно оценивается Сенат — им недоволен «лишь» 51% респондентов”. («Впрост», 31 янв.)

- Согласно опросу ГфК «Полония», ГП поддерживают 50% поляков, «Право и справедливость» (ПиС) — 27%, СДЛС — 9%, крестьянскую партию ПСЛ — 6%. («Жечпосполита», 11 февр.)

- Яцек Кухарчик, директор Института общественных вопросов: ««Гражданская платформа» обладает качеством, благодаря которому находит отклик у среднего польского избирателя. Это партия, в которой есть всего понемножку: она либеральная, немного консервативная, немного социальная и в то же время рыночная. Это партия компромисса, с которой значительная часть поляков может идентифицироваться, так как большинство общества отрицательно относится к идейно-политическому определению себя и своих взглядов. Для среднего поляка идейная и программная неоднозначность ГП может быть плюсом. Отсутствие смелой программы реформ (...) тоже может показаться среднему избирателю положительной чертой (...) При всех своих недостатках ГП кажется полякам не худшим, а, быть может, даже лучшим вариантом партии на польской политической арене». («Жечпосполита», 14 янв.)

- «В декабре средняя начисленная зарплата в секторе предприятий составила 3652 злотых. Это на 6,5% больше, чем в аналогичный период предыдущего года (...) Однако с учетом уровня инфляции реальные зарплаты выросли лишь на 2% (...) В прошлом году больше всего по-прежнему зарабатывали жители столицы — средняя начисленная зарплата составляла там около 5200 злотых (...) Последние места заняли Кельце и Люблин, где зарплаты составляют соответственно 2880 и 2800 злотых. Лучше всего платят специалистам по современным технологиям — в среднем около 5000 зл. На следующих местах оказались: телекоммуникация — 4600 зл., страхование — 4500 зл., банковское дело — 4200 зл., энергетика и теплоэнергетика — 4000 зл. Меньше всего зарабатывали работники культуры и искусства — 2466 зл., науки и образования — 2600 зл., здравоохранения — 2800 зл., общественного сектора — 2841 зл., а также сельского хозяйства — 3000 зл.». (Иоанна Чвек, «Польска», 20 янв.)

- «ГСУ подсчитало, что в декабре 2009 г. цены товаров и потребительских услуг выросли на 3,5% по сравнению с аналогичным периодом 2008 года». («Дзенник — Газета правна», 15 янв.)

- «По данным крупнейшей на польском рынке виндикационной фирмы, у поляков нет чрезмерных долгов (...) В среднем физические лица запаздывали с оплатой на сумму 2250 злотых. Это немного, и такую задолженность легко оплатить в рассрочку (...) Общий долг поляков достигает 30%

ВВП, т.е. он меньше среднеевропейского”. («Дзенник — Газета правна», 3 февр.)

- “С начала января число обанкротившихся польских фирм увеличилось на 120% по сравнению с прошлым годом (...) Из исследований фирмы «Dunn & Bradstreet» следует, что половина предприятий находится в плохом финансовом положении. Быстрее всего ухудшается положение строительных и транспортных фирм, а также мебельных фабрик”. («Жечпосполита», 27 янв.)

- “Министерство труда и социальной политики подсчитало, что в январе уровень безработицы вырос до 12,8% по сравнению с 11,9% в декабре 2009 года”. («Впрост», 14 февр.)

- “Директора крупнейших польских фирм зарабатывают почти в 10 раз больше, чем рядовые сотрудники. Разница в уровне зарплаты у нас примерно такая же, как на Украине, в Румынии, Турции, Индии или Панаме. К таким выводам пришли авторы отчета «Нау Групп» (...) Хуже только в Нигерии (там руководящие кадры зарабатывают в 17 раз больше, чем обычные сотрудники) (...) Кроме того, польские менеджеры значительно богаче, чем их коллеги на Западе (...) С учетом того, что в нашей стране расходы на жизнь ниже, польские менеджеры могут себе позволить больше, чем американские, немецкие, британские или французские. В самых эгалитарных странах — таких как Финляндия, Швеция, Канада и Норвегия — управляющий персонал зарабатывает лишь втрое больше, чем рядовые сотрудники (...) 2 млн. злотых — таков средний годовой заработок директора польской биржевой компании”. (Нина Халабуз, «Газета wyborcza», 23-24 янв.)

- “78% поляков удовлетворены своей работой, и в то же время 60% терпеть ее не могут и готовы уйти на пенсию при первой же возможности (ЦИОМ, ноябрь 2009) (...) Лишь 30% поляков, опрошенных в рамках проекта SHARE (Survey of Health Ageing and Retiring in Europe), заявили, что их заработок компенсирует усилия, вкладываемые в работу. В Западной Европе эта цифра составляет 55% (...) В 2008 г. среднестатистический поляк сидел на больничном 23 дня, в то время как средняя продолжительность больничного в Европе — 5 дней (...) Лишь 9% больничных предъявляют симулянты. Более 20 дней в году статистический поляк честно болеет. Средняя по Европе в четыре раза меньше (...) За последние 10 лет производительность труда выросла в Польше до 66% средней по ЕС (...) Возможность повышения квалификации видит у нас лишь 45% — европейская средняя составляет более 70% (...) Мы работаем, потому что вынуждены, потому что всё еще

зарабатываем слишком мало. Поэтому мы работаем сверх сил и в конце концов нарушаем пропорцию между работой и отдыхом, изнашиваемся психически, а единственной спасительной мыслью становится мечта о пенсии. Нас подгоняет страх. Мы боимся потерять работу, но боимся и самой работы, отношений, которые там царят, увольнения. Зато мы довольны своей работой”. (Иоанна Цесля, Магда Папузинская, «Политика», 23 янв.)

• “Согласно представленным вчера в Брюсселе данным «Евробарометра», в ЕС больше всех радуются жизни скандинавы и голландцы. Хуже всего настроение у жителей Болгарии, Румынии и Греции, а также Латвии и Венгрии. Поляки (...) располагаются приблизительно посередине европейского уровня, что отличает их от других новых членов ЕС (...) Что касается прогнозов на ближайшие 12 месяцев, то из анкеты следует, что у нас больше оптимистов, чем пессимистов”. («Газета выборча», 25 янв.)

• “29-летний поляк Роберт Яновский стал героем Великобритании (...) Он сорвал нападение на инкассаторов (...) 23 августа мужчина с закрытым лицом вырвал кассету с 25 тысячами фунтов из рук инкассатора. «Я увидел, что происходит и что никто не реагирует, и схватил вора за плащ, — рассказывает Яновский. — (...) Я боялся, что у него есть пистолет, но, к счастью, он оказался не вооружен» (...) В результате погони с использованием вертолета оба бандита были пойманы полицией. Они признались в попытке ограбления”. («Польска», 13 янв.)

• “Кризис на Украине вызвал волну выездов на заработки в Польшу (...) Лишь в первом полугодии 2009 г. из 124 тыс. приглашений на работу 119 тыс. были адресованы украинским соседям (...) В 2008 г. 143 из 160 тыс. приглашений были высланы гражданам Украины (...) Украинцы приезжают наиболее массово. За ними следуют белорусы, молдаване, грузины и россияне”. («Жечпосполита», 15 янв.)

• “Вчера посол Украины вручил профессору отоларингологии Генрику Скаржинскому орден «За заслуги» III степени, которым наградил его президент Виктор Ющенко. По инициативе проф. Скаржинского в Одессе был создан диагностический лечебно-реабилитационный центр. Кроме того, профессор обучает украинских врачей. Он провел показательные операции по кохлеарной имплантации. По его инициативе запущена также программа раннего обнаружения пороков слуха”. («Жечпосполита», 14 янв.)

- “Среди иностранцев, которым до середины 2009 г. были выданы разрешения на работу, было 3,2 тыс. представителей руководящих кадров, т.е. больше, чем неквалифицированных рабочих (2,5 тыс. человек). Большинство составляли специалисты низшего уровня — их было 4,5 тысячи. (...) Среди иммигрантов, устраивающихся на работу в Польше, больше всего лиц со средним и высшим образованием”. («Впрост», 7 февр.)

- “Профессии, пользующиеся наибольшим спросом: инженер-строитель, специалист по экспедиционному управлению, специалист по управлению промышленным производством, бизнес-посредник, информатик”. («Ньюсуик-Польша», 31 янв.)

- “Сегодня в Польше почти 1,7 млн. хозяйств площадью более одного гектара, а 90% из них получают европейские дотации. Владельцы одного-двух гектаров получают, как правило, по несколько сот злотых. Значительная часть этих денег проедается. Крестьяне купили на них телевизоры, микроволновки (...) отложили деньги на счета в кооперативных банках (...) Хозяйств, которые увеличиваются и модернизируются, в Польше 15–20%. До 2004 г. их было менее 10%. Лишь 340–360 тыс. хозяйств производят продукты питания на продажу (...) У 34% крестьян нет наследников, которым можно было бы передать хозяйство. «Демографические изменения в деревне сами решат в течение 15–20 лет проблему чрезмерной раздробленности сельского хозяйства», — говорит Ванда Хмелевская-Гиль из Фонда программ помощи сельскому хозяйству (FAPA)”. (Сильвия Шмигель, «Газета wyborcza», 23–24 янв.)

- Доктор Барбара Федышак-Радзеёвская, Польская Академия наук: “В 2004 г. польская деревня начала возвращаться в Польшу — через Брюссель. Это видно по изменению мнений жителей деревни, по растущему оптимизму крестьян (...) Доходы, хоть и значительно улучшили положение крестьян, всё же ввиду растущей себестоимости производства не передвинули их на более высокую позицию в структуре доходов жителей деревни. До вступления в ЕС ниже крестьян были только сельские безработные, а неквалифицированных работники даже находились несколько выше. После вступления в Евросоюз позиция крестьян сравнялась с позицией квалифицированных сельских работников (...) Следует помнить, что европейская сельскохозяйственная политика, благодаря которой появились эффективное европейское сельское хозяйство и богатая европейская деревня, восходит к Римскому договору 1957 года. Без такой политики мы

останемся страной бедного сельского хозяйства и бедной деревни, а значит, просто-напросто бедной страной”. («Жечпосполита», 27 янв.)

- За т.н. экологические продукты мы платим в среднем на 95% больше, причем продукты питания дороже на 146%, одежда и обувь — на 15%, химические и косметические средства — на 252%, автомобили и дома — на 32%. (Артур Влодарский, «Газета wyborча», 18 янв.)

- Станислав Гавловский, замминистра охраны окружающей среды: “Осенью 2008 г. прошло несколько десятков процессов Еврокомиссии против Польши по вопросам инфраструктурных инвестиций. Иски касались неправильных оценок воздействия на окружающую среду или отсутствия их вообще. Нас воспринимали как ненадежного партнера, который не придерживается действующего законодательства (...) [В настоящий момент] ЕС убедился, что Польша справилась с вопросами, касающимися охраны окружающей среды. На нас смотрят как на надежных партнеров (...) Мы провели оценку того, где природе был нанесен ущерб, и благодаря компенсаторным действиям в других местах выровняли потери”. («Дзенник — Газета правна», 26 янв.)

- “Власти Крушвицы и «Гринпис» опубликовали результаты исследований, показавших, что озеро Гопло умирает из-за вод, выкачиваемых из бурогоугольного карьера и сливаемых в озеро (...) Содержание железа в воде из карьера в 8–190 раз превышает разрешенное польским законодательством, а количество марганца в 200–800 раз превышает число, указанное инвестором в отчете по окружающей среде”. («Газета wyborча», 26 янв.)

- Алан Вейсман из Аризонского университета, любитель Беловежской пуши, автор бестселлера «Мир без нас», изданного в польском переводе в 2007 г.: “Каждый вид, наталкиваясь на ограничения развития, вытекающие из истощения ресурсов, сокращает свою численность. Человек уже достиг такой границы (...) Мы должны восстановить равновесие в отношениях с природой, пока природа сама об этом не напомнит”. («Политика», 16 янв.)

- “Сокращается число летучих мышей в подземельях немецких военных бункеров Мендзыжецкого укрепленного района — в настоящий момент лучшей зимовки этих млекопитающих в Европе (...) Сейчас там зимует 31,1 тыс. летучих мышей. Год назад их было 34,1 тыс. (...) В подсчете особей участвовали почти 70 человек из Польши, Великобритании, Германии, Голландии

и Бельгии (...) Программа мониторинга летучих мышей осуществляется с 1999 года. Летучие мыши слетаются на это зимовье, преодолевая иногда до 260 км». («Дзенник — Газета правна», 15-17 янв.)

- “Число родившихся в 2009 г. детей — наибольшее за последние 15 лет. И всё же их рождается недостаточно для того, чтобы численность поляков не уменьшалась (...) В прошлом году в Польше родилось 440 тыс. детей. Это на 25 тысяч больше, чем год назад, и на 90 тысяч больше, чем в самом неудачном после II Мировой войны 2003 году — тогда на свет появилось менее 351 тыс. младенцев”. («Дзенник — Газета правна», 19 янв.)

- “Как спасти бездомного, который не хочет помощи? Почему почти 140 поляков замерзли этой зимой? ” («Тыгодник повшехный», 17 янв.)

- “Пожарные из Бжезин близ Лодзи спасли собаку, которая вмерзла в скованный льдом водоем (...) Оказалось, что 11-летний рыжий пес совершенно слеп и случайно забрел на середину большого пруда”. («Польска», 2 февр.)

- “В субботу полицейские из Люблина выловили из реки Быстшицы собаку. Она была связана (...) «Это полутороговая здоровая сука», — говорит сотрудник приюта”. («Польска», 8 февр.)

- “Исследовательская группа Центра океанографии и мониторинга Балтийского моря спасла собаку. Собака дрейфовала на льдине в 27 км от берега (...) Понедельник, три часа дня. Смеркается. Температура воздуха –8°C, воды — –1°C. Судно «Балтика» плывет за пробами воды (...) Вероятно, это та же собака, которую еще в субботу видели на льдине на Висле около Грудзёндза”. («Газета выборча», 27 янв.)

- “Команда судна «Балтика» вздохнула с облегчением, когда было принято решение оставить собаку на корабле (...) Президент Лех Качинский прислал собственноручно подписанное письмо с благодарностью за спасение животного”. («Польска», 29 янв.)

- “На Гаити полетели 54 польских спасателя с собаками, обученными искать людей под обломками. Спасатели установили в местной больнице аварийное освещение. Генераторы электроэнергии и галогены остались на месте, благодаря чему работает оборудование для наркоза. В больнице

на Гаити остались женщины-врачи”. («Жечпосполита», 23-24 янв.)

• “Безумство праздничной благотворительности, на волне которого мы делаем пожертвования в пользу Большого оркестра праздничной помощи — это отличная отговорка, чтобы потом целый год не задумываться о помощи нуждающимся (...) Жесты одноразовой благотворительности лишь углубляют несправедливость. Ведь этим мы освобождаем государство от обязанности нести помощь тем, кому она полагается и кому государство должно ее обеспечить (...) В году 12 месяцев, и наша помощь и забота о судьбе ближнего не могут ограничиться праздничными порывами (...) Наша благотворительность имеет смысл, но она не может сводиться к тому, чтобы раз в году вынужденно бросить в кружку для пожертвований ненужную монетку”. (Ярослав Маковский, «Ньюсуик-Польша», 17 янв.)

• “Фонд «Центаурус» хочет купить у крестьянина кобылу Натку, чтобы с ее помощью вести занятия по иппотерапии для детей. Кобыле 16 лет, и она уже принимала участие в занятиях по иппотерапии с детьми-инвалидами. Занятия с Наткой в центре для варшавских детей велись бы бесплатно. Для того чтобы купить Натку, фонду нужны 2,9 тыс. злотых. В противном случае Натка будет отправлена на убой”. («Жечпосполита», 16-17 янв.)

• “Из эфира ТВП-Краков должна была исчезнуть программа о животных «Бурая дворняга и котяга». Программа останется. Зрители собрали средства на ее дальнейшее производство (...) «Это беспрецедентное явление на Польском телевидении», — говорит Магда Хейда, автор программы”. («Газета wyborcza», 30-31 янв.)

• “«Сегодня проблема польских тюрем — уже не бандиты, а пьяные велосипедисты, которым суд заменил условный приговор лишением свободы», — говорит прокурор Казимеж Олейник (...) Сознание того, что сегодня попасть за решетку намного легче, чем при Беруте [президент ПНР в 1947-1952 гг. — Ред.], — слабое утешение”. (Анджей Дышель, «Пшеглэнд», 31 янв.)

• “Анджей Струй, варшавский полицейский, погибший в среду при попытке задержать хулигана, стал национальным героем (...) И правильно. Потому что полицейский, который, будучи в отпуске, без формы и без оружия бросается на бандита (...) — это, несомненно, пример для других. Пример человека и полицейского. И только в полиции знают, что если бы Анджей

Струй остался в живых, о славе не могло бы быть и речи. Его бы ожидал процесс за превышение полномочий, а адвокат хулигана доказывал бы, что во время отпуска полицейский не имел права принимать меры. А если бы погиб бандит, а не полицейский, то открылась бы дискуссия о «гэбэшных» методах в польской полиции”. (Каролина Ковальская, «Польска», 12 февр.)

- “Главное полицейское управление сообщило, что начиная с 1989 г. погибло 130 полицейских (...) В прошлом году были совершены нападения на 728 полицейских — с ножом, огнестрельным оружием или другими опасными предметами. Более 600 сотрудников полиции получили ранения, а каждому седьмому были нанесены серьезные раны (...) За последние семь лет ежегодно совершается приблизительно одинаковое число нападений на полицейских — с 2003 г. нападают как минимум на 700 полицейских”. («Польска», 12 февр.)

- Проф. Станислав Вальтошь: “С 1 января 1998 до конца 2009 г. в Уголовный кодекс поправки вносились 35 раз, в Гражданский — 40 раз, в Уголовно-процессуальный кодекс — 125 раз (...) В довершение всего нас охватила мания умножения законов и их постоянного расширения (...) А ведь есть такие вещи как толкование, интерпретация...” («Жечпосполита», 20 янв.)

- “Первая жалоба, касающаяся Польши, была рассмотрена в Страсбурге в 1997 году. Дело было закончено полюбовно. На сегодняшний день в Суд по правам человека внесено более 34 тыс. таких жалоб. Рекордная сумма возмещения убытков — 60 тыс. евро плюс 22,5 тыс. евро компенсации (...) В 2008 г. за проигранные в Суде по правам человека дела Польша заплатила более 400 тыс. евро. К этому нужно прибавить почти 170 тыс. евро за подписанные полюбовные соглашения. Дороже всего обходятся дела, касающиеся судебной волокиты (335 тыс. евро в 2005–2008 гг.) (...) Проигранные в Страсбурге дела плохо влияют на образ страны, поэтому польское правительство идет навстречу истцам — не только в очевидных случаях, когда дело невозможно выиграть, но и в таких, которые просто не хочется раздувать в прессе”. (Иоанна Подгурская при участии Агнешки Мазурчик, «Политика», 31 янв.)

- Депутат Эугениуш Чиквин: “Сейм принял закон, по которому 21 храм в Перемышльско-Новосондецкой епархии станет собственностью православной Церкви. Польские православные ждали этого события почти двадцать лет (...) В конце концов чашу перевесило решение митрополита Саввы подать жалобу в Суд по правам человека в Страсбурге. Уже из предварительного рассмотрения дела было ясно, что правительство проиграет (...)

Это мобилизовало правительство”. («Пшеглёнд православный», декабрь)

- “Представители России требуют суда над вандалами, повредившими памятник советской армии в Тчеве. Консульство Белоруссии ограничилось нотой протеста. Несколько дней назад кто-то написал на памятнике: «17.IX.1939. Мы помним» (...) Надпись с памятника уже устранили”. («Польска», 23-24 янв.)

- Игорь Юргенс, председатель правления Института современного развития, основанного Дмитрием Медведевым: “Люди в погонах. Они так воспитаны, везде чувствуют врага. Даже если они живут на Алтае или Дальнем Востоке, они всё равно уверены, что поляки хотят восстановить прежнюю Речь Посполитую и занять Украину. Но те россияне, которые интересуются миром, не боятся чужих, ездят за границу, знают, что даже в Польше, считающейся антироссийским форпостом, русских не бьют, и гость там не сталкивается ни с какой русофобией”. («Газета выборча», 23-24 янв.)

- “Москва готова помочь полякам в организации мероприятий в память годовщины катынского преступления. Об этом заявил в пятницу на пресс-конференции министр Сергей Лавров”. («Газета выборча», 23-24 янв.)

- Станислав Цёсек, в 1989-1996 гг. посол в Москве: “Я это видел своими глазами. На военном кладбище на Повонзках, возле т.н. «катынской долины», Ельцин подошел к тогдашнему капеллану катынских семей. Со слезами на глазах он сказал: простите, если можете. И, по православному обычаю, поцеловал прелату руку. Это был искренний жест. Об этом событии общественное мнение не узнало, не было камер, фотографий, прямого эфира. Нельзя все время говорить, что Россия не извинилась”. («Польска», 5 февр.)

- Проф. Бронислав Лаговский: “Коммунистическая пропаганда не была ошибочна полностью и во всех отношениях. Особенно актуально сегодня учение о партийности истины (...) В настоящий момент новейшая история более партийна, чем во времена ПНР”. («Пшеглёнд», 14 февр.)

- “Премьер-министр Владимир Путин пригласил премьер-министра Дональда Туска посетить Катынь «в рамках мемориальных мероприятий», посвященных 70-й годовщине убийства польских офицеров. Впервые в истории российский премьер-министр примет участие в катынских мемориальных торжествах (...) «Я считаю, что наше совместное участие имело

бы очень важное символическое значение», — сказал российский лидер польскому”. («Жечпосполита», 4 февр.)

• Проф. Адам Даниэль Ротфельд, бывший министр иностранных дел, сопредседатель Польско-российской группы по трудным вопросам: “Переговоры на эту тему начались во время визита премьера Туска в Кремль. Позже премьер Путин принял участие в торжествах на Вестерплатте 1 сентября 2009 года. Прошли необычайно важные встречи маршала Сената Богдана Борусевича с его российским коллегой Сергеем Мироновым. Переговоры велись во многих плоскостях”. («Польска», 4 февр.)

• “Размещение в Польше ракет «Пэтриот» — это вопрос двухсторонних отношений между США и Польшей», — заявил министр иностранных дел Сергей Лавров». («Жечпосполита», 23–24 янв.)

• “«Пэтриоты» в Польше — лишь один из элементов политической игры России и США”. (Анджей Луковский, «Тыгодник повсехный», 7 февр.)

• Польская нефтегазовая компания (ПНГК) подтвердила информацию о том, что переговоры с «Газпромом» закончились подписанием соглашения. Было решено, что россияне не заплатят 80 млн. долларов за транзит российского газа через Польшу в 2006–2009 гг., а ПНГК взамен купит часть газа по сниженной цене. Подписан был также документ, касающийся продления на 15 лет, до 2037 г., контракта на импорт газа из России и увеличения поставок с 8 до 10,2 млрд. кубометров в год. На 25 лет, до 2045 г., будет продлен контракт на транзит газа через Польшу в Западную Европу. Россияне обязались не ограничивать в этот период объем транзита газа. («Жечпосполита», 29 янв.)

• “В среду польское правительство положительно оценило пакет газовых соглашений с Россией”. («Жечпосполита», 11 февр.)

• “Начат поиск новых месторождений газа. Через несколько месяцев в Польше будут пробурены первые пробные скважины (...) Мировые лидеры — «Шеврон», «Эксон Мобил», «Коноко Филипс» и «Марафон» — выкупили у нас поисковые концессии. «Спрос на концессии невероятно велик. На сегодняшний день у нас уже практически не осталось свободных участков», — признаётся замминистра охраны окружающей среды Генрик Езерский”. («Дзенник — Газета правна», 22–24 янв.)

- “Замминистра энергетики Белоруссии Михаил Михадюк сообщил, что трубопровод для пересылки сжиженного газа из Белоруссии в Польшу будет построен на отрезке от Свислочи в Белоруссии до Валил в Польше (...) Импортируемое по нему белорусское сырье должно удовлетворить 13% польских потребностей в сжиженном газе. По железной дороге мы импортируем из Белоруссии около 300 тыс. тонн сжиженного газа в год (...) По трансграничному трубопроводу через два года должно потечь еще столько же горючего”. (Михал Дущик, «Дзенник — Газета правна», 21 янв.)
- “В январе через гданьский Нафтопорт россияне отправят на экспорт более полумиллиона тонн своей нефти — в т.ч. часть нефти, не поступившей в Белоруссию (...) Ввиду спора с Белоруссией по поводу пошлины на нефть россияне решили направить часть сырья на экспорт через Нафтопорт, а не на белорусские нефтезаводы”. («Жечпосполита», 20 янв.)
- “Облава милиции на белорусскую Полонию. Минские власти снова преследуют членов не признаваемого ими Союза поляков Белоруссии. Вчера милиция задержала 43 поляков”. («Дзенник — Газета правна», 22-24 янв.)
- “Вчера милиция арестовала Ивана Шульгу, журналиста белорусскоязычного канала «Белсат», финансируемого Польским телевидением”. («Газета выборча», 4 февр.)
- “Министр иностранных дел Белоруссии получил в Варшаве письмо от Александра Лукашенко с 10 пунктами, касающимися важных для Белоруссии вопросов (...) Министр иностранных дел Польши поставил поддержку по этим вопросам в зависимость от улучшения положения активистов Союза поляков Белоруссии (...) Несмотря на обострение отношений, вчера был подписан договор о малом приграничном движении”. («Газета выборча», 13-14 февр.)
- “Вот уже шестнадцать лет молодежь и дети Подлясского воеводства имеют возможность изучать украинский язык. С каждым годом число изучающих его растет”. («Пшеглэнд православный», декабрь)
- “Во время ремонта довоенной пекарни в Гродзиске-Мазовецком из-под досок крыши выпали еврейские молитвенные книги (...) Открытием довольны городские власти. «Это замечательная находка. Она иллюстрирует довоенную историю нашего города», — говорит бургомистр Гжегож Бенедиктинский. Некоторое время назад он включился в акцию по перенесению довоенных надгробных плит,

найденных в прошлом году во дворе коммунального кирпичного дома, на еврейское кладбище. Позаботился он и о сохранности куци (символического шатра, в котором евреи должны есть в праздник Суккот) — памятника старины, сооруженного на втором этаже дома. Теперь Бенедиктинский планирует установить специальный стенд, где будут выставлены найденные книги. «Через два месяца этот стенд появится в нашем доме культуры», — обещает бургомистр Гродзиска». («Жечпосполита», 15 февр.)

- “Украденная надпись с ворот Аушвица возвращена в музей”. («Жечпосполита», 22 янв.)

- “Краковский суд выдал европейский ордер на арест Андерса Хегстрема. Прокуратура подозревает шведа в том, что надпись «Arbeit macht frei» была похищена по его заказу (...) В соучастии в краже подозреваются пятеро поляков”. («Газета выборча», 3 февр.)

- “В Стокгольме задержан 35-летний шведский неонацист Андерс Хегстрем. Его подозревают в организации кражи из (...) музея Аушвиц-Биркенау”. («Жечпосполита», 12 февр.)

- “В среду V Международный день памяти о Катастрофе (...) «Из более чем 3 млн. польских евреев уцелело меньше 300 тысяч (...)», — говорит Петр Кадльчик, глава Еврейской общины в Варшаве (...) По столице будет ездить трамвай-призрак, помеченный звездой Давида. Пустой. Помеченный таким образом трамвай курсировал в варшавском гетто”. («Жечпосполита», 26 янв.)

- В торжествах, посвященных 65 летию освобождения Аушвица, приняли участие 150 бывших узников лагеря, а также политики, в т.ч. президент Лех Качинский, премьер-министр Дональд Туск, премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, а также председатель Европарламента Ежи Бузек. Приглашением Леха Качинского не воспользовался президент России Дмитрий Медведев. («Жечпосполита», 27 и 28 янв.)

- Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше: “На следующий день все израильские газеты цитировали слова Леха Качинского: «Евреев истребили, потому что они были евреями». Это по-настоящему растрогало израильтян”. («Жечпосполита», 30-31 янв.)

- “65 лет назад русские освободили самый большой немецкий концлагерь (...) «Нет сомнений, что мы обязаны Советам всем (...) Узникам Аушвица они действительно принесли

освобождение (...)», — говорит Казимера Васяк, лагерный номер 83803 (...) «Я разговаривал со многими бывшими узниками этого лагеря, которые оставались в нем до конца (...) Все они говорили, что считают советских воинов своими освободителями (...)», — говорит доктор Анджей Стшелецкий, историк, сотрудник музея Аушвиц-Биркенау и автор книги «Эвакуация, ликвидация и освобождение концлагеря Аушвиц». («Жечпосполита», 27 янв.)

• “Если бы Медведев приехал на годовщину, он услышал бы искренние аплодисменты, которые раздались, когда премьер-министр Туск напомнил, что лагерь освободили советские солдаты”. («Жечпосполита», 28 янв.)

• Профессор Ягеллонского университета Марек Кутя: “Аушвиц — это часть современности. Он до сих пор влияет на нашу жизнь, остается деталью пейзажа, в котором мы живем, частью нашего опыта (...) В Аушвице погибло около 1,1-1,3 млн. человек (...) Люди в Польше осознают, что гибли евреи, поляки, что там были группы из разных стран. Сознание этого отмечается более чем у 90% поляков. Знают они и о том, что там велись медицинские эксперименты. Об этом знают почти 70%. Несколько меньше опрошенных знают об истреблении цыган. А дальше уже идут показатели ниже 50%. Именно такое число респондентов знает о том, что в лагере гибли также советские военнопленные, а еще меньшее — что в нем содержались свидетели Иеговы. И совсем мало — что гомосексуалисты. Мы не знаем и того, что евреи составляли самую большую группу жертв (...) Об этом знают лишь 60% опрошенных”.

• “Пластмассовые зубные щетки — никто раньше и не думал, что их нужно будет реставрировать. Нет методики. Щетки жертв концлагеря сделаны из пластмассы и распадаются (...) Реставраторы из Аушвица вынуждены учиться сами, методом проб и ошибок (...) Недавно с ними связалась женщина из Руанды. Интересовалась, как реставрировать документы и вещи, извлеченные из массовых захоронений”. (Агнешка Хречук, 7 февр.)

БЕЛЫЕ ПЯТНА — ЧЕРНЫЕ ПЯТНА

Всё, что претерпел за послевоенные полвека культурный аспект польско-русских и польско-российских отношений, имеет определенные особенности, которых не найдешь в областях, казалось бы, более важных и сильнее влияющих на повседневную жизнь двух наших обществ — вроде экономики, управления, законодательства или госбезопасности.

Значение культуры повсеместно возросло, ибо в XX веке произошло многократное умножение информационных ресурсов, потенциально доступных каждому. Благодаря лавинообразному развитию средств обмена информацией — радио, телевидения, Интернета — новости, комментарии к ним и связанные с ними художественные произведения могут проникать в сознание общества. Торможение этого процесса властями (оккупационными и авторитарными) в конечном итоге, несмотря на многочисленные усилия, затраты и репрессии, оказалось безрезультатным.

В Польше у этого процесса была своя специфическая традиция. Двухвековой период разделов лишил поляков влияния на правовые, административные и, как следствие, материальные условия их существования. Тем большее значение приобрела деятельность в области культуры. Отсюда — авторитет и влияние ее представителей, единственный в своем роде культ национальных поэтов, борьба за национальную тематику в официальном просвещении, неутомимость в организации частного и тайного образования, опыт издания и распространения нелегальной печати. Поражение нескольких восстаний лишь повысило значение культуры, которая стала местом эффективной борьбы за сохранение национального самосознания и, что не менее важно, за общественное развитие, следовавшее вектору западной цивилизации. Шестилетний период немецкой оккупации убедительно подтвердил значение этой традиции. Польская сеть тайных учебных заведений, в том числе высших, огромное количество подпольной периодики, лекций, «домашних» театров и книг, изобилие молодых талантов, которые при этом обнаружили, — все это не имело аналогов в терроризированной Европе.

Спасение и освобождение

Не позволил забыть об этой традиции и послеялтинский период. Автор этих строк — отнюдь не сторонник достаточно распространенной в Польше формулы: «Конец войны стал для нас сменой одной оккупации на другую». Смею предположить, что и нам, и российским гражданам более справедливым покажется утверждение: «Поляки были спасены, но не освобождены».

ПНР была государством, зависимым от имперского центра, т.е. от руководства КПСС и его исполнительных органов — в политическом, юридическом, военном и экономическом отношении. Однако при этом не следует упускать из виду значительной неоднородности этой зависимости в разные периоды и в разных сферах польской жизни. Например, бремя нашей зависимости от российского стратегического сырья неизменно было крайне тяжким и по-прежнему остается проблемой номер один для экономики современной Польши, которая в других областях уже давно обрела суверенитет. В свою очередь сфера культуры даже в прежние времена была, в отличие от вышеупомянутых областей, более открытой, а значит, и более знакомой общественному мнению, в том числе иностранному. Она не подвергалась (по крайней мере в Польше) такому жесткому контролю, а в случае нарушения запретов — таким суровым репрессиям, как другие области. Кроме того, некоторая свобода в вопросах культуры и искусства должна была служить в ПНР главным доказательством автономии страны.

Итак, невозможно признать историю ПНР «черной дырой» в истории польского государства. Ликвидация неграмотности — далеко не единственная застарелая проблема довоенной Польши, навсегда решенная при социализме, а совместную работу польских ученых с советскими ядерщиками в Дубне никак нельзя назвать обособленным примером плодотворного культурного сотрудничества в первое послевоенное десятилетие, когда репрессии постоянно нарастали.

Парадоксы индоктринации

Между тем именно в области культуры и образования коммунистические власти решили провести операцию, которая была для них важнее, чем система репрессий. Речь идет об индоктринации.

Когда-то она должна была убеждать в необходимости добровольного и совместного построения мира без эксплуатации, насилия, расовых предубеждений, классовых привилегий, а прежде всего — без страха перед властью. Когда

эта операция началась в Польше, все возможности ее проведения мирными средствами были уже исчерпаны. Советская практика успешно скомпрометировала идеи создателей коммунизма, и все без исключения попытки их насаждения вели к подобным последствиям. Самым наглядным из них оказалась необходимость применять принуждение и насилие во всех сферах жизни — начиная с экономики и кончая наукой и искусством.

Следует признать, что в ПНР насилие в этих областях применялось лишь эпизодически, а вот принуждение использовалось очень широко. Его орудиями были цензура и требование применять в научной и художественной сфере рекомендуемые властями методы, стили и доктрины. Те, кто не придерживался методов Трофима Лысенко в биологии или соцреализма в искусстве, отстранялись от публичной деятельности или были вынуждены участвовать в ней под бременем лжи и страха. В СССР этот принцип применялся последовательно и долго. В Польше результаты операции были половинчатыми, неустойчивыми, а порой даже парадоксальными.

— Провозглашенный в 1949 г. соцреализм в литературе, музыке и живописи не выдержал оттепели 1956 г. (и был назван «поэтизацией натянутой статистики»).

— Дорогостоящие фестивали и выступления прекрасно вышколенных (и, как правило, обмундированных) хоровых и балетных ансамблей из Советского Союза воспринимались как демонстрация силы. Полные залы на них обеспечивались благодаря школам и местным воинским частям.

— В репертуарах польских театров в обязательном порядке должна была находиться определенная, спущенная сверху доля советских и русских пьес. Благодаря изобретательности режиссеров, в Польше гораздо большее распространение, чем в СССР, получили пьесы не Софронова, а, например, Сухово-Кобылина.

— Принудительное изучение русского языка и литературы в школе (повсеместно расценивавшееся как проявление русификации) привело к тому, что богатейшие культурные традиции православия и русской философии остались в Польше практически неизвестными.

— Цензура трудилась, не покладая рук, но ее назойливые действия со временем привели к необыкновенному расцвету в ПНР самиздата. Не менее важным было и наличие в Польше

легальных, труднодоступных для цензуры анклавов свободы мысли и слова. Эти процессы, о которых еще пойдет речь, были возможны благодаря существованию в Польше двух феноменов: католической Церкви и прослойки, именуемой интеллигенцией.

Церковь как прибежище еретиков режима

Мощь и влияние Церкви, а также ее естественные связи с Западом в единственной стране соцлагеря, где латинскую веру исповедовало большинство жителей, осознавали и в Варшаве, и в Кремле. Через крупнейшую страну соцлагеря проходили пути к Эльбе, где двадцать с лишним тяжеловооруженных дивизий стояли на границе советской сферы влияния.

Общественное спокойствие было необходимо Кремлю, вследствие чего предпринимались попытки разделить Церковь (группа «Пакс», движение «священников-патриотов»). Однако, с другой стороны, выдающиеся иерархи — такие как кардинал Сапега или примас Вышинский — лучше, чем их политические противники, использовали перемены в текущей истории для значительного расширения не только влияния Церкви, но и границ, очерченных режимом для польской культуры. Оттепель (после XX съезда КПСС) принесла свободу интернированному примасу Вышинскому и позволила вновь вернуть группе основателей «Тыгодник повсехный» — газету высокого класса, в которой несколько позже, когда цензура закрыла «слишком либеральные» журналы, могли печататься выдающиеся (и вполне светские) интеллектуалы. Католические издательства — «Знак», доминиканское «В дродзе» — выпускали (даже во времена военного положения) книги писателей, которых запрещалось печатать и цитировать, а также произведения литераторов и философов т.н. Второй России: эмигрантов или приговоренных в СССР к забвению — Розанова, Бердяева, Философова. Под эгидой Церкви были созданы Клубы католической интеллигенции (ККИ) — центры важных художественных мероприятий и научных конференций. Следовательно, в эти переломные десятилетия, еще до избрания Папой Кароля Войтылы, польская Церковь сделала ставку на культурную элиту страны, на связь с интеллигенцией.

Роль интеллигенции

Как в Польше, так и в России эта прослойка играет особую, более важную, чем где бы то ни было, роль. Двухвековая иностранная оккупация в Польше и почти извечная невозможность влияния подданных на решения самодержавной власти в

России привели к тому, что даже если отдельные классы, сословия, цеха, религиозные общины и получали возможность высказаться, то только в защиту своих, частных интересов и требований. Состояние государства и перспективы общества зависели от деспотической власти, у которой, однако, не было монополии на верность решений, что становилось всё более очевидным благодаря просвещению и развитию средств массовой информации.

В этих условиях в обоих наших обществах рано или поздно должны были появиться люди, не имеющие, а значит, и не защищающие своих частных интересов и привилегий, а с другой стороны, сознательные и желающие заботиться о благе всего общества. Некоторые называют эту черту заботой о национальных интересах. По сути дела речь идет о вмешательстве в дела, закрепленные за властью. Именно это обстоятельство, а не действительные или мнимые грехи этой прослойки стало первопричиной многочисленных кампаний, направленных против нее. Кампании эти, как правило, свидетельствуют о росте авторитарных тенденций во властных кругах.

В источниках и печати демократического Запада термин «интеллигенция» обычно пишется в кавычках, как иностранное понятие — и не без оснований. Граждане западных стран, разумеется, заботятся о своих личных и групповых правах и интересах, но при этом знают, что эти права гарантированы институтами (Великой хартией вольностей или конституцией США), возникшими в прошлом, чтобы защитить их от самоуправства власти. Ради защиты государства граждане часто бывают способны отказаться от своих индивидуальных или групповых требований — и в результате не испытывают необходимости в отдельной группе мыслящих граждан, заботящихся о судьбах пресловутого общества в целом.

Общества Польши и России долго не имели права вмешиваться в государственные дела и вершить судьбы своих стран. Возможно, именно поэтому групповые, партийные или корпоративные требования чаще всего оказывались у нас важнее интересов общества. «Солидарность» была счастливым исключением из этого пагубного правила и в то же время беспрецедентным явлением в истории наших славных поражений, ибо речь шла не просто о поддержке материальных требований. Своеобразным переломом стал компромисс за «круглым столом», совершившийся благодаря необычайному феномену, которого ждали многие поколения утопистов:

рабочий авангард вступил в союз с элитой польской интеллигенции.

Это произошло после полувека поражений и разочарований, в стране, контролируемой чужими войсками и своими правителями, среди отчаянной нищеты, при всеобщем чувстве изоляции. Но, несмотря на все это, именно польский камень обрушил лавину, которая смела и Стену, и решетки.

Участие деятелей культуры и мобилизация критических умов предрешили успех дела не в меньшей мере, чем благоприятное стечение обстоятельств. Советское партийное руководство сдержанно подходило к возможности интервенции в стране восстаний, которую генерал Лебедь назвал «кошмаром России в XIX веке». В свою очередь ПОРП переоценила свои возможности сохранения статус-кво. Однако для того, чтобы оснастить забастовочный пакет профсоюзных рабочих требований политической боеголовкой, необходимо было участие дальнозорких стратегов.

4 июня 1989 г. состоялись парламентские выборы, и падение режима стало свершившимся фактом.

Соппротивление деятелей культуры

Путь к этому полуфиналу был вовсе не таким прямым, как это могло бы показаться. Он был отмечен множеством серьезных событий военного характера, таких как продолжавшаяся вплоть до 50-х годов вооруженная борьба крупных партизанских соединений (Варшица, Лупашко, Шарого) с войсками Корпуса внутренней безопасности, кроваво подавленные рабочие восстания в Познани (1956), на Балтийском побережье (1970) и Радоме (1976), массовые забастовки, среди которых следует выделить события в Лодзи и на Балтийском побережье в 1980 г., которые переросли в почти всеобщую забастовку. Однако сейчас нас интересуют другие акты сопротивления режиму, предпринимавшиеся невооруженными авторами, издателями, печатниками и распространителями нелегальных брошюр, газет и журналов, преподавателями летучих университетов, актерами, читавшими и певшими в церквях и на частных квартирах. Особое место среди них занимают организаторы, писатели, публицисты, дикторы и техники редакций и радиостанций, вещавших из-за границы, которые, несмотря на постоянную работу глушилок, затаив дыхание, слушала вся Польша. Важнейшей из них была польская служба радио «Свободная Европа» — особенно в период, когда ею руководил Ян Новак

(Здислав Езёранский). Ее слушатели были настоящей армией тихого сопротивления.

Польское интеллигентское сопротивление отличалось, во-первых, невероятным количеством печатных изданий с довольно крупными тиражами, во-вторых, стихийным участием самых выдающихся деятелей польской культуры и искусства, и в-третьих — эффективностью, т.е. значительным влиянием на общественное мнение. Горстка «очкариков», которая всем этим занималась, как правило, считает 70–80-е годы XX века самым интенсивным периодом своей жизни.

Эта группа издавала свыше 2700 наименований информационных и политических газет и журналов, распространявшихся тайно — особенно после введения военного положения. Во Вроцлаве еженедельный бюллетень «3 дня на дзень» («Изо дня в день») в течение 10 лет вышел 524 раза. Бюллетень «Гутник» («Металлург») издавался под Краковом 8 лет, вплоть до 1980 года. Белостокская «Солидарность» вышла в 1980–1990 гг. 180 раз, а Гданьская — 229. Общественно-литературный журнал «Критика» издавался 13 лет подряд, начиная с 1977 года. «Обсерватор велькопольский» («Великопольский наблюдатель») выходил с 1980 по 1990 год. Серьезный журнал книжного формата «Карта», собиравший и публиковавший ключевые документы как власти, так и подполья, существует по сей день. Важнейшее из всех этих изданий, орган мазовецкой (варшавской) «Солидарности» «Тыгодник Мазовше», начиная с февраля 1982 г. выпустил в течение 8 лет 290 номеров. Его редколлегия возглавляла Хелена Лучиво, а публиковался в нем, в частности, Адам Михник — между двумя отсидками.

Каталог Национальной библиотеки содержит 5500 наименований книг, нелегально изданных в Польше в 1976–1990 годах.

Не бездействовала и новая эмиграция. Солидные позиции занял «Анекс» («Приложение»), основанный Александром Смоляром, а в дальнейшем издававшийся его братом Эугениушем и Ниной Смоляр. В Париже Барбара Торунчик издала первые номера по-прежнему популярных «Зешитов литерацких» («Литературных тетрадей»). В Лондоне, а затем в Париже выходил католический журнал «Спотканя» («Встречи»).

В Париже 20 раз вышел ежемесячный журнал «Контакт», который затем различными хитроумными способами провозился в Польшу. Его издатель Мирослав Хоецкий основал

также студию документальных фильмов, которая сняла, в частности, уникальный фильм о Юзефе Чапском и, что особенно важно, о Ежи Гедройце и его «Культуре».

Роль парижской «Культуры»

Весь этот богатый урожай издательских и концептуальных начинаний вырос благодаря духу и мысли Ежи Гедройца, а также основанной им после войны парижской «Культуре». Пример Гедройца и его холодные доводы показали польским интеллигентам силу меткого слова и аргумента — пусть даже одинокого, но уверенного в своей правоте. Коронным доказательством этого стали упорно предпринимавшиеся в 637 номерах журнала и увенчавшиеся успехом попытки убедить думающих поляков, что Вильнюс и Львов, жемчужины польской культуры, должны принадлежать литовцам и украинцам, чтобы те вернули себе свои древние столицы, а поляки наконец обрели в их лице не угнетенные и враждебные меньшинства, но союзников.

Тираж «Культуры» не превышал 7000 экземпляров, но журнал имел неизмеримо большее влияние, ибо был адресован интеллигенции — прослойке, которая, несмотря на все нападки и искушения, пользовалась неподдельным авторитетом. На страницах журнала публиковались произведения самых выдающихся писателей — не только эмигрантских, но и живших в Польше, что устраняло навязанную литературе неизбежность выбора между молчанием и лицемерием. Здесь печатал свои дневники Витольд Гомбрович, затем Густав Герлинг-Грудзинский, здесь увидели свет эссе Ежи Стемповского, здесь выводили из захолустья польскую публицистику Константы Еленский, Стефан Абнер, Антоний Поспешальский, Леопольд Унгер.

На страницах «Культуры» возник проект демократического будущего Польши, основанный не на грезах, а на расчете — точном, хотя и рискованном, ибо предлагавшем свести на нет давление обеих челюстей геополитических тисков, которые не позволяли стране обрести устойчивую независимость. Ежи Гедройц дождался осуществления этого проекта. Выводы из него заранее сделал Юлиуш Мерошевский, выразитель мыслей Гедройца. Его список принципов польской восточной политики может и должен быть стержнем польской стратегической доктрины, если мы признаём приоритет внешней политики над внутренними дразгами.

Первый тезис этой концепции сводился к тому, что взаимоотношения с Россией должны быть как можно более

дружескими и добрососедскими, но ни в коем случае не за счет независимости и жизненных интересов Украины, Литвы и Белоруссии. Ведь причиной многовековых кровавых конфликтов между Россией и Речью Посполитой было обоюдное стремление к господству над этими странами.

Вторым, не менее важным фактором была уверенность, что изменить Россию, ее политику и отношения с соседями могут только ее граждане. Никакое вмешательство и давление, никакие поучения здесь недопустимы — разумеется, при условии взаимности, что исключает разглагольствование о гегемонии и сферах влияния.

Оба эти предварительные требования по-прежнему актуальны. Их выполнение зависит не от договоров и деклараций, а от укрепления взаимоуважения в польско-российских отношениях. В свою очередь, взаимоуважение может возникнуть только в результате изменения содержания и формы в области культуры, информации и образования. Здесь мы приближаемся к сути наших размышлений, и прежде всего мы должны констатировать, что положение дел не было и не должно быть безнадежным, если видеть в России не только *paus legal*.

Литература и отношения между обществами

Если официальные взаимоотношения между Россией и Польшей бывали напряженными и даже по-прежнему остаются прохладными, то контакты поляков с русскими подчинялись совсем другим, порой парадоксальным законам — особенно если речь идет об отношениях интеллигенции двух стран. Не будем вдаваться в исторические экскурсы — вот несколько конкретных фактов из уже рассматривавшихся выше областей.

Когда ПНР была еще уродливым подростком, а цензура — ее усердной компаньонкой, хорошие писатели, не имея возможности издавать собственные книги без мучительного лицемерия, зарабатывали на жизнь переводами. Русская литература оказалась фавориткой не только послушных государственных издательств — ее заново открыли и требовательные читатели. Отчасти это случилось потому, что в предыдущем, XIX столетии патриотам считалось неприличным знать язык захватчика. В результате Достоевского в Польше переводили с... французских переводов. В 20-е годы переводили прежде всего современных писателей, да и то довольно поверхностно. И вот в 50-е годы, после появления новых, хороших переводов, люди начали говорить и мечтать о

Грушеньке и князе Мышкине (хотя последний не выносил поляков, как и сам Федор Михайлович). Даже представители консервативной литературы самозабвенно переводили ранее малоизвестные или плохо переведенные на польский шедевры. Павел Герц прекрасно перевел Муратова, Мария Домбровская взялась за Чехова. В то время как советские советники тайной полиции, некто Вознесенский и Скульбашевский, заправляли варшавской госбезопасностью, русские классики спасали поляков от русофобии.

Когда после смерти Сталина пришла оттепель, величайшим открытием для читателей и издательств стали не Джойс или Франсуаза Саган, а реабилитированные советские писатели. Ахматовой восхищались не только влюбленные, великолепная Эва Демарчик срывала овации в краковском «Погребке под Баранами» и в парижской «Олимпии», исполняя по-польски песню на стихи Осипа Мандельштама о цыганке, язык варшавской улицы наполнился выражениями из «Одесских рассказов» Исаака Бабеля. В Польше прошла премьера «Дракона» Евгения Шварца, в то время как в СССР он еще не скоро увидел огни сцены. Похожая ситуация была с романом Ильи Эренбурга «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца», который в конце 50-х бил в Польше рекорды популярности, а в России оставался неизвестным вплоть до распада СССР.

Тому, чтобы показать полякам «другую Россию», больше всего способствовал Гедройц и его «Институт лите́рацкий» («Литературный институт»). Михаил Геллер вел в его журнале постоянную рубрику «Русские заметки». Помимо «Культуры» и «Зешитов лите́рацких», Гедройц издал 541 книгу, недоступную в ПНР по цензурным соображениям. Переводы из русской литературы занимали среди них видное место. Именно в Мезон-Лаффите вышли по-польски «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, «Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом» и «Раковый корпус» Александра Солженицына, публицистика Андрея Сахарова и исторические книги Михаила Геллера. Русские авторы — такие как Андрей Синявский и Юрий Даниэль — посылали свои рукописи на перевод Гедройцу еще до того, как передавали их русским эмигрантским издательствам.

Вдохновением для польской подпольной печати, несомненно, был русский самиздат. Во время военного положения печать эта приобрела весьма внушительные масштабы. Одно только издательство НОВА выпустило и нелегально распространило более 500 произведений русских авторов в польском переводе. Это были книги Ахматовой, Бродского, Бунина, Пильняка,

Замятина, Мандельштама, Шаламова, Войновича, Венедикта Ерофеева, Солженицына.

Те, кто повсюду выискивает польскую русофобию, вероятно, скажут: «Да ведь это всё пища для элиты» — для той самой узкой прослойки интеллигенции, которую даже демократические ученые, такие как Халасинский, называли «инородным телом, незаконнорожденным потомством шляхты».

В таком случае напомним, что сегодня абсолютное большинство этой интеллигентской польской элиты составляют выходцы из деревни, маленьких городков и рабочих предместий. По крайней мере эта заслуга — выдвижение интеллигенции из народа — принадлежит эпохе ПНР. Что касается отношения среднестатистических поляков к русским, то с тех пор как русские начали приезжать в Польшу не в мундирах, а в штатском, никто не слышал их жалоб на ксенофобию местного населения.

Взаимное влияние польских и российских деятелей культуры

Описанием российского отклика на польские культурные начинания и препятствий, которые можно преодолеть только совместными силами, займется, вероятно, кто-нибудь из российских исследователей. Однако в этой связи невозможно не коснуться нескольких знаменательных и необычных явлений.

Советские официальные культурные мероприятия были неэффективными в своей пропагандистско-идеологической сфере. Решающую роль сыграл тут контраст между содержанием пропаганды и фактами, известными полякам по личному опыту. Основной и очевидной функцией фильмов, спектаклей, концертов и большинства современных книг была пропаганда советского строя и его атрибутов, полностью расходившаяся с польской способностью узнавать (особенно после немецкой оккупации) зловещие признаки нараставшего насилия. Даже люди, уверенные, что большевистская беспощадность — единственное действенное средство против рецидивов фашистской заразы, быстро убедились, что лекарство не лучше болезни. Об этом свидетельствует судьба Тадеуша Боровского, узника Аушвица, одного из величайших талантов послевоенной польской литературы, который покончил жизнь самоубийством после нескольких лет, посвященных защите режима ПНР.

Путь для творческого обмена открыла лишь оттепель, но настоящие перемены начались благодаря проникновению в СССР тех польских изданий западных книг, музыкальных произведений и сведений о фильмах и спектаклях, которые уже можно было распространять в Польше, в то время как их русские переводы (и даже упоминание о них) по-прежнему находились в СССР под запретом.

Ценным источником информации оказался ежемесячный журнал «Польша». Он подвергался цензуре, но редактировался умно и содержал много интересных материалов — включая обзоры иностранных новинок. Временами его тираж достигал умопомрачительной цифры 350 тыс. экземпляров. Массовый спрос на него кончился после коллапса советского режима: российские окна и уши широко открылись для вестей с Запада, и польская форточка была уже не нужна. Однако у поляков по-прежнему есть причины делиться с русскими своим опытом, мыслями и культурой. Именно поэтому Ежи Гедройц склонил автора этих строк к созданию и редактированию «Новой Польши». Журналу уже 10 лет, и у нас есть два повода для радости: во-первых, мы зависим только от одной инстанции — читателя, и, во-вторых, пока что «Новая Польша» остается единственным форумом диалога польской и российской интеллигенции. Третий наших авторов — россияне. Очень хотелось бы, чтобы в Польше появился такой же издаваемый по-польски журнал, добросовестно информирующий нашу интеллигенцию о проблемах новой России.

Возвращаясь к временам оттепели и славной когорты шестидесятников, мы будем вынуждены констатировать, что тогда в СССР произошел настоящий взрыв своего рода полономании. Иосиф Бродский утверждал: «Нам требовалось окно в Европу, и польский язык такое окно открыл». Этот замечательный поэт прочитал по-польски джойсовского «Улисса» (в переводе Мацея Сломчинского), Фолкнера и даже Пруста. Благодаря знанию польского (который он выучил самостоятельно) он еще в Советском Союзе перевел стихи Вата, Херберта, Кубяка, Стаффа, Харасимовича, Рымкевича, Галчинского и даже Норвида. Уже в Америке он начал переводить Чеслава Милоша, признал его гениальным поэтом, познакомился с ним лично и, несомненно, содействовал присуждению нашему поэту Нобелевской премии.

Подобных явлений было немало, но произведения «на польскую тему», написанные в застойном СССР, в основном кажутся малозначительными.

Лишь события 1980–1981 гг., а затем военное положение и, наконец, переломные 1989–1991 гг. породили связанные с Польшей русские произведения, написанные без тени принуждения. Всё началось, по вполне понятным причинам, с информации и публицистики. Больше всего плодов принесла кампания парижской еженедельной газеты «Русская мысль», редактировавшейся великодушной и бескомпромиссной Ириной Иловой-Альберти. Наталья Горбаневская описала там всю необыкновенную историю подпольной «Солидарности» — ее статьи, вышедшие впоследствии отдельной книгой, носили характер не столько хроники, сколько идейной декларации. Велики и заслуги московского журнала «Иностранная литература», а в нем — таких знатоков польской культуры как Ксения Старосельская, Андрей Ермонский, Асар Эппель. С первого же своего номера, то есть с 1974 г. печатал польских авторов основанный Владимиром Максимовым журнал «Континент».

Еще до этого Александр Галич написал свою «Балладу о вечном огне», а уже в свободной России были опубликованы полные польских мотивов стихи Бориса Слуцкого, Иосифа Бродского, Владимира Британишского. Впервые российские писатели смогли затронуть тему Катыни или секретных протоколов к пакту Риббентропа — Молотова. В свою очередь публикации выдающихся польских репортеров, таких как Рышард Капустинский, Мариуш Вильк, Войцех Ягельский, Кристина Курчаб-Редлих, Вацлав Радзивинович или Мартин Войцеховский, свидетельствуют о том, что интерес поляков к современной России растет независимо от изменений политического климата.

Время прошедшее — время будущее

Разговор об этих немногих, но важных вопросах еще не закончен. Его мешают вести традиции коммунистической пропаганды и навыки мышления, укорененные в периоде 40 летнего советского господства на всей территории соцлагеря. Да, из-за этого господства у поляков выросло желание отгородиться от России и ее влияния, избрать путь антагонизма, который всегда может возобладать в настроениях покоренной страны. Но это не единственная польская традиция: в 1830 г. польские повстанцы начертали на своих знаменах слова «За нашу и вашу свободу», беспрецедентные в истории борьбы покоренных народов с завоевателями. Их потомки в послеялтинской Польше (отметим это без всякой гордыни) тоже обращали свою неприязнь, разочарование, враждебность не против русских,

но, как правило, против навязанного им строя и большевистских порядков. Следует подчеркнуть *sine ira et studio*, что даже в вышеописанных многочисленных органах подпольной печати, а также в польской литературе трудно найти рассуждения враждебные или, тем более, оскорбительные для русских как народа — словом, исполненные русофобии.

К сожалению, использование этого слова стало опознавательным знаком ксенофобских и шовинистических тенденций, которые ширятся среди крепнущих российских экстремистов как правого, так и левого толка и потому стали проблемой для правительства Российской Федерации (см. отчет Левада-Центра, опубликованный в октябре 2008 г. и прокомментированный в журнале «Новое время» от 16 марта 2009). Представителей этих тенденций легко узнать по их отношению к предмету наших размышлений. До недавнего времени каждый период экономических и политических расхождений между Россией и ЕС или НАТО сопровождался их нападка на Польшу, которую они избрали дежурным врагом России.

Даже установленные факты (такие как записка Берии и резолюция Сталина от 5 марта 1940 по катынскому делу или осуждение 16 руководителей Польского подпольного государства за измену... СССР) представители черной или красной сотни подвергали сомнению. Примером может послужить то, что написал Станислав Куняев в своем сочинении «Шляхта и мы» — карикатуре на историю российско-польских отношений. Готов биться об заклад, что в польской печати или прозе не найдется ни одной фразы о России, написанной в подобном тоне. Не помогла аргументированная полемика, которую пытались вести на страницах «Новой Польши» независимые специалисты. Скажем, напечатанная в «Новой Польше» статья проф. Анджея Новака «Десять вопросов [к российским историкам]» о судьбах красноармейцев, попавших в польский плен в 1920 г., до сих пор остается без ответа.

Замалчивание подобных проблем долгое время делало невозможным искренний разговор между россиянами и поляками. Между тем разговор этот необходим и может вестись без затруднений, принимая во внимание, что исторические камни преткновения по сути дела устранены, а влиятельная интеллектуальная элита обеих наших стран была и остается заповедником взаимной симпатии и общих традиций. В эту элиту входят испытанные кадры —

специалисты и таланты, способные плодотворно сотрудничать в области культуры. Область эта даже в периоды политической напряженности не была невозделанной целиной. То, что в ней происходит, достойно постоянной и мощной политической поддержки с обеих сторон. Именно это мы и пытались доказать.

Заключительные замечания

Вышеописанные случаи, политические обстоятельства и их последствия позволяют сделать выводы, которые мы сведем к нескольким простым констатациям:

— Прилагавшиеся в период существования соцлагеря официальные усилия по использованию территории, ресурсов и кадров культуры для укрепления политической дисциплины и пропаганды единственно верных идей, как правило, приводили к результатам, обратным ожидаемым. Причиной этого была не врожденная русофобия поляков и не тоска по довоенным порядкам, но очевидное расхождение между провозглашавшимися тезисами и действительностью. Фальшь особенно бросалась в глаза, когда в СМИ и в школах описывалась история недавней войны и польского движения сопротивления. В России эта ситуация до сих пор не изменилась.

— Однако интерес к российской культуре и ее богатству не ослаб — во многом благодаря интенсивному и всё углублявшемуся развитию неформальных связей с самостоятельными деятелями независимой культуры, которых в СССР едва терпели. Пастернак, Окуджава, Высоцкий, Галич, Максимов, Сахаров, Солженицын не позволили гражданам ПНР пренебрегать Россией.

— Особую роль сыграли влиятельные польские эмигрантские СМИ. Гедройцевская «Культура» и радио «Свободная Европа» никогда не опускались до выпадов против русских, подчеркивая разницу между советскими порядками, государственным насилием и русским народом, его мыслящей элитой. Произведения русских писателей и историков, публиковавшиеся парижским «Институтом литеацким», напоминали полякам о существовании иной России, вызывавшей не страх, а уважение.

— Позиция польской Церкви — особенно во времена понтификата Иоанна Павла II и благодаря его знаменательным словам о «двух легких» христианства — способствовала важному перелому в исследованиях и публикациях,

посвященных духовной жизни России и той части ее традиции, которую заглушала советская пропаганда.

— Оплотом и основой стихийного культурного обмена была интеллигенция обеих стран. Доказательством может послужить популярность в СССР польского языка, журнала «Польша» и польских творцов (Брыльской, Демарчик, Ольбрыхского, Вайды, Занусси). Подобные явления были характерны и для Польши. После перелома и распада соцлагеря не уменьшились тиражи книг Ерофеева, Пелевина, Акунина, Довлатова, Бабея, Цветаевой, Солженицына или классиков XIX века. Польские театры отнюдь не избегают российской драматургии. «Новая Польша» и ее сайт стали полем свободного польско-российского диалога.

— Вышеперечисленные обстоятельства ясно указывают направление действий. Не рассчитывая на массовый отклик и немедленные результаты, нужно укреплять и углублять связи польской и российской интеллигенции как прослойки, влияющей на общественное мнение, и поддерживать традиционный в России интерес к обмену мыслями и опытом с западным соседом.

— В международной политической жизни столкновение интересов и конфликты неизбежны. Тщетны надежды на то, что польско-российские отношения будут от них свободны. Задача политиков — не замечать противоречия под ковер, но искать цивилизованные каналы и пути их полюбовного решения. Роль культуры и науки приобретает здесь особое значение. Это не только сфера художественных экспериментов и исследований, но и поле столкновения политических идей и концепций, часто по природе своей противоположных. Противоречия эти касаются не только теоретических вопросов, но и текущих экономических интересов и политических планов. Чтобы избежать их столкновения, просто необходимо сделать их предметом дискуссии экспертов, до того как ими займется исполнительная власть, т.е. политики. Пока этот принцип применяют только страны Евросоюза (именно для воплощения в жизнь подобных принципов ЕС и возник). Нынешний момент требует подобного институционального решения, чтобы очистить поле российско-польских отношений от окаменелостей и не допустить, чтобы оно заросло сорняками.

— Среди этих сорняков следует выделить явления совершенно необъяснимые — например, хранение в России сокровищ польской культуры, вывезенных в конце войны, таких как Библиотека Залуских, отцов польского Просвещения XVIII века.

Доступ к ней польских исследователей затруднен, хотя книжный фонд библиотеки находится в Петербурге, столице российского Просвещения.

— Не менее важно всеми возможными способами сохранять и расширять связи с теми кругами российского общества, которые могут быть заинтересованы в обмене не только экспонатами и товарами, но и возникшими в Польше идеями. Сотрудничество неправительственных организаций, творческих объединений, вузов, институтов и научных обществ уже не подлежит официальному контролю и не должно носить официальный характер. Этот беспрецедентный шанс надо немедленно использовать. Именно таким образом можно прокладывать путь к пониманию российскими массами польских аргументов и устремлений — независимо от флуктуаций межгосударственных отношений.

Текст войдет в сборник статей польских и российских авторов на темы, рассматриваемые Польско-российской группой по трудным вопросам. Автор — член этой группы.

ПОЛЬША — РОССИЯ: ОППОЗИЦИЯ — ДИССИДЕНТСТВО

Всякие рассуждения об интеллектуальном влиянии Польши и поляков на Россию и русских (как впрочем, и наоборот, ибо речь может идти только о взаимности влияний друг на друга двух блестящих культур и великих народов) имеют смысл, как нам кажется, на более широком, нежели только послевоенный, историческом фоне. В последние годы об этой исторической близости и о русско-польском взаимовлиянии странно забывается, по крайней мере в публичной информационной сфере. Конечно, цивилизационные различия между нами были всегда не только существенны, но разнонаправленны. Тем не менее, именно на пограничье различных этносов нередко возникали и возникают особо уникальные культурные явления и процессы. И русско-польская история хранит тому десятки и сотни подтверждений: фамилий, событий, артефактов. С сожалением следовало бы признать, что мы знаем и помним об этом сегодня хуже, нежели в течение двух условно социалистических поколений, и гораздо хуже, нежели в межвоенное двадцатилетие, не говоря уже о временах совсем почти былинных.

Почему? Это другой вопрос. Но не из этого ли взаимного незнания и непонимания рождается низкое качество и поверхностный характер политической публицистики, занимающейся проблемами двусторонних отношений. «Старая гвардия» даже во взаимных претензиях с литературной и философской точки зрения звучала и выразительнее, и основательнее. Чеслав Милош, никаких политических сентиментов не имевший по отношению к России, оставил сочные воспоминания о России. Русский язык, пишет Милош в «Родной Европе», «притягивал поляков и высвобождал в них славянскую половину души. В языке было всё, чему вообще стоило у России учиться. А вместе с языком учились и самоиронии». Сегодня этого, увы, нет. Иногда создается впечатление, что те, кто претерпел в исторических катаклизмах двадцатого века, прошел через ГУЛАГ, лучше относится к России и понимает ее, чем некоторые польские воспитанники недавнего комсомола или выпускники

престижных европейских университетов. В.Ярузельский однажды в начале 80-х годов, возвращаясь с офицерского кладбища в Повонзках, где только что похоронили одного из его близких соратников-костюшковцев, обронил фразу: «Вот, сегодня мы попрощались с Вацеком, а я вспоминаю, как в 1942 году в Казахстане завернул своего отца как собаку в газету „Правда“». Но ненавистником России генерал никогда не был.

Россия всегда притягивала поляков, как притягивала к себе Европу, относившуюся к нам с двойственными чувствами. В этом смысле она была, есть и останется, по меткому выражению одного современного философа, «подсознанием Запада». Но и русское отношение к Европе, частью которой Польша всегда оставалась, даже если входила в состав Российской империи, сформулировано давно и при этом далеко не западниками: «Знаете ли, господа, что такое Европа? Страшная и святая вещь», — признание принадлежит перу И.С.Хомякова, одного из основателей славянофильского течения отечественной мысли...

В России многие прошли увлечение Польшей. Для кого-то она была первым шагом на пути к европейским идеям и образцам, для кого-то, наоборот, началом к более глубокому осознанию самоценности России. Один из авторов этих строк еще в двадцатилетнем возрасте, научившись читать по-польски, даже в польских переводах Б.Окуджавы слышал параллельные смыслы и задумался. Между известными авторскими строчками «...а все-таки жаль, иногда над победами нашими встают пьедесталы, которые выше побед» и их польским прочтением: «высятся пьедесталы, на которых уж нет никого» («goroża sokoly, na ktorych nie stoi juz nikt») — звучала очевидная разница.

Думается, что именно эта разница во многом обуславливала наш вечный и глубоко взаимный интерес друг к другу, частью которого были и взаимовлечение, и взаимовлияние интеллектуального диссидентства в обеих странах.

Само собой на ум приходит и то обстоятельство, что понятие «диссидент», «диссидентское движение» пришло в русский мир из Польши. Под влиянием современных СМИ, утопая в информационных потоках, первоначальный смысл этого понятия нами давно утерян, тем не менее о том, что так в Польше называли всех православных, несогласных с интенсивными попытками сделать из них католиков, русская память не забывает. Вполне вероятно, что, «отягощенные» таким историческим образом диссидентства, в России даже к самому термину, вновь введенному в употребление в 60-е годы

для обозначения представителей интеллектуальных течений, оппозиционных официальной социалистической доктрине, относились с предубеждением. Большинство жителей СССР информацией о деятельности диссидентов совершенно не интересовалось, несмотря на все усилия радио «Свобода» и множество диссидентских изданий — незаметных в миллионных тиражах официальной литературы.

Для понимания проблемы необходимо ясно себе представлять, что диссидентство в СССР (в отличие от польского) изначально зародилось и развивалось как органическая часть советского социализма. Иначе и не могло быть после победоносной войны — Великой и Отечественной. До сих пор российское современное общество и современные российские политические элиты во многом формируются под влиянием трагедии 1941 года и победного Мая 1945-го. Что же говорить о советском военном поколении, поколении послевоенном и их потомках... В первое послевоенное десятилетие в стране господствовали такие настроения, что всякого, ставившего под сомнение официальную идеологию, могли совершенно искренне считать предателем. Поэтому диссидентство в СССР как явление своим появлением обязано Н.С.Хрущеву, своим «секретным» докладом на XX съезде КПСС нанесшим первый серьезный удар по почти монолитному идейному единству советского общества. Отныне можно было критиковать социализм — тот старый, сталинский, дохрущевский. Критиковать, конечно, с целью совершенствования системы и укрепления ее позиций в глобальном соревновании. Начало, однако, было положено. К тому же потрясение от XX съезда КПСС у многих советских граждан серьезно усилилось впечатлениями от событий того же года в Польше и Венгрии.

На редкость иллюстративными представляются в этой связи воспоминания большой группы советских диссидентов и политзаключенных, записанных Т.Косиновой в 1992-1994 гг. в рамках совместной программы НИЦ «Мемориал» и Восточного архива в Варшаве под названием «Диалог. Польско-советские диссидентские и культурные связи и взаимовлияния 1950-1980 х гг.».

«Все, что происходило тогда в Польше, — отмечает, в частности, Б.Пустынцев, — было невероятно интересно. Это казалось началом трансформации большевистского режима... Польша всегда была оплотом оппозиции русскому режиму — и до большевизма, и после. А после 1956 г. Польша воспринималась как островок если не свободы, то полусвободы. Не политической — политические различия между нашим

режимом и польским были незначительны, по сути это было одно и то же. Но атмосфера в обществе, этот вольный дух, присущий Польше, заражали и притягивали». Впрочем, Б.Пустынцев сам признает себя «белой вороной» среди своих коллег, ориентированных, по его словам, «на прогрессивную модель социализма». М.Чешков, бывший в середине 50-х годов аспирантом экономического факультета МГУ, замечал, что «в отличие от нашей любви к марксистской теории, умения разбираться в основных догмах, поляки старались отстраняться от этого, как бы не принимали такого теоретизирования всерьез». Это — косвенное свидетельство того, что социалистические идеи весьма крепко сидели в основной массе инакомыслящих российских умов, более того — даже в 60-е годы среди советских ревизионистов сохранялось святое убеждение в том, что они владеют марксистской теорией и методологией гораздо искуснее восточноевропейских коллег. Но преимущество поляков было в другом: ни в 1956-м, ни позднее они никогда открыто не оспаривали марксистских канонов, а как бы отодвигали их на второй план, «не столь уж это важно», и нередко излагали другие трактовки и идеи — конечно, западные. Надо признать, что после 1956 года развитие общественных наук в Польше происходило быстрыми темпами, становясь для многих обществоведов в СССР не моделью, конечно, но важным источником работы.

Восстание в Будапеште своими катастрофичностью и размахом польские события в какой-то мере заслоняло. Польша, тем не менее, оставалась нам ближе и, думается, остается ближе, ибо у нас есть общее прошлое, общий исторический опыт. Но тут и проблема: многие и сегодня оценивают состояние российско-польских отношений через призму этого исторического опыта. Хорошо, что сегодня исследователи в России могут при желании учитывать большее разнообразие исторических позиций и оценок. Но в 1956 г. в жизнь входило поколение, которое прекрасно знало об отношении к полякам Герцена и Чернышевского, социал-демократов и даже меньшевиков, но могло ничего не ведать об оценках Достоевского или Каткова. Для таких, как Л.Краснопевцев и Н.Обушенков (арестованных в 1957 г. по делу «участников антисоветской группы из числа преподавателей и студентов МГУ, связанных с польскими реакционерами»), естественным со школьной скамьи была эмоциональная поддержка польского освободительного движения, союзнические отношения с польской оппозицией, благодарная память о том, что поляки вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы с царизмом. Это всё — в традиции русской интеллигенции демократической ориентации,

последователями которой считали себя многие советские диссиденты. Вопиющее противоречие между демократическими убеждениями и государственными интересами не раз уже в русской истории приводило Россию к катастрофам, мелким и крупным. На этом противоречии зиждется странное, на первый взгляд, противопоставление «демократичного» Ленина «тоталитарному» Сталину (в 2009 г. как и в 1956-м, как ни парадоксально), странное, ибо масштабное уничтожение населения России в ходе революции и гражданской войны по крайней мере не меньше числа жертв репрессий 30-х годов. На этом же противоречии основано и сопоставление Ленина с герценовской традицией (слава Богу, только в диссидентских дискуссиях 50-х и 60-х годов). Пересаженное на советскую почву, это противоречие привело к тому, что с советским «социализмом» зачастую боролись совершенно советские люди (как еще в 1987 г. говаривал М.Горбачев: «мы все — советские люди»). И «социализм» в СССР разрушался под лозунгом «больше социализма!». Сегодня, даже если подобные нюансы и всплывают в памяти, то никого это не удивляет. А жаль, потому что за пределами научного интереса остаются не только технологии социальной перестройки 80-х годов, но и такие проблемы, как переформатирование партийно-политических элит, их встраивание в новые общественно-политические и финансово-экономические структуры, и не только в СССР, но и в большинстве стран советского блока.

Совершенно очевидно, между тем, что демонтаж коммунизма и созданной на этой идеологической основе системной советской государственности вовсе не является заслугой советского диссидентства. Во всяком случае, не более чем заслугой декабристов является ликвидация монархии Романовых в 1917 году. Но подобно тому, как «декабристы разбудили Герцена», диссиденты сыграли огромную роль в изменении вектора политического мышления советских элит и — отчасти — советского общества. В немалой степени, кстати, благодаря «самиздату» и эмигрантской литературе («тамиздату»), способствовавшим даже формированию иного языка! Лауреат многих литературных премий, эмигрировавший в свое время в Румынию, В.Ерну в своей книге «Рожденный в СССР» тонко подметил, что советский диссидент был «продуктом коллаборационизма между советскостью и антисоветскостью», а диссидентство — это «творчество, своего рода общий язык, поддерживаемый обеими сторонами». Многие архивные дела по инакомыслящим в России доступны по-прежнему крайне трудно (только в силу того, что многие из диссидентов или, во

всяком случае их родственники, еще живы). Со временем ситуация изменится и, быть может, криптозадачи той, другой, стороны в российской истории XX века, станут более очевидными.

В Польше, надо признать, иной политический язык и, следовательно, альтернативное политическое мышление не приходилось создавать. Эта альтернатива существовала всегда — в польской эмиграции в Европе. Единственной проблемой было донести ее до поляков на берегах Вислы. Эта задача была решена практически сразу по окончании II Мировой войны, когда в 1946 г. появился журнал «Культура», по словам Н.Горбаневской — «лучший в мире эмигрантский журнал». Вокруг этого издания собрались виднейшие представители польской интеллектуальной элиты, и понятно, почему в самой Польше парижская «Культура» считалась важнейшим изданием польской мысли второй половины XX века. Здесь печатались такие выдающиеся деятели польской культуры, как Ч.Милош и В.Гомбрович, Е.Стемпковский и М.Хласко, А.Бобковский и К.Еленский. И нельзя не отметить, что связи журнала с Россией, с русскими литераторами — и самиздатовскими, и эмиграцией — поддерживались создателями издания с самого начала. Но, конечно, душой и разумом издания более полувека оставался основатель «Культуры», замечательный польский мыслитель Ежи Гедройц, уроженец (*a propos*) Минска и ученик (*a propos*) одной из московских гимназий. Нет в этой жизни ничего случайного: взаимоотношения с соседями на Востоке, их прошлое и будущее всегда были в центре внимания «Культуры», и именно Е.Гедройц, по-видимому, был первым поляком, призвавшим своих соотечественников забыть обиды 1939 года....

Парижской «Культурой» вскормлены по крайней мере два поколения польских интеллектуалов, но само его существование было своеобразной школой и для альтернативной мысли в России. Не случайно, вспоминает Н.Горбаневская, когда В.Максимов пришел за советом к А.Солженицыну, заявив, что намеревается делать журнал, но не очередной для русской эмиграции (таковых в Европе было и есть предостаточно), а некое издание, которое бы смогло объединить всю эмиграцию, то Солженицын ему прямо ответил — «Идите в „Культуру“, — они вас научат». Так начинался крупнейший журнал русской эмиграции 70-х годов «Континент». Название, кстати, предложил сам А.Солженицын, не исключено, считает Т.Максимова, как Континент противостояния коммунистическому Архипелагу. Ведь вокруг него должны были собраться авторы со всей

Восточной Европы. Но первыми и тут были поляки, ибо В.Максимов, следуя совету Солженицына, обратился с просьбой о содействии в постановке нового издания к Е.Гедройцу, Ю.Чапскому и Г.Герлингу-Грудзинскому. Все трое, не раздумывая, стали членами редколлегии «Континента» и оставались там до самого конца, хотя, поговаривают, завидовали финансовой мощи «Континента», пользовавшегося поддержкой шпрингеровского издательского концерна.

Идейное влияние «Культуры» на максимовский «Континент» очевидно, хотя и не так заметно — по сравнению, например, с той ролью, которую этот журнал сыграл в формировании польской внешнеполитической идеологии после 1989 года. Мифология «кресов», определявшая стратегические концепции восточной политики не только лондонского правительства в изгнании, но и внешнеполитические взгляды влиятельных польских интеллектуалов, на сегодняшний день трансформировалась в сентиментальные воспоминания. Независимость Украины, Белоруссии и Литвы не ставится под сомнение польским политическим истеблишментом, даже крайне правым, ибо не противоречит польским государственным интересам: новая геополитическая ситуация в Восточной Европе после 1991 г. дает нашим польским соседям возможности осуществлять в регионе другие концептуальные проекты, памятные с 20-х годов...

Идеологию независимости Украины, как и других советских республик, максимовский «Континент» принял и даже пытался пропагандировать. Это, однако, никак не повлияло на взгляды политических элит внутри СССР на проблему. Причины этого в 70-е годы очевидны. Что же касается 80-х, то решение о «цивилизованном разводе» было принято политическими элитами России, Белоруссии и Украины отнюдь не из соображений, формулировавшихся эмигрантскими журналами. Показательно, что никакого влияния на реализацию принятых элитами решений не смог оказать даже А.И.Солженицын, противостоявший «разводу» с собственными концепциями «обустройства России».

Значение эмигрантских и диссидентских изданий, остававшихся в значительной степени элитарными, в 80-е годы окончательно сошло на «нет» в результате появления «Солидарности», бросившей вызов не только властям в странах социалистического блока, но и всей старой оппозиции.

Л.Алексеева вспоминает, что в конце 70-х гг. «ядро московских правозащитников составляли зачинатели этого движения,

рассматривавшие его как чисто нравственное противостояние, не имеющее каких-либо политических целей, в том числе целей вербовки сторонников. Они не ставили перед собой и цели расширения движения, распространения его на другие социальные слои, как это имело место в Польше, а когда это произошло само собой, без их усилий, не оценили этого и отшатнулись от чужаков». В этом — ключевое различие диссидентов и следующего поколения оппозиции — политических неформалов 80-х годов.

Именно под влиянием «Солидарности» в СССР появляются молодежные группы инакомыслящих, которые начинают искать возможности использования польского опыта 1980–1981 гг. В отличие от классических правозащитников они были откровенно идеологически окрашенными и напоминали подпольщиков второй половины 50-х гг., ориентированных на польский и венгерский опыт 1956 года. Одна из групп начала 80-х гг. имела характерное название «Марксистская общественная группа 68–80».

В декабре 1980 г. редакторы самиздатовских журналов объявили о создании «Свободного культурного профсоюза», и хотя опыт не удался, это был важный симптом: движение стремилось выйти на новые слои населения.

Справедливости ради нужно отметить, что попытки создания независимых профсоюзов предпринимались в СССР и до «Солидарности». В январе 1978 г. В.Клебанов, уже «отсидевший» в психбольнице за попытку создать группу по контролю за условиями труда, вновь попытался зарегистрировать легальную и лояльную властям Ассоциацию свободного профсоюза защиты рабочих. Клебанов был арестован, а профсоюз, куда записалось около 200 относительно лояльных граждан, тут же распался. Затем 28 декабря 1978 г. Л.Агаповой, Л.Волохонским, В.Новодворской, В.Сквирским и др. было провозглашено Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ).

СМОТ, ставший первым диссидентским «хождением в народ», не преуспел в своей деятельности, но был симптоматичен для властей: инакомыслие не желало оставаться в узкой нише, отведенной для него системой. «Целью СМОТа было оказание правовой, моральной и материальной помощи своим членам. Для этого внутри СМОТа намеревались создать „кооперативные“ объединения — кассы взаимопомощи, объединения для покупки или аренды домов в загородной местности для совместного пользования, для создания детских садов, где их нет или не хватает, и даже для товарообмена

(скажем, посылать из Москвы в другие города чай и сгущенное молоко, имеющееся в Москве, в обмен на свиную тушенку, которая есть в некоторых районах Восточной Сибири, но отсутствует в Москве)», — писала Л.Алексеева.

Однако опыт «Солидарности» заметно радикализировал часть лидеров СМОТа, что предопределило неудачу умеренной части программы. Один из издателей Информбюллетеня СМОТа — единственного реально реализованного проекта организации, В.Сендеров, объявил себя членом Народно-трудового союза. Крайне радикальные позиции занимала и В.Новодворская. Для таких лидеров «профсоюз» был лишь инструментом для перехода к более активным действиям. Сама В.Новодворская так вспоминает о логике радикальной части основателей «профсоюза»: «Костюшко и Домбровский разбудили КОС-КОР, а КОС-КОР разбудил „Солидарность”. У нас же XX съезд разбудил Булата Окуджаву и Юрия Любимова, они разбудили диссидентов, а диссиденты уже никого не могли растолкать: все спали мертвым сном. Подъем не состоялся. Поэтому вдохновляющая „Деда” (В.Сквирского — авт.) идея рабочих профсоюзов, независимых от ВЦСПС, была чисто платонической. Наш СМОТ — Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся — был отчаянной попыткой несчастной интеллигенции в порядке стахановской инициативы поднатужиться и произвести из себя еще и рабочее движение».

Польский опыт оказал воздействие и на «молодых социалистов». В конце 70-х гг. в самиздате появились журналы «нового левого» направления — «Левый поворот» («Социализм и будущее»), который издавал Б.Кагарлицкий, и «Варианты», издание которого было организовано кружком знакомых, сложившимся еще в университетские годы. В него входили А.Фадин, П.Кудюкин, М.Ривкин, В.Чернецкий, Ю.Хавкин, И.Кондрашев. Идеологический спектр изданий был относительно широк — от правой социал-демократии до еврокоммунизма, хотя левосоциалистическая тенденция была доминирующей. П.Кудюкин определяет свои взгляды того времени так: «...левая социал-демократия с элементами революционной социал-демократии. Для нас с Фадиным западное общество не воспринималось как что-то изолированное, оно было тесно связано с Третьим миром. В этом отношении наша революционность была направлена как против СССР, так и против Запада, который имеет свои тупики, эволюционным путем не разрешимые. Хотя революция не связывалась для нас с насилием. Здесь была несомненная параллель с западными „новыми левыми”. Мы признавали,

что в СССР кризис может привести к разрушительному, насильственному взрыву. Мы стремились к тому, чтобы советская империя заменилась неким содружеством, чтобы возникла многосекторная экономика с государственным, самоуправленческим и частным секторами, переход к гибким формам воздействия на экономику — индикативному планированию, экономическая демократия, свободные профсоюзы, политическая демократия в западном смысле и развитие прямой демократии на низовом уровне, возможность простым людям как можно больше участвовать в решении общественных дел». Взгляды Б. Кагарлицкого были несколько левее. «Молодые социалисты», как позднее стали называть издателей этих журналов, сходились на том, что необходимы реформы сверху под давлением снизу, придание социалистической модели большей эффективности и демократизма.

Эти идеи соответствовали официальной линии перестроечного руководства в 1985–1989 гг. Но в 1982 г. тактические планы «молодых социалистов» вызвали опасения руководства КГБ. Они резко критиковали существующий строй, высказывая сомнения в его социалистическом характере, с надеждой следили за событиями в Польше 1980–1981 гг., обсуждая возможности повторения подобного в СССР. В качестве организационного ядра будущей революции они намеревались создать Федерацию демократических сил социалистической ориентации (несколько ранее Революционный коммунистический союз также планировал проведение конференции левых групп). Традиционные диссиденты уже давно не предпринимали попыток создания всесоюзных политических организаций. Не удивительно, что КГБ пошло на разгром «левых». Федерация социалистических общественных клубов будет создана только в 1987 году.

В апреле 1982 г. «молодые социалисты» были арестованы. В донесении В.Федорчука Ю.Андропову (формально уже не руководившему КГБ) говорилось, что арестованные «предпринимали меры к созданию в стране организованного антисоветского подполья в виде т.н. „Федерации демократических сил социалистической ориентации“ для активной борьбы с Советской властью, утверждая при этом в одном из „теоретических“ документов, что „... коммунизм советского образца — преступление против человека и человечества, а СССР — нравственный застенки миллионов“... Как выяснилось в ходе следствия, Фадин систематически передавал Майданнику, Шейнису, Ворожейкиной,

Ржешевскому, Данилову, Ивановой, Скороходову различную антисоветскую литературу для ознакомления».

Связь «молодых социалистов» с научной интеллигенцией, которая в свою очередь имела «выходы» на придворных «либералов», могла расцениваться КГБ как поощрение последними создания «подрывной» организации по образцу польского КОС-КОРа.

В обстановке «нормализации» 1982–1984 гг. мысль польских и советских оппозиционеров развивалась сходными маршрутами, о чем вспоминает Г.Павловский, один из издателей самиздатского журнала «Поиски»: «Мы с Гефтером и Игруновым искали возможность открыть более широкую реальность. И в это же время польские и чешские диссиденты, Гавел и Михник, развернули дискуссию о компромиссе, позволяющем выйти за пределы изолированной среды. Советский Союз для меня был продуктом компромисса реальной политики и социального идеализма, которым я никак не хотел пожертвовать. Для меня советское общество — это было общество равных. В этом был некий смысл всей остальной политики. Иначе зачем мы этим занимаемся, если исчезает социальное равенство и империя знания, образованности? Ведь источником русского марксизма является, в том числе, и русская классическая литература с ее идеалом справедливости. Это наша идентичность».

Однако новые радикальные группы интерпретировали польский опыт как доказательство возможности массовой революции, которая опрокинет коммунистический режим. В отличие от групп 50–70-х гг., радикалы середины 80-х сумели дожить до частичного воплощения своих планов в жизнь. Так, будущие создатели известного в перестроечное время клуба «Община», находясь еще в подполье, планировали создать структуру, напоминающую связку КОС-КОР — «Солидарность». Планировалось создать «лекционное общество» (ЛО), через которое агитаторы группы могли бы вести работу с рабочими и служащими. По мере успеха этой работы предполагалось создать Трудовые общественные союзы (ТОСы) и развернуть с их помощью оппозиционную работу по образцу польской «Солидарности» — с демонстрациями, забастовками и т.д. Вся система некоторое время именовалась «Лотос». «Лотосы» должны были создаваться и в других городах страны, в результате чего должна была возникнуть всесоюзная организация. Основываясь на опыте революций в России, Никарагуа и Польше молодые левые считали, что в ходе первого «натиска» удастся создать систему связей между различными

гражданскими движениями и добиться большего уровня свободы, чем до революции. Это позволит затем перегруппироваться в полуподпольных условиях и нанести режиму окончательный удар где-то на грани веков.

Самое удивительное, что тактическая схема 1986 г. была частично осуществлена. Во второй половине 1986 г. был создан дискуссионный клуб и началась агитация. Участники группы работали в официальном обществе «Знание», под прикрытием которого в 1986–1989 гг. провели несколько сот лекций оппозиционного содержания. Союз оппозиционных социалистических политклубов был создан в 1988 году. В 1987 г. началась пропаганда на предприятиях. В 1989 г. установились устойчивые связи с рабочим движением. В 1988–1989 гг. оппозиционное движение, в котором «общинные социалисты» играли одну из ключевых ролей, стало массовым.

С началом горбачевской «перестройки» оппозиционные активисты, ориентировавшиеся на «польский сценарий», целенаправленно искали и быстро нашли друг друга. Первой площадкой, на которой состоялись их первые контакты, стал возникший в 1986 г. «Клуб социальных инициатив», созданный Г.Пельманом и сумевший привлечь к работе Б.Кагарлицкого. Б.Кагарлицкий так вспоминал о сотрудничестве с Г.Пельманом: «В это время мы не осознавали, насколько по-разному смотрим на проблему. Оба хотели, чтобы была какая-то точка общения, которая способна приманивать людей определенного типа и создать более широкую общественную среду, открытую на границе легальности и нелегальности. Это позволило бы затягивать и „статусную интеллигенцию“ типа академика Заславской, и „люмпен-интеллигенцию“, вытесненную из официальной системы, вроде меня. В итоге я хотел создать что-то вроде польского КОС-КОРа, чтобы выйти на широкие массы — уже не чисто интеллигентские. Статусная интеллигенция может собрать людей легально, а мы — взять на себя организационную работу. Параллельно велась работа такого же плана клубом друзей журнала „Эко“, где инициатива исходила как раз от „статусных“. Из этого в 1987 г. выросла „Перестройка“. Я хотел, чтобы это была сеть клубов социальных инициатив, которые не имели бы явной идеологической окраски. Люди должны были перезнакомиться на этом открытом месте. Что и произошло».

В 1987 г. КСИ привлек к своей работе организаторов «Общины», о которых речь шла выше. Участник переговоров между КСИ и «Общиной» А.Исаев вспоминает: «Там мы снова начали излагать свой комсомольский проект (программу

оппозиционной агитации под «крышей» дискуссии в ВЛКСМ. — Авт.) и были встречены с очень глубоким вниманием. При чем по некоторым репликам было ясно, что присутствующие были настроены очень радикально антикоммунистически. Когда мы упомянули о методах запрета дискуссии, мы услышали: «Ну, понятно, обычное торжество „социалистической демократии“». Меньше всего можно было предположить, что М.Малютин, например, член КПСС. А после некоторых комментариев Б.Кагарлицкого мы решили — это матерое гнездо, организация типа польского КОС-КОР. Мы его быстро нащупали».

КОС-КОР для России стал своего рода лозунгом неформальной самоорганизации и ее перспектив. Но оппозиционные структуры формировались в условиях острой конкуренции, отягощенной прежними расколами, произошедшими еще в доперестроечное время и разводившими оппозиционеров в разные стороны. В результате «КОС-КОРы» выходили на поверхность общественной жизни один за другим. 21 мая через КСИ «Община» установила контакт с Прибалтийским клубом социально-активных людей (КСАЛ), Заочным социально-политическим клубом и московским клубом «Перестройка». Все они стремились наладить связи с рабочими и имели в своем составе по несколько активистов с предприятий.

Однако развитие событий в 1988 г. показало, что демократическое движение в СССР стало развиваться не по польскому сценарию. Попытки создавать альтернативные профсоюзы предпринимались, но без особого успеха. Более перспективной оказалась организация массовых манифестаций. Тем не менее левая часть неформалов не забывала о важности рабочего движения. Так, в «Независимом вестнике» — первом оппозиционном издании, которое вышло многотысячным тиражом 5 декабря 1988 г., анархо-синдикалистами была помещена статья «Польское дело» о летних стачках 1980 г. в Польше. 18 декабря 1988 г. «общинники» распространили листовку «За нашу и вашу свободу!», посвященную годовщине подавления «Солидарности» в 1981 г.

С началом массовых рабочих выступлений в СССР летом 1989 г. участники «КОС-КОРов» 1987 г. быстро установили связь с лидерами массового рабочего движения. «Общинники», в тот период создавшие Конфедерацию анархо-синдикалистов (КАС), создали информационный центр рабочего движения, который демонстративно называли КАС-КОР (по аналогии с КОС-КОР). Несмотря на эпатажный имидж анархизма, рабочие лидеры

приняли информационную поддержку левых. Представитель КАС вошел в Совет представителей Конфедерации труда, созданной шахтерами и другими отраслевыми движениями.

Это был венец «польской модели» в советской оппозиции. В дальнейшем маршруты сторонников модели КОС-КОР и рабочего движения стали расходиться. Шахтерские лидеры переориентировались на популистское демократическое движение во главе с Ельциным, которое резко критиковали молодые леваки. КАС-КОР стал сотрудничать не только с новыми профсоюзами, но и с теми профсоюзами системы ВЦСПС, которые стали реформировать свою структуру и освободиться от опеки КПСС. В дальнейшем издатели КАС-КОР вошли в редакцию газеты Московской федерации профсоюзов «Солидарность» (в 90-е гг. — орган Федерации независимых профсоюзов России).

Одновременно с реализацией «польской модели» не ослабевало внимание и к положению в Восточной Европе, от которого во многом зависел успех общей борьбы против коммунистического режима. Оппозиционеры в СССР и странах Восточной Европы исходили из тесной взаимосвязи событий по разные стороны границы СССР и по мере сил помогали друг другу. Возможности «народной дипломатии» использовала и дипломатия официальная. Г.Павловский вспоминает: «Создатель КОС-КОР Адам Михник приезжал сюда, через Гефтера встретился с Черняевым и высказал предложения по компромиссу. Они были приняты здесь в ЦК, и линия эта осуществлялась, пока после выборов не выяснилось, что за коммунистами в Польше вообще никого нет». Если бы советское руководство осознало, что положение в Восточной Европе является критическим и в любом случае придется уходить оттуда, можно было бы использовать канал «народной дипломатии» для продвижения встречных предложений по компромиссу, которые можно было закрепить в международных соглашениях до неизбежного краха Варшавского блока. Но осознания такой перспективы у Горбачева и тем более его консервативных коллег не было. Так что «народной дипломатией» воспользовалась прежде всего оппозиция в СССР.

Революции 1989 г. воспринимались советской оппозицией с большой симпатией, проводились митинги солидарности с чехословацкими студентами (впрочем — и китайскими студентами тоже). Была взята на вооружение идея «круглого стола», выдвинутая для СССР представителем КАС на гигантском митинге оппозиции в Лужниках в мае 1989 года.

Размах событий в СССР догнал и перегнал масштабы оппозиционного движения в Восточной Европе. Борьба «за нашу и вашу свободу» была выиграна в том понимании, которое вкладывали в этот лозунг борцы с коммунистическим режимом. За социальные права и свободы в эпоху глобализации нашим народам предстояло бороться порознь.

Андрей Владимирович Воробьев — заместитель директора Департамента информации и печати МИД России, кандидат исторических наук.

Александр Владиленович Шубин — руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук.

Текст войдет в сборник статей польских и российских авторов на темы, рассматриваемые Польско-российской группой по трудным вопросам. Авторы — члены этой группы.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Один комод или

Сколько ящичков в комоде

Смерти! В первом — ей в угоду

Мной написанные песни.

Во втором запрятан, верно,

Завиток волос, что срезан

С головы моей в пять лет.

В третьем — первая простынка,

Что подростком я запачкал.

Аттестат мой школьный — там же.

А в четвёртом — стопка бланков,

Всяческих постановлений —

«Именем Великой Польши».

В пятом — отзывы, статейки:

Их почитывает, чтобы

Меланхолию развеять.

Потайной ещё есть ящик,

Где реликвия святая:

Моя метрика — хранится.

Ну а нижний, самый крупный —

Ей самой открыть непросто —

Гробом будет мне по росту.

Пять предложений о волосах

1

Тоскующие волосы: величьем

Вскружённый мозг забыл об их наличие

2

Притихнут волосы, покуда космос

Пиликает на мозге сфер смычками

3

Редеющие волосы: гордятся,

Что луковицы мозгу пищей были

4

Покинутые волосы: не сыщут

Себе ни на земле, ни в небе мозга

5

Ликующие волосы: догнали,

Что крысы подчистую мозг сожрали!

Я, Кафка

Проросло моё

сердце

весь — внутри — сплошной

корень

Белотравьем

колосится мой

рот

Юлия дочка резника

бегло — школа

отца —

губами

болесть мою бороздит

Мёртвый сезон

Невовремя явился

Сезон ещё не открыли

и местные мне талдычат

нечего ждать событий

Вчера

при мне тащили в ведёрке

пана профессора таким был крошкой

Ну да, тут урезают

расходы: пищевые

гробовые

Пан профессор

Пан профессор — это ж целая эпоха

Немножко хромал:

память

о последней профессорской любовнице

по имени Анджей

Ну да, каких уж тут ждать событий

Ну да, невовремя явился

кто жив

тот спешит умереть

простаивала комната —

пошла под склад

а вскоре и вовсе

запрут на замок

Ну да — это и есть конец

Метут полы

Натирают мастикой

Песенка про поэта

Его все бьют, как малого ребёнка,

А он, ещё не знающий искусства, —

Им сдачи, стиснув стих что было силы.

Бьёт женщину — за эти подмыванья,

Угрей выдавливанья, макияжи.

Жену — за то, что женщина, колотит.

За то же самое он бьёт и мать родную —

И бьёт отца за то, что с ней живёт он.

Поэмами оплёвывает власти.

Швыряет рифмы в окна и ударной

Стопой башку зародыша во чреве

Так топчет он, что по идиотизму

Мамаша завсегда признает сына.

Поэт бывает занят и другими

Делами — перестав поэтом быть.

Как бывает

Мне явно отсекли ладони

Пишу

Палочку приложенную к правой культе

Обмакивая в бурые чернила

Головы у меня тоже нет

Нет половых признаков

Кто-то заботливый умыкнул обмывши мои ноги

А я вот

Разлѣгся в ванне

В парной крови моих зверей

Перевела Нина Ставрогина

Дамский клуб

Они ходят вокруг зеленого деревца

Вокруг елки ходят совсем нагие

А каждая держит в правой руке свечку

А каждая свечка сгорает неровно

А левою рукою царапают друг друга

Одна другую в спину царапает до крови

Потом втыкает свечку в кровавую рану

Потом бросает свечку и под деревцем приседает

Они приседают под деревцем зеленым

Рожают уродцев способом турецким

А потом словно напрочь позабыв

Где были и что творили

Одеваются и выходят

1965

Перевел Владимир Штокман

Лешек Шаруга

БУНТАРЬ

Поэзия Рафала Воячека агрессивна, образно-экспрессивна, напряженно-эмоциональна и чувственна.

Тело радо себе огонь пламени рад

Пока они делимы но искрясь ощущают связь

В дыму рождаются правила морали

На пылающих устах кристаллизуется смерть

(«Прологомены освобожденного искусства», перевод
А.Базилевского)

Всё может превратиться в поэзию. Это поэзия открытого бунта, поэзия-вызов. «У Воячека, — писал Ян Блонский, — есть... такая глубинная честность, что ею оправданы непристойность, омерзительность, дикость, ибо они — не только провокация». Что же они такое? Название книги «Которого не было», изданной после самоубийства поэта, вместе с именем автора прочитывалось как уведомление: «Рафал Воячек, которого не было». Его поэзия — вызов, брошенный миру. Неизбежная перспектива смерти становится импульсом к бунту, как в стихотворении «Конец поэзии»:

Быть концу поэзии на лестничной площадке

Большого дома пропахшего капустой и сортиром

Быть ему внезапным благословеньем финки

Под лопатку и лома в череп кратким как аминь

(Перевод С.Свяцкого)

Несомненно, можно указать на логическую связь между «Концом поэзии» и конструктивистско-авангардистскими поисками, которые доминировали в самых дерзких поэтических решениях 60-х годов XX века. Лирика Воячека сильно включена в классицистическое течение, однако это не бросается в глаза в контексте его миропонимания — бунтарского, и потому воспринимаемого как «романтическое». В сущности, эта лирика — выражение веры в силу поэтического

слова, хотя при этом в ней видна завороченность апокалиптической атмосферой. Здесь слышатся грозные аккорды, до сих пор не подхваченные продолжателями.

Воячека нередко причисляют к течению, определяемому как «новая волна» или «поколение 68-го года», — так что его лирика должна быть созвучна поискам ровесников: Станислава Баранчака, Адама Загаевского. До известной степени так и есть: его диагноз реальности схож с критическим отношением к ней, заявленным в лирике протеста того времени. Но Воячек в жестокости своего диагноза гораздо резче, что особенно заметно в его любовной лирике, драматичной, написанной «для женского голоса»: грань экстаза и насилия здесь неуловима. Именно в сфере эротики его поэзия прикасается к пределам восприятия, как в стихотворении «Какою бы я Тебе написаться хотела»:

Нагая как слово «люблю», оброненное в давке
Избитых словечек, прозрачная как римский синтаксис
Верная как Твой испуг, Твоя как верная мать
Истинная как заповедь страха божия
Одинокaя как латинская ода Мицкевича
Чистая как водка пусть из немытой склянки

(Перевод С. Свяцкого)

Речь тут, разумеется, об «Оде к молодости» Мицкевича, написанном в классической форме манифесте романтического бунта. Это больше чем провокация — это тайный вызов, брошенный жизни и поэзии, вызов, который всё еще ждет прочтения.

СУП ИЗ РАКОШИ

От переводчика: Книгу Кшиштофа Варги я впервые прочитала в рамках своих обязанностей в жюри центральноевропейской литературной премии «Ангелус». Книга произвела на меня сильное впечатление и, как оказалось, не только на меня: она уверенно прошла и в «промежуточный список» (14 книг), и в шорт-лист («семерку»). Варга, несомненно, был бы одним из самых серьезных претендентов на премию, если бы... если бы не было книги Йозефа Шкворецкого (см. «Культурную хронику» в №1 за нынешний год).

Автор родился в Варшаве, в венгерской семье, и с Венгрией тесно связан. Его книга — своеобразный репортаж о сегодняшней Венгрии со множеством лирических, чаще исторических или даже кулинарных, отступлений. Может она служить и путеводителем по стране и ее истории, по национальному характеру и национальной кухне. С национальным характером Кшиштоф Варга обращается, мягко говоря, не бережно — так иронически обычно пишут поляки о поляках. А наш поляко-венгр — о венграх. Что же до кухни, то кроме вполне деловитых рассказов о том, что, где и как готовят и подают и как надо это делать, она послужила Варге еще и как композиционный прием. Под общим заглавием «Гуляш из туруля» идут главы, заголовками которым служат вымышленные и явно несъедобные блюда (типа «Салами из святого Стефана»). Одну из них я и предлагаю читателям «Новой Польши».

А что такое заглавный «туруль»? О, это такой специфический венгерский орел, скорее орлик, в виде скульптур и иных изображений, фигурирующий в Венгрии, если верить автору, чуть ли не на каждом шагу.

Венгерскую кухню повсеместно считают острой, резкой, жгучей. Каждый, кто наслаждался паприкашем, блинчиками «Хортобадь» или фасолевым супом «Йокай», знает, что это неправда: тут повсюду царит добавленная к блюду сметана, смягчающая любую остроту. Венгерская кухня — это еще и сладкие десерты, творожные кнедлики, орехово-шоколадные блинчики «Гундель», пюре из каштанов, бисквиты со взбитыми сливками. На самом деле венгры больше острого, жгучего любят сладкое. А больше всего — сладкий вкус поражения.

В будапештском Военном музее, среди гусарских мундиров и знамен 1848 года, находится зал, полностью посвященный

затоплению венгерского броненосца «Святой Стефан» итальянскими торпедными катерами. Гордость австро-венгерского флота (адмиралом которого был не кто иной, как Хорти) пошла на дно с легкостью «Титаника». Величайшее военно-морское событие в истории страны, которой морем служит Балатон, — одновременно и величайшее военно-морское поражение. И ничего удивительного, что оно заслужило отдельного зала. Я, разумеется, знаю, что до первой мировой войны мадьярская монархия одной ногой упиралась в Адриатику, окуная большой палец в Риекский залив, но на старых картах и их современных репринтах, выпускаемых для ободрения удрученных венгерских сердец, те края так и называются: «Horvat-Slavonország», «Хорватия-Славония».

Недалеко от Могача находится мавзолей, посвященный поражению, — он выстроен на месте братских могил, где погребены пятнадцать тысяч polegших в битве. Хотя поражение венгры потерпели в 1526 году, однако оно излучает свою влекущую силу по сей день. Правда, результатом этого проигрыша был распад венгерского королевства и зависимость, с одной стороны, от Турции, а с другой — от Габсбургов, от которой Венгрия на самом деле освободилась только после первой мировой войны и краха габсбургской монархии. И только для того, чтобы попасть в зависимость от результатов Трианонского договора, потом в зависимость от Германии, а после 1945 года — от СССР. А теперь, когда зависимость от Брюсселя и глобального рынка выглядит оккупацией только в глазах сумасшедших, остается зависимость от истории и памяти.

Памятуя о поражении под Могачем, венгры не помнят о его причинах: венгерские политические верхи XVI века не могли прийти к согласию по вопросу финансирования армии перед лицом надвигающейся турецкой мощи, а ведущей их целью было ослабление королевской власти. Папский легат в Венгрии писал тогда в Ватикан: «Если бы за три форинта можно было спасти страну, не нашлось бы и трех человек, готовых принести такую жертву». Могач был поражением по собственному желанию: «Пожалуйста, подайте одно поражение».

Могачская травма — это до сих пор, наряду с Трианоном, самый большой и самый болезненный нарост на памяти. Список венгерских побед короток, а значит, его легче забыть. Как может благородно страдать страна, которой случалось выигрывать? Но кто запретит плакаться над собою стране, которая всегда проигрывала? Память о том, что проигрывали всегда, помогает забыть, что не всегда Венгрия была жертвой —

случалось ей бывать и палачом. Списание венгерских поражений смягчается перечень венгерских преступлений.

В длинном, патетическом кинофильме «Человек-мост» режиссера Гезы Беременьи, рассказывающем об Иштване Сеченьи, крупнейшем венгерском реформаторе XIX века, появляются эпизоды венгерского восстания 1848 года, но показаны они необычайно сжато, если говорить о военных сценах. Они, собственно, ограничиваются переходом закованных в кандалы венгерских пленников через Цепной мост в Будапеште. Мост, постройка которого была идеей-фикс Сеченьи и который он выстроил, чтобы венгры могли перейти по нему из свободы в неволю. Пленные идут, опустив голову, потерпевшие поражение, униженные, наказанные. Вторая такого рода сцена — расстрел премьер-министра Лайоша Баттяня австрийцами. Баттянь, в честь которого ныне названа площадь, где вторая линия будапештского метро пересекается с пригородной электричкой, стоит на коленях перед расстрельной командой в позе, известной из иконографии, с вытянутой правой рукой, восклицая: «Да здравствует отечество!» Фильм Беременьи — постановочный, крупнобюджетный, импонирующий прямо голливудским размахом, однако не настолько, чтобы позволить себе дорогие батальные сцены. Вероятно, если бы таковые были поставлены, венгерские гусары валились бы, как колосья, а австрийские фельдфебели сбрасывали бы в кучу мадьярские знамена. Режиссер скорее выбрал бы капитуляцию армии генерала Артура Гёргея под Вилагошем, нежели трансильванские победы генерала Бема.

«Человек-мост» начинается сценой, показывающей, как в австрийский сумасшедший дом в Дёблинге привозят Сеченьи, бормочущего: «Я антихрист, я убийца Венгрии, я Ариман, я апокалиптический Зверь». Хотя в истории войн и революций все хотели быть христами-спасителями (таким был Кошут), хорошо, что в давке христов обнаруживается какой-то антихрист, потому что он обычно и есть голос рассудка. Венграм и полякам в ключевые моменты истории не хватало антихристов, чтобы их спасти. Рассудок Сеченьи довел его до сумасшествия и в конце концов — до самоубийства.

Генералу Гёргею, персонификации поражения (хотя следует все-таки признать, что и за ним числилось несколько побед), поставлен огромный конный памятник на стенах замка, с которых он с каменной думой на челе глядит на холмы Буды. Он стоит с противоположной стороны замка, спиной к турулю, уставившему свой орлиный взор в доходные дома Пешта.

Туруль — мифологический символ победы, Гёргей — подлинный символ поражения. Они стоят спиной друг к другу, смотрят в противоположные стороны, их взгляды никогда не встретятся.

Великие памятники победам остались от коммунизма и по обеим этим причинам были помещены в Соборпарк, Парк статуй, — заповедник в предместье Будапешта. Памятники победам — это монументы, возводимые победителями, а значит, не венграми. Единственный великий памятник победе, господствующая над городом с горы Геллерта статуя Свободы, — сувенир советского господства, воздвигнутый на цитадели, построенной победоносными австрийцами. Первоначально там должны были поставить памятник сыну Хорти, летчику, погибшему в 1943 году на Восточном фронте. Поставить не успели, так как тем временем Восточный фронт сам сюда пришел и поставил свой собственный памятник. Венгерский памятник должен был стать памятником памяти и поражения. Только по исторической случайности он стал символом победы. Чужой, впрочем.

Парк статуй лежит в Будапеште, на боковом шоссе №7, ведущем к Балатону. Он появляется внезапно с правой стороны, прямо за поворотом, его легко не заметить и миновать. Он стыдливо спрятан, хотя и должен был стать аттракционом для туристов.

Здесь собрали самые знаменитые коммунистические монументы со всего Будапешта, справедливо спасая их от гибели под огнем сварочной горелки или ударами молота. Парк создали в 1992–1993 годах, чтобы он стал кладбищем рухнувшей системы, мавзолеем-предостережением. Это музей патетической соцреалистической скульптуры, кое-где приправленной соцавангардом. И вот бежит на месте знаменитый рабочий со знаменем с памятника Венгерской Советской Республике, воздвигнутого в 1969 году, в 50-ю годовщину коммунистической революции, на площади Парадов (ныне площадь 1956 года, где в свою очередь поставили памятник венгерскому Октябрю: тесно прилегающие друг к другу железные, уже ржавеющие — я думаю, так запланировано — столбы).

Есть в Парке статуй советские солдаты и рабочие, есть барельеф, увековечивший коммунистические жертвы революции 56-го, т.е. убитых и линчеванных гэбэшников. И есть, наконец, памятник Беле Куну, мой любимый монумент в парке. Это произведение Имре Варги, крупнейшего современного венгерского скульптора, было поставлено в 1986

году в парке Вермежё в 1-м районе Будапешта. Вот Бела Кун ведет своих героев из хромированной стали к лучшему будущему: солдат, моряков, рабочих, пожилого господина и даму с зонтиком, средневекового рыцаря, даже какое-то странное существо с человеческой фигурой, но физиономией обезьяны. Фигуры плоские и тонкие, в них вовсе нет революционной мощи, как будто их вырезали не из хромированной стали, а из золотца от шоколада. Памятник выглядит так, словно при малейшем ветре повалится. В нем нет тяжести классических соцреалистических колод, изображающих красноармейцев или Ленина — того, что приветствует гостей у входа в парк. И действительно, ветер истории быстро прогнал веселую компанию Белы Куна из Вермежё в Буде, всего они там простояли четыре года. В свою очередь место, которое называется Вермежё — Кровавое поле, идеально подходит для памятников революционерам.

Карьера этого монумента столь же коротка, как история Венгерской Советской Республики, прожившей 133 дня. Но это были 133 дня, которые потрясли Венгрию и стали мифом, положенным в фундамент послевоенной Венгерской Народной Республики. На этот миф ссылались в высшей степени охотно — и неудивительно: это же была единственная (кроме России) удавшаяся коммунистическая революция. Правда, удавшаяся ненадолго, но всё-таки. А ее окончательное поражение было в венгерской истории поражением исключительным, ибо поражение было не национальным, а политическим — поражением революционного проекта, по сути антинационального. Его, впрочем, сразу заменили проектом националистическим, затем полуфашистским, а на несколько месяцев — и откровенно фашистским.

Венгерскую Советскую Республику провозгласили 21 марта 1919 года. Я родился 21 марта 1968 го. Может, поэтому я испытываю некоторые сантименты к этой дате. Ох, если б мне родиться на год позже, в 50-ю годовщину революции... Но и так хорошо. День рождения всегда уже будет у меня больше ассоциироваться с коммунистической революцией, чем с первым днем весны и Днем прогульщика, когда школьники, вдохновленные традицией, переодеваются в дурацкие костюмы и убегают с уроков.

Ровно сорок лет спустя после провозглашения Венгерской Советской Республики, 21 марта 1959 года, был приведен в исполнение приговор к смертной казни через повешенье Петеру Маншфельду. Маншфельд был будапештским подростком, учеником на заводе; вместе с несколькими

товарищами он уже после подавления восстания 56-го года создал что-то вроде крохотной подпольной организации. Еще пятнадцатилетним Маншфельд был связным во время боев на площади Сена, в отряде легенды тех дней — дядюшки Сабо, который после подавления повстанческих действий был приговорен к смертной казни. Другие товарищи Маншфельда по оружию сидели в тюрьме, и Маншфельд планировал их освобождение. Достижения этой несчастной герильи — кража автомобиля и разоружение милиционера, охранявшего австрийское посольство. Разумеется, заговорщики с необычайной легкостью попали в руки соответствующих органов и стали героями показательного процесса, известного как процесс Бильского, по имени Йожефа Бильского, второго наряду с Маншфельдом предводителя заговора и единственного совершеннолетнего во всей этой компании. С исполнением приговора Маншфельду терпеливо дожидались, пока ему исполнится восемнадцать лет, и тогда его повесили.

Фотография Маншфельда висит сегодня на стене Дома Террора, на проспекте Андрашши, 60, рядом со снимками других жертв коммунизма. Сам Маншфельд теперь окружен своеобразным культом — венгерский Гаврош. К пятидесятилетию революции был поставлен фильм «Маншфельд», реконструирующий историю этого крестового похода детей. Извращенным контекстом картины стало то, что роли гэбэшников, занимающихся делом Маншфельда, играют исполнители ролей Лайоша Кошута (Эрвин Надь) и Иштвана Сеченьи (Карой Эперьес) из снятого за несколько лет до того «Человека-моста». И как идиотски они повторяют свои жесты из «Человека-моста»: поручик Феньё спокоен и владеет собой, как Кошут, а подполковник Бараньёш переполнен безумием и яростью Сеченьи. Их разговоры о деле Маншфельда — карликовый вариант споров Кошута и Сеченьи о революции.

21 марта 1959 года Маншфельда, как жертвенное животное, возложили на алтарь годовщины большевистской революции Бела Куна, которого советские товарищи, как это было в их нравах, отдали под суд, приговорили к высшей мере и расстреляли. Это было в 1939 году, через 20 лет после того, как Кун создал свой малый придунайский Советский Союз. Может быть, как раз поэтому Бела Кун всегда ассоциировался у меня с Бруно Ясенским, хотя первый не был поэтом, а второй — солдатом. Даже если история действительно любит повторяться, то куда больше она любит издеваться над своими жертвами, развлекаясь датами и символами.

Развлекается она и местами. Таким, как вышеупомянутый Дом Террора — некогда адрес, будивший ужас, а сегодня — мультимедийный музей фашистских и коммунистических репрессий. В могучем здании на Андрашши, самом представительном будапештском проспекте, ведущем к площади Хёшёк (пл. Героев), во время войны мучили своих жертв салашисты, а после войны — гэбэшники. Ни методы, ни место не изменились, изменились только декорации, эмблемы и реквизит — чего проще заменить скрещенные стрелы красными звездами? Методов не меняют, раз они себя оправдали.

Когда уже пройдешь выставочные залы, послушаешь голоса Ракоши и Салаши, посмотришь отчет о процессе Имре Надя, зайдешь в карцеры и камеру смертников в подвале, выслушаешь рассказы свидетелей об исполнении смертных приговоров — наконец можно сделать сувенирные покупки в музейной лавочке: футболку с надписью «Terror Haza», металлическую кружку гулаговского зэка и красную свечку в форме головы Ленина. Кровавая история бывает доброй почвой для неплохого бизнеса.

Имре Варга — скульптор всесторонний: он отлил революционеров Белы Куна, а в Шёфоке стоит его памятник солдатам из армии гонведов. Три хромированных фигуры напоминают действующих лиц оперетты, а может, скорее гостиничных боев или даже пиратов, потому что у каждого из них одна нога заменена стальным прутком, напоминающим деревянный протез, такой, на каком обязан ходить главарь пиратской банды в романах и кинокартинах для юношества. Вот так в публичном пространстве и в памяти наступает обмен актуальных в данный момент героев: Белу Куна прячут в шкаф с трупами, а из другого шкафа вытаскивают несчастных гонведов из 2-й армии.

Если бы мне пришлось выбирать между памятником Беле Куну и памятником 2-й армии, я выбрал бы третью работу Варги — «Девушки под дождем» из Обуды. Четыре печальных молодых женщины, отлитые из бронзы, держат над головами зонтики. Они не идут делать революцию, не возвращаются с войны, просто идет дождь, а их охватывает меланхолия или, может, даже депрессия. Они мне кажутся более венгерскими, чем блестящие борцы монумента Белы Куна или опереточные инвалиды памятника 2-й армии.

Варга спроектировал и один нефигуративный памятник: на задах синагоги на улице Догнаньи стоит развесистая металлическая плакучая ива — памятник венгерским жертвам

Катастрофы. На листьях выбиты имена убитых и даты их смерти; когда налетает ветер, дерево шумит металлическим звоном. Это, пожалуй, лучший мартирологический памятник, какой я видел в своей жизни: никаких патетических жестов, гримас, никаких человеческих фигур, только их судьба, выгравированная на металлических листьях, и ветер истории, который ими потрясает.

Парк статуй — это площадь Героев наизнанку, площадь изгнанных героев. А иногда даже их останков: перед воротами в парк стоят огромные ноги Сталина, собственно их фрагмент — ступни и часть лодыжек. В 1956 году, когда повстанцы свергали памятник Джугашвили на площади Фельвонулашь, они обрезали его ниже колен — остались гротескные ступни с обрубками ног, они-то и производят самое сильное впечатление во всём парке. Они тревожат, ибо, как в фильмах ужасов или других кошмарах научной фантастики, из этих ног что-то может приняться вырастать: сначала выдвинутся колени, из которых пробьются мощные бедра, а из них — сильный ствол туловища, грудная клетка и спина, откуда в свою очередь вылезет ветка шеи, а из нее — голова чудовища, которое снова запыхнет огнем и дунет отравленным воздухом. За ногами Сталина следует неустанно наблюдать, не начинают ли они как-то странно удлиняться, а если в один прекрасный день окажется, что они продвинулись хотя бы на несколько сантиметров выше, — бить тревогу.

Миклош Янчо, кинорежиссер, знаменитый в Венгрии не меньше Иштвана Сабо, десять с лишним лет назад снял документальный фильм «Площадь Героев — субъективная историческая повесть». Это, собственно говоря, не классический документальный фильм, а собрание соответствующим образом смонтированных старых кинохроник, не дополненных авторским комментарием. Всё основано на мнимо поразительных сопоставлениях, показывающих площадь Героев как активного свидетеля венгерских событий XX века. Кого только там не было, кто только не возлагал там цветы, кто только не молился, кто не произносил речи и не шел в шеренгах! Янчо отказался в своей картине от хронологии, смешал даты и эпохи, но всё смонтировал в один поток, так что друг друга сменяют, не заботясь об очередности судьбы, адмирал Хорти (на белом коне и на своих двоих) и товарищ Матьяш Ракоши, правивший Венгрией примерно в те же времена, что Болеслав Берут в Польше, и сам себя называвший «лучшим учеником Сталина». Сменяют друг друга Адольф Гитлер с мальчишками из «Гитлерюгенда» и Брежнев с Горбачевым, Папа Пий XII и Иоанн

Павел II, Янош Кадар и Йожеф Анталл, проходят парадом гонимые в стальных касках и «новые демократические милиционеры», а потом те же гонимые идут в советский плен, потому что на площади Героев уже играют не армейские оркестры, а батареи красноармейских орудий; генералы, которые недавно блистали орденами на парадных мундирах, теперь в полевых шинелях прикладывают ладони к мятым фуражкам и с умильной улыбкой кланяются торжествующим большевикам.

Всё здесь мешается — военное время и мирное время, время триумфов и моменты поражений; история разыгрывает свое безжалостное представление, комедия дель-арте превращается в бруталистический театр. Бегут в соревновании кельнеров мужчины в белых сюртуках, едут велосипедисты, маршируют перед почетной трибуной представители электросектора, спортсмены «Вашаша» (нет ли где-то среди них моего отца, тогда носившего цвета этого заслуженного клуба?) и крестьяне; танцуют члены народных ансамблей; представители телефонного завода и киностудии оказывают массовую поддержку товарищу Ракоши, когда тот критикует Партию мелких землевладельцев за реакционность. Еще стоят на трибунах и приветствуют трудовой народ Ласло Райк и Имре Надь, еще их не осудили и не приговорили, еще они, наверное, не знают, что уже немножко мертвы, немножко повешены. Пока они восхищаются марширующими толпами, хотя на лице Надя никогда, ни в одном кадре фильма, не видать улыбки. Зато не устают улыбаться Матьяш Ракоши, с его бульдожьего лица не сходит лицемерная гримаса. Коренастый, бочкообразный Ракоши берет детей на руки (как каждый генсек, он педофильски любит щупать и целовать маленьких детей), возносит сжатый кулак на манер испанских республиканцев и приветствует народ, а народ радуется, ибо вряд ли понимает, что на самом-то деле любимый вождь этим кулаком ему угрожает. «Лучший ученик Сталина» приветствует также артистов, демонстрирующих ему свое мастерство: клоунов, жонглеров, акробатов в одежде Тарзана, печатников и журналистов, целый человеческий паноптикум, выступающий в честь Зверя. Карусель истории крутится на площади Героев. Замыкающие ее с обеих сторон здания Музея изобразительных искусств и Выставочного зала посещают гитлеровские чины и советские генералы. В первый момент трудно различить — что, в общем, не удивительно, — что мы созерцаем: выставку соцреалистической или нацистской скульптуры: в обоих случаях одна и та же неоклассицистически-гомосексуальная эстетика. Одна и та же мечта о сильном, прекрасно сложенном мужчине, который

только что снял отличное скроенный мундир эсэсовца или сбросил замасленный комбинезон тракториста. Только звезды или свастики на макетах зданий подсказывают, что выставлено: архитектурные проекты Альберта Шпеера или какого-нибудь советского академика.

На площади Героев происходили партайтаги, демонстрации поддержки и святые мессы, все до невозможности похожие друг на друга; менялись только начальники на трибунах и лозунги на транспарантах, а народ оставался тот же самый. На гастроли прибывали всё новые кумиры, возлагая цветы всё на том же месте. Цветы, однако, быстро увядают, и не остается ни следа от их визитов — Эрнесто Че Гевара в плаще и самом всемирно знаменитом берете, тоскливо шлепая за солдатами, несущими венки, не обязан был знать, что повторяет путь и жесты Миклоша Хорти и Адольфа Гитлера. А после него на том же самом месте, уже на цветной пленке, появится Маргарет Тэтчер с принцем Чарльзом, который совершенно явно не знает, что с собой делать, и беспомощно топчется на месте. Поднаторевшие в таких боях ветераны дипломатического корпуса показывают ему, куда подвинуться и когда подойти к могиле неизвестного солдата, и он подходит и несколько мгновений беспомощно мнет в руках ветки венка.

Появляется и генерал Ярузельский, как обычно невозмутимый, в уже знаменитых, как берет Че Гевары, темных очках. Только не знаю, почему после кадров с Ярузельским известный венгерский бард Тамаш Чех поет «Русский брат, возвращайся домой». Может, в этом содержится предложение генералу вернуться в Сибирь, где он когда-то пожил и за что даже получил много лет спустя от правого президента (по блистательной ошибке) орден Сибиряка?

Ох, разумеется, я натягиваю факты; после песни Чеха идут кадры ухода советских войск из Венгрии. Вот пограничный мост, советский командир с чувством прощается с венгерскими офицерами, объятия, поцелуи, руками машут уже с противоположных сторон границы, как будто расстаются страстные возлюбленные, не чающие, как дождаться новой встречи. А всё потому, что Виктор Орбан на площади Героев в ходе символических похорон Имре Надя сказал, чтобы русские уходили из Венгрии. И русские ушли. И отнюдь не вернулись, как сделали это в 1956 году, не раскатали будапештские улицы гусеницами танков.

Но по крайней мере, когда маршировали русские, в этом был какой-то ужас, когда маршировал Вермахт, это был марш мощи, потому что это были настоящие армии Гога и Магога, а

когда в фильме Янчо маршируют «сильные, сплоченные, готовые» гонимые, едет конная жандармерия с петушиными перьями на шляпах, когда крутят педали подразделения велосипедистов, стучат колеса тачанок с пулеметами — это марш слабости и беспомощности, переодетый в костюмы мнимой силы.

Я был на одной массовке на площади Героев, хотя ее нет в фильме Янчо, потому что она состоялась уже после его съемок, и не было на ней ни одного славного вождя, самое большее — Иштван Чурка, но это так, как если бы на стадионе Уэмбли играла сегодня команда «Вашаша» — полная несовместимость лица и места. Шел 2002 год, и венгерские экс-коммунисты только что победили на парламентских выборах. Площадь Героев кипела бессилием тысяч болельщиков крайне правых, убежденных, что результаты выборов фальсифицированы; реяли красно-бело-зеленые флаги с вырезанной посередине дырой и зелено-белые флаги «Ференцвароша», хлопали ремни Арпадов — шел как будто показ национальной моды, так как помимо банальных скинхедовских одежек, были там черные и темно-синие гусарские ментики, австро-венгерские полевые мундиры, старички, увешанные медалями, словно манекены из Военного музея на Замковом холме вышли на прогулку по городу. Было возвышенно и спокойно, так как полиция тогда еще не разгоняла антиправительственные демонстрации, стреляя вслепую петардами и пуская слезоточивые газы, фанаты и скины не жгли автомобилей, прохожие не получали резиновых пуль. Всему этому предстояло наступить лишь через четыре года, когда показы националистической моды превратились в настоящие баталии, о которых с изумлением сообщали западные агентства печати. А тогда это был еще фольклор, такой специфический «*tanchaz*», Дом танца, где культивируются традиции народных танцев в региональных костюмах.

Перевод Натальи Горбаневской

Перевод Натальи Горбаневской

НЕИЗВЕСТНЫЙ ТЕКСТ ЕЖИ ГЕДРОЙЦА?

Эти пять машинописных страничек принес мне Яцек Кравчик в ноябре прошлого года, в последний месяц его работы архивариусом «Института литерацкого». «Это твоя рука?» — спросил Яцек, показывая на правку в машинописи. «Да-а-а...» — удивленно протянула я. Ни текста, ни его истории я совсем не помнила, но правки свои узнала. Перевод был явно не мой, хотя могла бы править и свой перевод, — но я не так печатала: у меня всегда были примерно равные поля, а здесь левое поле было большое, а справа строчки упирались впритык, так что не всегда пропечатывались переносы и некоторые буквы. Но переводил явно человек с родным русским языком, а не кто-то из редакции «Культуры», — не исключено, что это был Михаил Яковлевич Геллер или его жена Женья.

Обсудив, мы с Яцеком примерно восстановили историю этого текста. Он, по-видимому, предназначался для третьего русского выпуска «Культуры», над которым я как редактор переводов работала в 1981 г., хотя сам «комментарий к комментарию» относится к материалам более раннего времени, напечатанным в «Континенте» в 1975 году. Текст, как в нем это и сказано, «дружески-критический» — таково было отношение Гедройца к «Континенту» в первые годы его существования, иногда даже переходившее в конфликты (см. наш с Татьяной Максимовой доклад на Гедройцевской конференции в Москве — «Новая Польша», 2006, №12), впрочем, так или иначе разряжавшиеся. Позже такое отношение сменилось (с обеих сторон) полным доверием и взаимопониманием. Этим, кстати, возможно, объясняется и тот факт, что «комментарий к комментарию» (точнее к двум комментариям) так и не появился в третьем русском выпуске. Он выходил уже в начале 1982 г., сразу вслед за объявлением военного положения в Польше, и в последнюю минуту в качестве заключительного материала был поставлен отклик Владимира Максимова на это драматическое событие — его континентская колонка редактора «Броня крепка, и танки наши быстры...»

Предполагая, что текст написан самим Гедройцем, мы с Яцеком Кравчиком заведомо не ошиблись. Редактор «Культуры» обычно сам писал все принципиальные тексты, идущие от имени редакции (замечу, что и редакционные комментарии «Континента», о которых здесь идет речь, заведомо писал Владимир Максимов).

Возможно, он согласовывал какие-то детали с Густавом Герлингом-Грудзинским, но в том, что текст в целом принадлежит Гедройцу, можно не сомневаться.

КОММЕНТАРИЙ К КОММЕНТАРИЮ «КОНТИНЕНТА»

В №№ 4 и 5 «Континента» две статьи особенно для нас важны: «Российский „польский комплекс” и территория УЛБ» Юлиуша Меровского и «Хроника украинского сопротивления» Ивана Кошелівца. К обеим статьям редакция русского журнала дала краткие комментарии. Комментарии эти дают случай для выяснения некоторых недоразумений и уточнения отдельных пунктов в нашем диалоге с русскими друзьями.

В комментарии к статье Меровского редакция «Континента» рекомендует пишущим о «современной форме т.н. русского империализма» заменять слово «русский» словом «советский»; «принципиальным изъяном» редакция считает смешение «русского империализма панславистского характера прошлого столетия» и «тоталитарного советского империализма»; она напоминает, что война 1920 года была «первым походом не русского, а советского империализма», ибо «многонациональными войсками» командовали в большинстве не русские, а инородцы.

Возникает странная ситуация. «Ленин в Цюрихе» Солженицына — это прежде всего картина заговорщической деятельности инородцев, замысливших гибель Российской империи; проходит несколько лет, и те же самым инородцы во главе с Лениным вступают на старую тропу экспансии империи, которую они некогда поклялись уничтожить. Если помнить об этом, то спор: «русский империализм» или «советский империализм» — становится спором о словах, а не по существу

А суть заключается в том, что сохранившаяся в главном имперская структура государства бывших царских самодержцев передала государству новых большевистских самодержцев импульс имперской экспансии, независимо от того, стоят во главе этого государства инородцы или русские. Несмотря на все различия между «русским империализмом панславистского характера прошлого века» и современным «тотальным советским империализмом», корень остался без изменений. Для поляков из областей, входивших некогда в Российскую империю, защищавших в 1920 г. независимость страны, которой угрожали захватчики, явившиеся с Востока, было безразлично, что «многонациональными войсками» из бывшей империи командовали наряду с русским Тухачевским

инородцы Сталин, Якир и Гай, а за их спиной рядом с русским Лениным стояли инородцы Троцкий и Дзержинский. Даже, лучше сказать, не безразлично, а зловеще: для них новый поход сопровождала старая тень. Об этой тени знает кое-что нынешний советский посол в Варшаве, ибо значительную часть своего времени он посвящает «братскому» надзору над историками, занимающимися эпохой от разделов Польши до наших дней.

Об этой тени не должны никогда забывать и наши русские друзья. Эмигранты не в состоянии предвидеть будущее, у них нет ни права принимать решения от имени своих народов, ни мандата на установление границ. Зато у них есть привилегия двойного характера: они могут смело, не страшась ничего, извлечь урок из прошлого, и они могут наметить пути, по которым, быть может, пойдут будущие поколения. Этой привилегией воспользовалась «Культура», ясно поставив вопрос о принадлежности Львова и Вильнюса в интересах будущих польско-украинских и польско-литовских отношений. От наших русских друзей мы ждем такой же смелости мышления в интересах самого русского народа.

Заявление «Мера ответственности» [к годовщине 17 сентября 1939, «Континент» №5. — НГ] было фактом исторического значения, если речь идет о нормализации польско-русских отношений. Сегодня нет русского, который подвергал бы сомнению принцип независимости Польши, поэтому наши совместные усилия должны быть направлены на борьбу за национальную самостоятельность Украины, Литвы, Белоруссии и других народов, входящих в состав Советского Союза. В комментарии редакции «Континента» к статье Мерошевского сделан первый шаг: говорится о «священном праве на самоопределение каждого из народов» Украины, Литвы и Белоруссии. Теперь важно повторять это неустанно, во весь голос, без оговорок, вызывающих необоснованную и вредную недоверчивость по отношению к несомненно доброй воле русских редакторов «Континента».

Публикация в «Континенте» статьи Кошеливеца «Хроника украинского сопротивления» — само по себе событие значительное, которое мы радостно приветствуем. Но редакционный комментарий побуждает нас сделать в дружески-критическом духе несколько замечаний. В комментарии редакции журнала читаем:

«На наш взгляд, в это трагическое время, когда все, весь мир оказался перед смертельной угрозой нашествия

тоталитаризма, необходимо избрать совсем иную тональность разговора.

Пора же в самом деле наконец понять, что все наши многовековые распри, которые мы продолжаем и на чужбине, могут служить, да и служат, лишь тем, кто готовится сейчас окончательно раздавить цивилизацию (...)

Сейчас, как, может быть, никогда раньше, необходимо единство. Так будем же искать путей к нему. Поиски эти, наверное, будут мучительными и долгими, но другой альтернативы, к сожалению, у нас нет.

Время идет, и уже завтра может оказаться поздно. Протянем же друг другу руку, и мы уверены, что тогда поиски наших новых межнациональных отношений закончатся успешно и бесспорно».

Легко согласиться с призывом к единству в нынешней трагической обстановке. Труднее понять недооценку редакцией «Континента» одного важного обстоятельства, требующего иной тональности разговора именно с русской стороны. И мы также «против продолжения на чужбине многовековых распрей», но мы полагаем, что им можно положить конец, лишь формулируя свою позицию очень точно и ясно. Благородно протянутая рука и призыв забыть распри перед лицом смертельной угрозы и во имя будущего, которое каким-то образом «закончится успешно», недостаточны для покоренных народов, по природе своей недоверчивых, ибо многожды обманутых (украинцы помнят, что даже сталинская конституция — не говоря уже о Ленине — гарантировала народам СССР право на самоопределение и независимость; они знают, что благородный принцип самоопределения гордо начертала на своем бумажном знамени ООН...). Повторим еще раз: эмигранты лишены всего, у них остался только голос; чтобы его слышали те, к кому он обращен, голос этот должен быть ясным и решительным, без колебаний и осторожных пауз.

Время идет, время торопит, завтра может оказаться поздно. Как спешит время, пусть свидетельствует знаменательная эволюция украинского Сопротивления за последние несколько лет. В 1970 г. нелегальный киевский «Украинский вестник» («Український вісник») деликатно упрекал «Хронику текущих событий» в «узурпации наднациональной и всесоюзной позиции». И добавлял: «Создается впечатление, что члены русских оппозиционных групп стремятся, правда, к радикальным изменениям во многих областях общественной жизни, что же касается национального вопроса, то они

стремятся в той или иной форме к сохранению „статус кво”. «Вестник» перестал выходить в 1972 году. Об этом периоде Кошеливец пишет в «Континенте», что это было издание «целиком легальное и конституционное». После двухлетнего перерыва, в начале 1974 г., «Вестник» возродился. Кошеливец пишет: «В новом издании „Українського висника” о конституционности уже нет и речи. Его редакторы считают власть на Украине оккупационной и отказываются от ленинской и брежневской национальной политики, добиваясь полной независимости Украины». Кошеливец видит в этом изменении необратимый процесс. Можно ли противопоставить им благородные, несомненно побуждаемые доброй волей, но слишком общие слова о необходимости прекратить «многовековые распри»?

* * *

Раз уж мы говорим об этих проблемах, добавим на полях несколько слов по адресу некоторых украинских эмигрантских публицистов. Видимо, не очень внимательно читают они «Культуру» и с особым невниманием прочитали статью Меровского о УЛБ. Почуяли они в статье пропаганду поляками федерации, какого-то «Междуморья», обвиняют нас в стремлении защищать только польские интересы, прикрываясь «общностью целей». Выше мы упоминали о комплексе подозрительности, которым страдают покоренные и многократно обманутые народы, так что оснований для возмущения у нас нет. Мы хотели бы только ясно заявить: выдвигая проект УЛБ, мы никогда не связывали это с формулами федерации или конфедерации; сегодня, учитывая недоверие и обиды близкого прошлого, это было бы просто глупостью; мы провозглашаем лишь необходимость нормализации взаимных отношений, уважение к общей истории (изучаемой честно, без предрассудков и тенденциозности) и общую борьбу с советским империализмом. Это — всё. Всё остальное, если преодолено будет недоверие, явится скромным плодом нашего совместного труда.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

• Пожалуй, мы никогда точно не узнаем, в какой именно день появился на свет Фредерик Шопен — 22 февраля или 1 марта. 22 февраля 1810 г. он был записан в приходской книге костела в Брохове. Но и его мать, и сам он, уже взрослым, говорили, что он родился несколько позже, 1 марта. Вальдемар Домбровский, распорядитель Шопеновского года, пошутил, что такой гений имеет право на две даты рождения. Остается этому радоваться, потому что прекрасные концерты в связи с 200 летием композитора займут больше времени.

Торжественное открытие Шопеновского года прошло 21 февраля в варшавской церкви св. Креста. Здесь находится урна с сердцем Фредерика Шопена, которое по его воле было привезено из Франции в Польшу старшей сестрой Людвикой. На мессе, которую отслужил примас Польши архиепископ Генрик Мушинский, присутствовали президент Лех Качинский с супругой, премьер-министр Дональд Туск, маршалы Сейма и Сената. Сразу же после службы состоялся гала-концерт с участием оркестра «Simfonia Varsovia» (дирижер Войцех Родек) и французского пианиста Марка Лафоре.

В течение восьми дней в юбилейных концертах в Национальной филармонии, Королевском замке и Национальной опере выступило 14 пианистов, принадлежащих к мировой музыкальной элите. Среди них три польских: Петр Андршевский, Рафал Блехач и Януш Олейничак — и два русских: Евгений Кисин и Николай Демиденко. Демиденко несколькими неделями раньше в Каннах получил премию MIDEM «Classical Award» за лучшую шопеновскую запись 2009 года.

• А 16 февраля впервые в Варшаве играл Лондонский симфонический оркестр. Знаменитый британский коллектив выступил в Национальной филармонии. За пультом был Валерий Гергиев — с 2007 г. главный дирижер оркестра. Харизматичный российский музыкант в нынешнем году уже второй раз в Варшаве. В январе он руководил возобновлением «Евгения Онегина» в Большом Театре — Национальной опере.

Солистом в концерте на сцене филармонии выступил пианист Эммануэль Акс. Был исполнен Фортепьянный концерт фа-минор соч.21 Фредерика Шопена. Прозвучали также «Музыка

для струнных, ударных и челесты» Белы Бартока и сюита «Петрушка» Игоря Стравинского.

- Серия интересных театральных постановок. В краковском Театре имени Юлиуша Словацкого Мацей Войтышко, один из самых интересных современных драматургов и режиссеров, в спектакле «О наслаждении» обратился как автор и постановщик к подлинному историческому событию — визиту Дени Дидро ко двору Екатерины II в 1774 году. Изящно написанные, остроумные диалоги ведут к горькому итогу. Гениальный Дидро, упоенный встречей двух родственных душ (скрепленной даже общим ложем с императрицей), захваченный составлением меморандума о реформе образования в России, не замечает, что постепенно становится марионеткой в руках царицы и объектом дворцовых интриг. Предпремьера пьесы Войтышко (тогда под названием «Семирамида») состоялась еще в 1996 г. во вrocławском Современном («Вспулчесном») театре в постановке Эрвина Аксера.

- Новый взгляд на Юлиуша Словацкого предлагает Павел Водзинский. На сцене быдгощского Польского театра он поставил спектакль «Словацкий. 5 драм. Историческая реконструкция» по мотивам пяти произведений нашего романтического гения («Мазепа», «Серебряный сон Саломеи», «Ксендз Марек», «Хорштынский», «Кордиан»). «Контаминация пяти исторических драм Словацкого, которую предпринял Павел Водзинский, не могла бы появиться ни при каком каноническом подходе. Это уже не только деконструкция мессианского мифа, но демонстрация, насколько сильно польская самобытность базируется на неприязни к “чужим”, — пишет Иоанна Деркачев в «Газете выборчей». — Хотя в спектакле нет ни малейших движений в сторону политической хроники, острый исторический контекст национальных конфликтов предстает болезненно выразительным».

Спектакль для выносливых: идет целых шесть часов.

- В радомском Всеобщем («Повшехном») театре имени Яна Кохановского Линас Мариус Заикаускас 20 февраля показал премьеру «Дяди Вани» в переводе Артура Сандауэра. Спектакль вписывается в приходящееся на нынешний год празднование 150-летия А.П.Чехова. На роль профессора Серебрякова литовский режиссер пригласил Здислава Вардейна, известного варшавского актера театра и кино.

- В тот же день прошла премьера в варшавском Национальном («Народовом») театре. Петр Цесляк поставил «Сторожа»

Гарольда Пинтера с Янушем Гайосом в главной роли. «Я встретился с Янушем Гайосом в 80-е годы молодым режиссером, в работе над спектаклем по Бертольту Брехту в “Театре Народовом”, — вспоминает Цесляк. — Он прекрасно играл. Я очень рад, что снова смог сейчас встретиться с этим выдающимся актером».

• А вот давно ожидаемый спектакль Кристиана Люпы «Персона. Тело Симоны» (о Симоне Вайль) в варшавском Драматическом театре завершился скандалом. Во время премьеры 13 февраля видная актриса среднего поколения (а также поэтесса и фельетонистка) Иоанна Щепковская, играющая последнюю инкарнацию Вайль, обратившись к режиссеру со словами: «Как далеко можно пойти?» — показала ему обнаженные ягодицы. Автор рецензии в газете «Жечпосполита» пишет: «Новый спектакль Кристиана Люпы провалился после многих месяцев работы. Представление было катастрофой».

Премьера с самого начала висела на волоске. Ранее от роли Симоны Вайль — французской мыслительницы и мистика, еврейки, обратившейся в христианство, но не принявшей крещения, — отказалась Майя Коморовская, не согласившись с режиссерским видением персонажа. У Щепковской тоже нарастал протест.

— Премьера «Симоны» должна была состояться год назад. Но для Кристиана времени не существует, — сказала Щепковская в одном из интервью. — Репетиции идут годами. Я актриса, и мое дело — игра, движение. Слушая месяцами, как Кристиан Люпа рассказывает о своих переживаниях, я ощущала себя бесплатным психотерапевтом, не раз собиралась отказаться от роли. Я не хочу театра-монастыря, я должна контактировать с нормальной жизнью. Даже во время захватывающих репетиций.

Почему Щепковская проявила на премьере, как это определил Люпа, актерскую инициативу? Сама она сделала по этому поводу специальное заявление:

— Кристиан Люпа в своем спектакле артикулирует следующие установки. Не артист тот, кто не преодолевает ограничений. Актер должен вести диалог с персонажем и режиссером. Должен уйти от театрализации и включить свою личность. Во время премьеры я не сделала ничего сверх этого. Следуя этим установкам, я попробовала сама с ними соприкоснуться — преодолела ограничения. Оголяя ягодицы, я создала пространство собственной компрометации. Я и думать не могла, что режиссер отринет мой жест и признает его ошибкой.

Вскоре после фатальной премьеры Люпа выехал в Мадрид, где будет ставить «Конец игры» Беккета. Щепковской он оставил письмо с сообщением о решении отстранить ее от спектакля «из-за отсутствия любви и отсутствия связи с партнером».

• Прекрасный юбилей: 20 февраля Дануте Шафлярской исполнилось 95 лет! Любовь зрителей принесли ей еще снятые сразу после войны «Запрещенные песенки» и «Сокровище». Актриса по-прежнему играет, радуя естественностью, чувством юмора и трезвым взглядом на мир. Премии так и сыплются на нее: за роль в фильме «Пора умирать» Дороты Кендзежавской; за роль Бабки в «Daily Soup» в «Театре Народовом»; за роль Сонной старушки на инвалидном кресле в «Между нами все хорошо» Дороты Масловской в постановке Гжегожа Яжины в «ТР Варшава»; за роль Станиславы Звежинской в фильме «Сколько весит троянский конь?» Юлиуша Махульского. Шафлярской присуждено также несколько премий по совокупности творчества, в том числе на втором фестивале польских фильмов «Висла» в Москве. Она отмечена также «Хрустальным зеркалом» за «невероятный артистизм, годами притягивающий молодых и зрелых зрителей; за пример того, как работать, прекрасно и мудро жить; за витальность, чувство юмора и здоровый дух».

— Перед Данутой Шафлярской я могу только встать на колени,
— признается режиссер фильма «Пора умирать» Дорота Кендзежавская. — Трудно говорить о столь прекрасном и благородном человеке, не впадая в банальности. Как жаль, что пани Дануся не преподает актерское мастерство, которому многие могли бы у нее поучиться.

• Роман Полянский получил на кинофестивале в Берлине «Серебряного медведя» — премию за лучшую режиссуру (за фильм «Писатель-призрак» по роману-бестселлеру Томаса Харриса). В «Писателе-призраке» снялись Пирс Броснан (штатный Бонд) и Иван Мак-Грегор. Судьба незавершенного фильма была тревожной в октябре 2009 г., когда Полянский попал в тюрьму в Швейцарии. Однако фильм, уже полностью снятый, удалось закончить. В «Писателе-призраке» критики усматривают аллюзии на британскую политику и бывшего премьера Тони Блэра, критикуемого за излишнюю зависимость от США. Главный редактор еженедельника «Кино» Анджей Колодынский говорит, что он под сильным впечатлением от фильма и его режиссуры: Полянский сделал очень хороший фильм в стиле «черного кино», очень горький, не без влияния, конечно, собственного опыта.

— «Писатель-призрак» — это антиамериканский фильм. ЦРУ в нем главный антигерой, — пишет Яцек Щерба в «Газете выборчей». — Известно, что Полянский боится Америки, боится экстрадиции и суда. Не случайно в «Девятых вратах» (1999) за этими заглавными воротами, где должен быть ад, мы видим Нью-Йорк.

Фильм совместного англо-франко-германского производства снял польский оператор Павел Эдельман, выдвигавшийся на премию «Оскар» за работу в фильме Полянского «Пианист».

• «Кролик по-берлински» Бартека Конопки и Петра Росоловского будет бороться за «Оскар» в разделе коротких документальных фильмов. Это рассказ о тысячах диких кроликов, которые в течение 28 лет жили на нейтральной полосе между двумя рядами стены, отделявшей Западный Берлин от территории ГДР. Жили тесно, но безопасно. Увы, в один прекрасный день стена пала, а кролики должны были искать себе новое место. Описание событий «с точки зрения кролика» оказалось поразительной метафорой ситуации, в которой пребывали жители Восточной и Центральной Европы в 1945-1989 годах.

— Трагическую историю мы представили в форме занимательного, несколько наивного рассказа, — сказал молодой режиссер Бартек Конопка в интервью «Газете выборчей». — Мы специально не использовали никаких дат или имен. События оторваны от исторической конкретики. Американцы говорят, что до сих пор в документальном кино не видели ничего подобного. Последовательные фазы раздела Берлина, сооружения кордонов, а затем стены, всё более высокой и охраняемой, то есть историю ГДР, мы рассматриваем с точки зрения интересов кроликов, живущих в замкнутом пространстве «возле истории». Еще во время съемок фильма немецкие партнеры рекомендовали нам, чтобы на экран попала хотя бы фамилия Хонеккера — самое связанное с ГДР имя. Ведь именно Эрих Хонеккер подразумевается в фильме в образе «друга животных». Но мы этого не сделали — и, наверное, правильно. Американцам импонировало, что мы не изменили жанру сказки.

• В польском ПЕН-клубе новый председатель. Им стал Адам Поморский — переводчик, эссеист, историк, бывший до того вице-председателем. Его предшественник Владислав Бартошевский избран почетным председателем. Адам Поморский (род. 1956) известен как выдающийся переводчик художественной литературы, в том числе русской. Он переводил произведения Ахматовой, Бунина, Гумилева,

Есенина, Замятина, Мандельштама, Хлебникова, Шаламова, «Бесов» и «Братьев Карамазовых» Достоевского. О последнем переводе, вышедшем в издательстве «Знак» в 2004 г., Гжегож Пшебинда написал: «Наконец мы получили по-польски настоящих “Братьев Карамазовых”». И это не простое воспроизведение мира Достоевского, но создание его заново на чужом языке спустя 120 лет после появления оригинала».

- Объявленная на начало марта премьера книги Артура Домославского «Капустинский non-fiction» может не состояться. Алиция Капустинская, вдова писателя, подала в суд заявление о так называемом обеспечении иска, то есть судебном запрете на распространение книги, а сам иск к автору биографии Капустинского связан с нарушением личных прав вдовы, особенно права на добрую память об умершем.

Домославский считает, что это борьба с его книгой с помощью предварительной цензуры и что «нельзя написать правдивую биографию какого-либо человека и никого не огорчить». В своем блоге он пишет: «Моя книга многое делает явным и многое объясняет, но не носит разоблачительного характера. Те, кто надеялся, что Капустинского низложат и сурово осудят за его положение в ПНР, будут удивлены тем, каким образом я его защищаю. Те, кто ждет скандальных рассказов, разочаруются... А многие удивятся, что с такой книгой можно захотеть бороться в суде. Но довольно... Прочитаете — увидите».

Один из немногих, кто уже смог познакомиться со спорной книгой Домославского, журналист «Жечпосполитой» Бартош Мажец, опубликовал статью под названием «Загадочная улыбка пана Рышарда», содержащую, в частности, такую оценку:

«Обращаясь к болезненным темам (трудные отношения с дочерью Зойкой, которая не хотела жить с родителями в Мексике и в 17 лет самостоятельно вернулась в Польшу; длительное любовное увлечение писателя), Домославский старается сохранить тактичность. Он подчеркивает, что Капустинский стремился наладить отношения с дочерью. Что главной женщиной для него была жена Алиция, которую он никогда бы не оставил.

Однако иногда автора заносит, он позволяет себе несколько лишних фраз. И тогда создается впечатление, что Домославский стремится к сенсации любой ценой. Определенные сведения о семейной жизни Капустинского мне

(и, наверное, многим другим) явно ни к чему. Но зато, я знаю, они причиняют боль близким пана Рышарда».

Несколько лишних фраз — быть может, в том всё и дело.
Почитаем — посмотрим.

Прощания

• 27 января в возрасте 76 лет в Варшаве умер Мариан Гжещак — поэт, прозаик и переводчик, дипломат, редактор журнала «Творчость» («Творчество»). Широко известны сборники его стихов «Густой свет» (1965), «Ясность» (1970), «Квартал стихов» (1980), а также поэтические книги последних лет: «Златорунный баран» (2004) и «Верткий» (2006). В 1960-х он был одним из первых представителей так называемой конкретной поэзии в польской литературе. В 1990–1996 был консулом Польши в Чехословакии и советником посольства в Словакии, а также директором Польского института в Братиславе. В 1996–1999 — председателем Объединения польских писателей. Его большой любовью был спорт, которому он посвятил несколько книг. В 2004 г. Польский олимпийский комитет наградил поэта Золотым олимпийским знаком.

• 14 февраля в Варшаве умер Ежи Турек — актер театра, кино и телевидения. Он выступал на подмостках столичных театров — Польского, «Народового», «Миниатюры», «Квадрата». Надолго запомнятся его замечательные комедийные роли, например незабываемый тренер Яжомбек в фильме «Мишка» Станислава Бареи. Он снялся почти в ста фильмах, среди которых «Крест за отвагу», «Где генерал...», «Самозванец с гитарой», «Я вверх», «Не люблю понедельника», «Партия деревянного инструмента», «Контролируемые разговоры». Более двенадцати лет играл почтальона в популярном сериале «Злотопольские». Ему было 76 лет.

• 17 февраля в возрасте 80 лет в Константине под Варшавой умер Витольд Скарух — актер театра, кино, режиссер. Обычно его приглашали на роли интеллигентов и священников. Дебютировал в «Целлюлозе» Ежи Кавалеровича. Затем снимался в фильмах «Поезд», «Как быть любимой», «Новогоднее приключение», «Пан Володыёвский», «Страхи» и др. Играл также в сериалах — «Четыре танкиста и собака», «В лабиринте», «39 с половиной», «Приход».

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

К тридцатилетию исторической забастовки на Гданьской судовой верфи имени Ленина поднимается волна размышлений о том, чего Польше и полякам удалось за этого время достичь. Когда в августе 1980 г. вместе с поэтом Антонием Павляком мы покидали верфь (туда я приехал раньше с другим поэтом, Томашем Яструном), я услышал слова, с которыми сразу же согласился: «Мы были свидетелями начала конца коммунизма». И хотя, как оказалось, конца системы в Польше пришлось ждать еще десять лет, но не подлежит сомнению, что это и в самом деле было началом конца. Большой фестиваль «Солидарности», длившийся до введения военного положения, был, несомненно, чем-то изумительным, своего рода бесконечным, подчас даже утомительным праздником. Это было время пафоса и укрепления того, что публицисты называют национальной гордостью. Более позднее обретение независимости за «круглым столом» уже не несло в себе такого запаса энергии: общество было измучено метаниями и долгим чувством безнадежности. Даже демонтаж Советского Союза не стал настолько переломным моментом, как тот, когда в Гданьске подписывали августовское соглашение.

Сегодня, тридцать лет спустя, появляются рассуждения, касающиеся польской суверенности. Одно из них — с которым я совершенно не согласен, но считаю всё же важным, — это статья прозаика и публициста Бронислава Вильдштейна «Справятся ли поляки с независимостью?» («Жечпосполита», № 25/2010). Вильдштейн начинает полемикой с концепциями, основанными на том, что нация — понятие исторически преходящее:

«Это взгляды базируются на установке прогрессистской идеологии, состоящей в том, что нация — это реликт давних, варварских времен, поэтому ее следует отправить на свалку истории. Такое утверждение не опирается ни на какие аргументы и вырастает из наивной веры в однозначный и познаваемый ход человеческой истории. В то же время, вопреки очередным пророчествам, нация не только не хочет сходить со сцены, но умудряется на ней укрепиться. (...) Нация — это самая широкая реальная человеческая общность. Людям

необходима принадлежность к такой, объединенной различными связями общности, выделяющейся из неопределенного мира и противостоящей другим общностям. Понятие «человек» — абстрактное. Определение «родственник» («согражданин») отсылает к конкретным союзам. Конечно, любой встречный человек, безотносительно к его национальности, приобретает конкретность, но число людей, которых мы можем непосредственно узнать, ничтожно».

Категоричность этого вывода — если не брать во внимание данные сложных социологических или антропологических исследований — удивляет и обескураживает. Оставим даже то, что — особенно, скажем, в Китае или России — число соплеменников, которых можно непосредственно узнать, ничтожно, но меня вот всегда интересовало, что же такое обозначается названием «американская нация». Открытым вопросом остается, понятное дело, и проблема этих самых «разнородных связей», долженствующих нацию создавать. И — обратимся к истории — открытым остается вопрос о существовании или несуществовании нации в Римской империи. Не подлежит сомнению одно: национальное государство как политический конструкт сформировалось в Европе (как было и есть в Азии и Африке — не знаю) на рубеже XVIII–XIX вв., а его апофеозом стали события II Мировой войны. И ст?ит согласиться с Вильдштейном, когда он пишет:

«Европейские национализмы, идущие от времен романтизма, взорвались европейской гражданской войной, которой можно признать период 1914–1945 гг. Она началась с I Мировой войны. Следующее десятилетие было не умиротворением, а нарастанием напряженности и конфликтов, готовивших II Мировую войну, которая поставила Европу на грань уничтожения».

Но тогда непонятно, почему Вильдштейн не может извлечь следствий. И дело не в том, существуют ли сегодня сами нации, но в том, что эта «европейская гражданская война» ставит под сомнение ценность, которой в Европе XIX века обладала идея национального государства. Идея эта, деликатно говоря, относительной ценности.

Но общая концепция нации, которую преподает Вильдштейн, имеет довольно понятную цель. Ибо писатель обвиняет элиту Третьей Речи Посполитой в том, что, ставя под сомнение ценность национального государства, они не замечают, какие происходят в реальной европейской политике перемены —

выталкивающие Польшу на обочину, а тем самым опасные для независимости польского государства:

«Этот истеблишмент боится собственного народа и мечтает раствориться в европейском море. Он создал мнение о поляках как о ксенофобской, захолустной общности, действующей на основе религиозно-племенных рефлексов, которая не доросла ни до демократии, ни до современной Европы. И, чтобы осуществить цивилизационный рывок, она, по мнению нашей элиты, должна пройти и проходить педагогические процедуры, которые отдалят ее от своей самобытности или привьют нежелание национальной идентификации. Сторонники таких взглядов, вперившись в мифическую Европу, ждали от нее поддержки своим действиям. Иными словами, искали европейских покровителей. Те, кто стыдится собственного народа и не доверяет ему, должны искать исходные пункты где-то вовне, а комплекс превосходства над собратьями уравнивать комплексом неполноценности перед большими нациями Европы».

Читая это, я задумываюсь: какие (и на каком основании) европейские нации Вильдштейн относит к «большим» и что эта «величина» должна означать? Если измерять «массу тела», то дело плохо: поляков с очевидностью меньше, чем граждан Германии, Франции или Италии. И с естественным приростом не лучше.

Но довольно об этом. Важнее вот что: Вильдштейн считает, что такая (самим им обнаруженная) позиция польской элиты имеет результатом отсутствие готовности противостоять грозящим Польше опасностям. А это, как он пишет, опасности реальные:

«Нападение на Грузию доказывает, что Россия не отказалась от применения силы для достижения имперских замыслов. При таком положении вещей мы обязаны предусмотреть возможность инспирированного Россией белорусско-польского конфликта, от которого международное сообщество предпочтет держаться подальше. Или, при самом неблагоприятном ходе событий, столкновение по линии Киев — Варшава, если Россия получит контроль над Украиной. Мы же к таким сценариям вообще не готовы. (...) Готовы ли мы отказаться от иллюзий и в ситуации угрозы защищать сами себя? (...) Вопреки насаждаемым в Польше взглядам, самостоятельная внешняя политика не обязана обеспечиваться особыми средствами. Напоминание о себе в Европе, создание ягеллонского союза, даже союза государств, которым угрожают имперские аппетиты России, не требует

дополнительных затрат. Нужно лишь смотреть правде в глаза и не обманывать граждан. Конечно, каждый охотно поверит, что нам ничего не грозит, что не нужно никаких усилий и жертв. Во имя независимости мы должны призвать к совершенно иному. Независимость — это гарантия свободы».

Вот с самой последней фразой нельзя не согласиться. Только в свободном, а поэтому независимом государстве можно строить такие предположения. Разработка сценариев, даже менее вероятных (но всё же возможных), — это даже замечательная игра, о чем Вильдштейн, способный прозаик, прекрасно знает. Хуже, когда political fiction трактуется как литература совершенно реалистическая. Еще хуже, когда это делает столь популярный публицист. И если делает он это на основе собственных фобий и опасений, а не на основе анализа действительности, то должен попробовать выяснить мнения других. Вот, к примеру, мнение, которое представил Мирослав Чех в статье «Польша — Россия: между Сциллой враждебности и Харибдой сомнений» на страницах «Газеты выборчей» (2010, №25). Автор пишет о переменах, происходящих в России:

«Православная церковь и президент Дмитрий Медведев осудили сталинизм, всё сильнее движение за модернизацию, направленное на кооперацию с Европой и миром. Поэтому стоит прислушаться к этим голосам и проявить терпение, ибо время работает на пользу России. Для России воспоминание о гекатомбе II Мировой войны — инструмент великодержавной политики. Для Польши — нет. На страдания военного и послевоенного времени мы можем сегодня взглянуть из счастливого финала. Именно „Солидарность” начала процесс перемен в советском блоке, которые завершились „осенью народов” 1989 го и крушением СССР. Память об этом — это наша сила. Россия же должна помнить, что Польша создала модель демонтажа прежней системы и эффективной общественной и хозяйственной модернизации. И прогресс нашей модернизации делает эту модель еще более привлекательной, усиливая значение Польши в регионе и во всей Европе. Для Путина распад СССР был крупнейшей геополитической катастрофой XX века. Отступление от этой доктрины — ключ к умиротворению внешней политики России. Осуждение преступлений Сталина делает российскую политику более предсказуемой, дает шанс обратиться к демократическим ценностям и помогает нормализовать отношения с соседями. Польша может помочь в этом процессе — без кичливости и миссионерства, но с осознанием своего возрастающего значения в российском мышлении о делах Европы. Не все в Польше хотят об этом помнить. (...) В сентябре

в Польше побывали представители Русской Православной Церкви. Копию иконы Матери Божьей Ченстоховской они отвезли в Нило-Столбенский монастырь в десяти километрах от Осташкова и поместили там. Именно отсюда 6,3 тыс. польских пленных были вывезены в Тверь на смерть. И можно надеяться, что совместная молитва польской и русской Церквей в Катыни будет не единичным актом, а новым этапом построения единства на прочном аксиологическом фундаменте. Интерпретируя эти факты, профессор Ротфельд использовал определение: „Начало процесса повторной десталинизации”. (...) Сегодня такая оценка еще представляется мне слишком оптимистической. Российские власти не готовят нового доклада Никиты Хрущева с осуждением культа личности. Путин держит страну крепкой рукой, готовится к новому президентству в 2012 году. Во внешней политике все еще доминирует доктрина сентября 2008 го о сфере привилегированных интересов. Будет хорошо, если Путин или Медведев приедут в Катынь воздать дань памяти убитым. Но если этого не произойдет, то диалог следует вести с теми, кто до него дозрел. Придет пора и для российских лидеров. Польскому же президенту или премьеру я бы посоветовал принять участие в российских торжествах в мае. Интересы Польши требуют также, чтобы в предстоящей избирательной кампании кандидаты не использовали внешнюю политику и не играли на „принципиальности” в отношении России. Наша политика по отношению к России — между Сциллой и Харибдой. С одной стороны — наша враждебность и антипольская истерия соседей, с другой — сомнение в успехе каких-либо попыток установить партнерский диалог. Во имя разумно понимаемых собственных интересов мы должны продолжить курс Ежи Гедройца, принятый в свое время демократической оппозицией. То есть против империализма, нарушения прав человека и попрания демократических свобод. И действовать в пользу свободы, поддерживать демократические движения и права народов бывшей империи».

Такова текущая публицистика — на фоне России. Но, завершая тему, приведу заключение большого очерка Кшиштофа Рухневича под знаменательным заголовком «За свободу надо платить», помещенного в вроцлавском журнале «Одра» (2010, №1):

«Польша после 1989 г. радикально изменилась. Прежде всего она освободилась от экономических условий, которые с XVIII века отрицательно влияли на ее развитие. Стала членом НАТО и Евросоюза, установила очень хорошие, просто хорошие или

нормальные (с некоторыми колебаниями) отношения с соседями. Правда, иногда говорят, что в нашем выходе из коммунизма не хватило явного перелома, однозначно отделяющего эпохи — до 1989 го и после... Возможно, мирная революция, начавшаяся летом 1980 го, имела вид прагматической постепенности, но результаты были революционными — не меньшими, чем при мощных массовых порывах. С течением лет поляки начинают склоняться к такому мнению. Выстраивается иерархия таких переломных моментов. Большинство (40%) отдает пальму первенства переговорам «круглого стола» и не соглашается с теми, кто отрицает значение этого события. А перелом 1989 г., по мнению поляков, олицетворяют Лех Валенса и Яцек Куронь. Их роль в переменах отмечают 80% опрошенных. Это тоже не вполне отвечает взглядам части польской политической сцены.

Польша сегодня — влиятельное государство объединенной Европы, хотя пока еще всё ищет для себя такую форму функционирования в Евросоюзе, которая отвечала бы ее потенциалу и амбициям. Сейчас Польша, думается, оказалась перед необходимостью сделать выбор. Период преобразований завершился, достигнута объединяющая цель. Нужна новая. Возможно, ею станет дальнейшая модернизация страны и повышение уровня жизни. Но не окажется ли такая цель слишком обыденной, лишенной вдохновенной красоты исторического вызова?»

Что же, именно такая цель, похоже, выдвинута перед Польшей в предложенной премьером Туском программе модернизации. Программа имеет как внутренний, так и внешний аспекты — второй состоит в укреплении позиций Польши в Европе. Но среди этих целей, которые стоят перед Польшей и которые Польша разделяет в Европе, следует отметить также задачи, поставленные программой восточного партнерства, — задачи, несомненно, более серьезные, чем игры в солдатики и нанесение на штабные карты позиций в виртуальных стычках с соседями. Впрочем, если это игры, они имеют и образовательную ценность, которую не поставишь под сомнение.

В 1987 ГОДУ Я ПОЕХАЛ НА ВЕЛОСИПЕДЕ В КАТЫНЬ

«Я оптимистически оцениваю то, что российский премьер пригласил в Катынь польского премьера. Это беспрецедентный жест, и, думаю, он сделан для того, чтобы политически закрыть катынскую проблему», — говорит Алексей Памятных, один из русских, с конца 80-х годов помогающих установить полную правду о Катыни.

— Почему в 1987 году вы с сыном сели на велосипеды и поехали из Москвы в Катынь? Ты сознавал, что это повлияет на твою дальнейшую жизнь?

— Не люблю пафоса. В 1987 г. я провел несколько месяцев в Польше по научной работе. И по совету знакомых прочел там книгу «Катынское преступление в свете документов» с предисловием генерала Андерса. Первое ее издание было опубликовано в эмиграции в 1949 году. Книга, а это было неподцензурное издание, произвела на меня колоссальное впечатление. После возвращения в Москву — мы живем в подмосковном Звенигороде — решили с сыном, что поедем на велосипедах в Катынь, за 260 километров от нашего дома, подобные поездки мы уже совершали.

— И что конкретно вы хотели увидеть?

— Памятник, который там стоял и на котором была надпись, что польских офицеров убили немцы. Доехали мы за несколько дней, в Катыни оказались уже под вечер. Охранник хотел нас прогнать и вынуть пленку из фотоаппарата. Не знаю, был ли это кагэбэшник, но тогда там размещалась база отдыха КГБ. Охранника удалось как-то заболтать, пленку он не засветил. Я опасался, что нас заберут, а надо было уже где-то ставить на ночь палатку. Успел сделать несколько снимков. Надпись по-польски на памятнике была не только лживой, но и с ошибками: «Ofiarom faszyzmu — oficerom polskim, rozstrzelanym przez hitlerowcow w 1941 roku» [по-польски окончание дательного падежа множественного числа не -ам, как по-русски, а -ом]. Видимо, при возведении памятника не нашлось никого, кто исправил бы эти грамматические ошибки — а мне они, конечно, бросались в глаза.

— Ты понимал, что надпись на памятнике лживая?

— Тогда уже да. Территория была закрытой, к памятнику не вели никакие указатели [в действительности на шоссе был один указатель про мемориал памяти польских офицеров, расстрелянных гитлеровцами, у меня есть фотография этой придорожной таблички. — А.П.].

Ясно было, что кто-то хочет что-то скрыть. Когда вернулись в Москву, я написал письмо в Смоленский обком КПСС. Оно было в двух вариантах: резком, представляющем правду, и мягком, в котором я изображал дурачка. В резком и обширном варианте я написал, что знаю, кто совершил преступление. Но жена не разрешила послать такое письмо, так что я послал краткое и наивное письмо с вопросами, почему это памятник поставлен в стороне, на закрытой территории и о нем нет никаких указаний в путеводителях — коли польских офицеров расстреляли фашисты. Получил ответ от инструктора обкома, что ставлю правильные вопросы и что территория памятника вскоре будет выделена из комплекса дач. При этом в ответе было, конечно, отмечено, что речь идет о памятнике «польским офицерам, расстрелянным немцами в 1941 году».

— А потом? Ты ведь уже не мог отцепиться от катынской темы.

— Писал письма разным людям и в разные издания. Поначалу реакции не было. Однажды мое письмо захотел опубликовать «Огонек», я даже был в редакции по этому поводу. Обещали, что письмо появится под рубрикой «Письма читателей». Но через неделю оказалось, что писем читателей в очередном номере вообще не было, вместо них поместили интервью с одним поэтом.

— Перелом наступил в 1989 году.

— Да, тогда газета «Московские новости» напечатала большую статью Саши Акуличева и мою о Катыни. Решение было принято на самом верху, то есть на уровне Горбачева. Главный редактор хотел напечатать статью, ибо газета поддерживала перестройку, и на свою ответственность принял такое решение. Номер был уже в типографии, когда сверху пришел сигнал в поддержку публикации. В определенном смысле мы оказались использованы властью, потому что как раз в это время в Кремле пришли к выводу, что нужно менять официальную позицию в отношении Катыни.

— Это была первая публикация в СССР, в которой говорилось, что катынское преступление совершил НКВД?

— Несколько ранее в «Литературной газете» появился отчет Владимира Абаринова со встречи польских и советских историков и кинематографистов. Там были приведены высказывания, что надо выяснить проблему Катыни и что имеются расхождения. Просто наша статья была более обширной и детальной.

— В последующие 20 лет по проблеме Катыни было сделано очень многое. Президенты Михаил Горбачев и Борис Ельцин обнародовали ключевые документы, подтверждающие вину НКВД. Была проведена эксгумация в местах захоронений, ты в этом участвовал. Открыты кладбища в Катыни, Медном и Харькове. Что еще осталось сделать?

— Две трети томов расследования, которое проводила Главная военная прокуратура СССР, а затем России, несколько лет назад засекретили. Это бессмысленно. Польские эксперты — да даже я — в течение прошедших 20 лет видели больше томов, чем сейчас есть доступных. У меня в кабинете больше документов по Катыни, чем доступно сейчас в России. Например, есть видеозапись допроса в начале 90-х годов одного из ключевых свидетелей, Дмитрия Токарева, бывшего начальника УНКВД по Калининской области. Вскоре вывесим полный текст этих показаний на нашей странице о Катыни в интернете. Рассекречивание материалов следствия — это основа. Их засекречивание несколько лет назад было попросту чисто политической интригой. Второй вопрос — юридическая квалификация преступления. В 2004 г. военная прокуратура заявила, что это было обычное преступление, состоявшее в превышении власти высокопоставленными государственными и военными лицами. Задача юристов — решить, была ли Катынь геноцидом, военным преступлением или преступлением против человечества. По-моему, военным преступлением, которое также не имеет срока давности. Ни один объективный юрист, по-моему, не признает Катынь геноцидом.

— А удастся ли осудить преступников?

— Все — как заказчики, так и исполнители — уже умерли. Но нужно назвать их имена. Правду говоря, они давно известны, ибо осенью 1940 г. в газетах был опубликован список 125 человек, награжденных за участие в этой операции, хотя, конечно, не было указано явно, что как раз они убивали поляков. Они получили денежные премии. Недавно историк из «Мемориала» Никита Петров обнародовал этот список, он опубликован и на польском языке — в «Зешитах катынских», вы писали о нем в «Выборчей», а теперь вот он публикуется в

книге «Россия и Катынь». Нужно просто официально назвать этих людей виновниками преступления и добавить к ним лиц из руководства партии и НКВД как заказчиков. «Мемориал» добивается также признания расстрелянных жертвами политических репрессий, хотя прокуратура и московские суды на это не соглашаются. Признание жертвами политических репрессий было бы основанием для реабилитации, и это могло произойти еще в 2002 году. Владимир Путин говорил об этом восемь лет назад во время визита в Варшаву. Но потом польско-российские отношения ухудшились. Если удастся сделать все, о чем говорилось, то катынское дело можно будет политически закрыть раз навсегда. Им будут заниматься далее только историки, а не политики.

— Являются ли торжественные траурные мероприятия в Катыни, в которых впервые будет участвовать российский премьер-министр, знаком, что катынское дело движется в отмеченном тобой направлении?

— Я настроен исключительно оптимистически: это действительно беспрецедентный жест, что российский премьер пригласил в Катынь польского премьера. Думаю, как раз для того, чтобы закрыть проблему Катыни в отношениях между нашими странами.

— В России я часто слышал вопрос: зачем поляки упорно твердят о судьбе 20 тысяч офицеров, коли в России есть миллионы зачастую безымянных жертв сталинизма? Как совместить память о жертвах обеих стран?

— В Катыни погибла польская элита. И поляки подают русским пример, как чтить память своих жертв. В Катыни, Медном и Харькове созданы военные кладбища с именами всех погребенных там поляков. Русские и украинцы создали рядом с польскими мемориалами свои кладбища жертв НКВД. Они, вероятно, вообще не появились бы, не будь польских кладбищ. Однако на русских и украинских кладбищах нет фамилий. И в этом различие в ментальности поляков и русских. Поляков не удовлетворяют безымянные могилы, если есть возможность установить имена жертв. А у нас — огромное количество безымянных могил, и мало кого интересует, кто там захоронен. «Мемориал» работает над тем, чтобы установить имена всех жертв репрессий, но это гигантская работа на многие годы. Без помощи государства ее трудно выполнить.

— В Европейском суде по правам человека рассматриваются дела о рассекречивании материалов катынского расследования и о реабилитации жертв. Возможен ли

компромисс между Польшей и Россией, прежде чем будет вынесено решение суда?

— Если была бы возможность отозвать эти дела в связи с совместными польско-российскими политическими решениями, которые, по-моему, будут приняты, то это пошло бы только на пользу нашим отношениям.

— Коммунисты хотят создать в Думе комиссию, которая должна доказать, что польских офицеров в Катыни расстреляли немцы. Популярна ли ныне среди русских такая точка зрения?

— Правду говоря, я думал, что нет. Но несколько дней назад слушал по радио передачу, в которой выступили один из депутатов-коммунистов и руководитель польской секции «Мемориала» Александр Гурьянов. В дискуссии определенно победил Гурьянов. Но во время передачи был проведен опрос слушателей, кто, по их мнению, совершил катынское преступление. И 85% ответили, что немцы. В конце часовой передачи опрос повторили. На немцев указали более 70%, то есть своими аргументами Гурьянов убедил 10–15% слушателей. Нужно просвещать русских по катынской теме. По-моему, наилучшим решением был бы показ фильма Анджея Вайды «Катынь» на одном из главных каналов российского телевидения. Фильм не является антироссийским, он направлен против тоталитаризма и лжи. Однако в России он до сих пор демонстрировался только на клубных показах, а также на малодоступном спутниковом телеканале.

Беседу вел Мартин Войцеховский

Алексей Памятных — русский физик и астроном, который несколько лет живет и работает преимущественно в Польше, в Астрономическом центре имени Николая Коперника Польской АН в Варшаве. Проблемой Катыни занимается с конца 80 х годов. Член общества «Мемориал». Ведет в интернете страницу о Катыни: http://community.livejournal.com/ru_katyn/

*

«Россия и Катынь» — новое издание

К 70-й годовщине катынского преступления центр «Карта» вместе с варшавским Домом встреч с историей переиздали книгу «Россия и Катынь», впервые опубликованную 16 лет назад. В книге рассказано о том, что сделано в России с конца 1980 х по сей день для того, чтобы раскрыть правду об этом

преступлении. Нынешнее издание дополнено новейшими сведениями и фактами. Алексей Памятных описывает деятельность независимых исследователей, прежде всего общества «Мемориал», по раскрытию правды о Катыни. Историк Юрий Зоря рассказывает об официальных действиях и о том, как партийные деятели дозревали до того, чтобы признать, что польских офицеров расстрелял НКВД, а не немцы. В книге напечатано известное «Заключение комиссии экспертов», подготовленное по поручению властей РФ в августе 1993 г., — первый столь обширный материал о катынском деле в России. Публикуется также подборка материалов о юридических действиях общества «Мемориал» по катынскому делу и статья Никиты Петрова «Кто расстреливал поляков».

Книга была представлена 25 февраля в варшавском Доме встреч с историей при участии Александра Гурьянова, возглавляющего польскую секцию «Мемориала». 28 февраля там же был показан кинофильм Анджея Вайды «Катынь». После просмотра прошла дискуссия с участием режиссера и А.Гурьянова.

Интервью Александра Гурьянова радиостанции «Эхо Москвы» о катынском деле:

<http://dassie2001.livejournal.com/50672.html>

Обращение «Мемориала» к президенту РФ Дмитрию Медведеву в связи с 70-летием Катынского расстрела:

<http://hro.org/node/7611>

Комментарий председателя правления Международного общества «Мемориал» Арсения Рогинского, историка и правозащитника, к вышеуказанному обращению:

<http://hro.org/node/7630>

«ОГЛЯНИСЬ В РАСКАЯНЬИ»

В 1980 году в журнале «Континент» (№24) было напечатано заявление «Оглянись в раскаяньи», написанное к 40 й годовщине катынского преступления (текст был составлен главным редактором «Континента», покойным Владимиром Максимовым):

«В эти памятные и скорбные для Польши дни мы, советские правозащитники, хотим еще раз заверить своих польских друзей, а в их лице и весь польский народ, что никто из нас никогда не забывал и не забудет о той ответственности, которую несет наша страна за преступление, совершенное ее официальными представителями в Катыни.

Мы уверены, что уже недалек тот день, когда наш народ воздаст должное всем участникам этой трагедии, как палачам, так и жертвам: одним — в меру их злодеяния, другим — в меру их мученичества.

Апрель 1980»

Читая эти слова сегодня, как будто ничего не убавишь, не прибавишь, кроме того, что за прошедшие годы стали известны важнейшие документы и вина не только НКВД, но и политбюро ЦК ВКП(б) — вина, и тогда несомненная, — стала неопровержимой. Тем не менее продолжают, а в последнее время даже усиливаются, причем уже в стенах российского парламента, попытки опровергнуть преступление советско-сталинских палачей.

На протяжении десятилетий до последних лет существования Советского Союза продолжалось сокрытие преступления, укрывание преступников, насаждение лжи. Сегодня, на фоне молчаливого невмешательства официальных российских властей, возобновились попытки опровергнуть неопровержимое и внедрить в общественное сознание прежнюю ложь.

Катынская трагедия не должна быть забыта, и если жертвам должное отчасти воздано (увы, лишь отчасти), то палачей вновь восхваляют — и не только их прямые наследники.

Так «недалек ли тот день», когда российское общество перестанет жить мифами и трезво поглядит на свое прошлое?

«Что мне поляки?» — готов сказать рядовой житель России, обремененный своими повседневными заботами. Может быть, стоит ему напомнить, что в Катынском лесу расстрелы советских граждан шли задолго до 1940 года, что тысячи расстрелянных поляков из лагеря в Осташкове лежат в Медном под Тверью вместе с тысячами расстрелянных жителей тогдашней Калининской области, что массовые захоронения жертв коммунистического террора существуют в каждой области всех бывших советских республик. «Что мне прошлое?..» — ответит он. Но: сегодня заявляют, что поляки не были сталинскими жертвами, — завтра скажут, что сталинских жертв вообще не было. Или — едва ли не худший вариант, — что они были оправданны. Перефразируя Оруэлла («кто владеет прошлым — владеет будущим»), можно сказать: кто пренебрегает прошлым — потеряет будущее.

Это хотим мы напомнить сегодня — несколько из подписавших заявление тридцатилетней давности (многих уже нет в живых). Среди нас сегодня и те, кто не мог его тогда подписать, в первую очередь находившиеся в СССР — часто за решеткой, колючей проволокой, в ссылке, а также те, кто еще в советские времена не по долгу историка-профессионала, а по личному гражданскому чувству прилагал усилия — и прилагает в сегодняшней России — к полному раскрытию катынского дела.

Владимир Абаринов, Ирина Белогородская (Делоне), Андрей Блинушов, Елена Боннэр, Владимир Буковский, Илья Бурмистрович, Борис Вайль, Александр Грибанов, Наталья Горбаневская, Александр Гурьянов, Виктор Давыдов, Татьяна Житникова (Плющ), Юлия Закс, Сергей Ковалев, Эдуард Кузнецов, Александр Лавут, Павел Литвинов, Татьяна Максимова, Алексей Памятных, Леонид Плющ, Александр Подрабинек, Кирилл Подрабинек, Арсений Рогинский, Галина Салова (Любарская), Габриэль Суперфин, Татьяна Ходорович